

КАМО

*И. Дубинский -
Мухадзе*

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Легендарный Камо (Семен Аршакович ТерПетросян) начал свою революционную деятельность с распространения нелегальной литературы в Тифлисе в 1901 году. А вскоре он уже обучал рабочие дружины, дрался с царскими войсками на тифлисских улицах, совершал дерзкие экспроприации, доставлял оружие из-за границы. За арестами следовали побеги и снова аресты. Камо сумел в течение многих *месяцев* обманывать немецких и русских врачей, симулируя психическое заболевание. После Великой Октябрьской революции Камо руководил отрядом, действовавшим смело и отчаянно на фронтах гражданской войны и в тылу белогвардейцев. О жизни замечательного революционера, верного ленинца рассказывает книга писателя Ильи Дубинского-Мухадзе.

[Адаптировано для AIReader]

FB2 книгу сделал *mefysto*

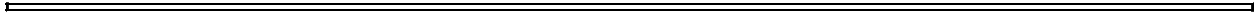
-
- [И. Дубинский-Мухадзе](#)
 -
 -
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 3

(537)

И. Дубинский-Мухадзе

КАМО

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Издательство «Молодая гвардия». 1974 г.

Kano.

..Нужно показать Камо так просто и правдиво, таким беззаветно храбрым, спокойным и ясным, каким он был. Он был человеком без позы и был художником революции.

Максим Горький

На исходе первая осень Отечественной войны. Гитлеровские танки на ближних подходах к Ленинграду, Москве. Тяжко невероятно.

Эвакогоспиталь в городе Ессентуки на Кавказских Минеральных Водах. По обе стороны длинных коридоров палаты, палаты... В той, что в дальнем углу второго этажа, у дверей располагается немолодой солдат с отнятой по плечо правой рукой — Кирилл Трофимович Вегера. Учитель из приднепровских пшеничных степей.

Спрос на того солдата огромный. Из каждой палаты неуступчивые напоминания: «Не забудь, сегодня наша очередь!»

По какой причине к солдату такой возрастающий интерес? И какое отношение имеет к Камо?

Никто лучше самого Кирилла Трофимовича не объяснит. Его письмо к биографу Камо, ныне покойному моему другу, Льву Степановичу Шаумяну.

«В 1941-м я был мобилизован. С собой захватил книгу с биографией Камо. Ко мне она попала порядком зачитанная, без обложки, по объему небольшая (75 страниц), на польском языке. Я по-польски мог читать.

Перед выступлением в бой под нашим областным центром Днепропетровском книжку закопал. Думал: придется в живых остаться — заберу, а не придется — не хочу, чтобы она германцам попалась. С боя вынесли меня почти что неживого. В себя пришел в санитарном поезде. Доставили в госпиталь на Кавказе. Палата — двадцать покалеченных людей. Я в счастливых — всего одна рука ампутирована, могу еще сгодиться.

«Фронтвики! — обращаюсь как-то после врачебного обхода к соседям, — желаете, расскажу одну историю. Чистая правда, потому как этого человека звали Камо». — «Давай рассказывай!»

Успех, как говорится, полный. Слушали, затаив стоны, пересилив боль. И веселый смех, когда я касался того, как Камо водил за нос полицию и следователей 19 стран.

К вечеру являются представители другой палаты. «Зашел бы,

Трофимович, к нам. Хотим твою историю послушать. Пойдем!» — «Пожалуйста, — отвечаю, — с удовольствием».

Иду рассказываю. А на следующий день та же просьба.

Понимаю — нельзя так. Комиссар госпиталя должен знать. Обращаюсь к старшему политруку за разрешением.

«Напишите конспект». — «Рад бы. Но левой рукой я только учусь писать. Попытаюсь набросать короткий план». — «Хорошо. Что сумеете, то и ладно».

«План» был составлен. Комиссар «благословил». Я обошел все 28 хирургических палат.

Через месяц попадаю на долечивание в Канибадам, есть такой город в Таджикистане. Сразу обращаюсь к комиссару и с его согласия принимаюсь знакомить раненых с художником революции, помните — так Алексей Максимович Горький назвал Камо.

В марте 1942-го то же самое в Саратовском гарнизонном госпитале.

С сорок третьего я снова в школе и при всяком удобном случае беседую с ребятами о Камо. Хотите знать, какое впечатление?

На улице в Днепропетровске меня останавливает молодой человек. «Здравствуйте, Кирилл Трофимович! Не помните меня?» — «Извините, что-то не припоминаю». — «Я ваш выпускник 1955 года. Вы нам о Камо говорили...»

Выпускник пятьдесят пятого года! Стало быть, прошло одиннадцать лет. А помнит! Уверен, образ Камо у этого человека навсегда запечатлелся. Он и своим детям передаст...

С уважением

Вегера».

В месяц цветения миндаля и зеленой свежести волнистых долин у шестнадцатилетней Мариам ТерПетросян родился первенец Симон, что значит послушливый. Наследник и продолжатель благословенного рода священнослужителей и купцов. Слава господу вседержителю!

В мае 1882 года. А числа называют различные. Календари и книги повторяют вслед за автобиографией^[1], неожиданно оборванной: «Родился 15 мая»^[2]. В протоколе жандармского допроса, по счету двадцать второму: «Время рождения — 16 мая». В метрической книге горийской во имя святого Степана Корошенского церкви младенец мужского пола Симон записан родившимся 6 мая. Актовая запись за номером 111. Подпись приходского священника, свидетелей, церковная печать. За метрикой сила первоисточника.

Значит, 6 мая 1882 года в городе Гори грузинской провинции Карталинии.

«Гори — старинный грузинский городок в долине Куры, — описывает корреспондент «Нижегородского листка» М. Горький^[3]. — Он невелик — с порядочную русскую деревеньку, среди него возвышается высокий холм, на холме крепость, по скатам холма и у его подножья разбросаны маленькие сакли и домишки, почти все из известняка. На всем городе лежит колорит какой-то обособленности и дикой оригинальности. Знойное небо над городом, буйные и мутные волны Куры около него, неподалеку горы, в них какие-то правильно расположенные дыры — это пещерный город, и еще дальше, на горизонте, вечно неподвижные белые облака — горы Главного хребта, осыпанные никогда не тающим снегом. Пейзаж был непривычен и чужд глазу великоросса, тон суров; зрение, привыкшее к широким горизонтам, сдавлено грядами гор, запиравших отовсюду котловину, разрезанную рекой и линией железной дороги, казавшейся неуместной среди этой простой и дикой красоты...»

Горийскому мальчику Симону, уже не очень-то послушливому, шел десятый год. Ночью, переполненной ожиданием, он выскользнул из дому, занял место перед виселицами на склоне крепостного вала. В плотной многотысячной толпе затиснуты и высокий костлявый русский парень с длинными волосами Алексей Пешков, незадолго перед тем обосновавшийся в Тифлисе, и крепыш в темнозеленом мундирчике

тифлисского реального училища Степа Шаумян. Пока они незнакомы. Каждый сам по себе. Власти разрешают всем желающим присутствовать на публичной казни двух крестьян-побратимов. Вина их чрезвычайно велика. Цивилизованное общество во имя высшего милосердия не вправе их щадить. Крестьяне застрелили, как бешеную собаку, сиятельного князя Амилахвари.

Несколькими неделями раньше один из преступников нанес князю смертельное оскорбление — обогнал его на скачках. Не посчитался с заранее сделанным внушением, чтобы никто не смел горячить своего коня и не вздумал показывать чрезмерную удаль. Князь, естественно, не мог оставить тяжкого оскорбления без последствий. И с ватагой верных друзей и слуг ночью увез невесту Сандро. Обесчестил ее.

Сандро и побратим его Григол Хубулури дали волю своему необузданному, дикому, как изволил определить на суде господин военный прокурор, характеру. Зарядили берданки нарезной картечью, застрелили молодого красавца князя на ступенях божьего храма.

Приговор утвержден в Петербурге. На масленицу сего 1892 года преступники будут публично повешены на крепостном валу уездного города Гори. О чем для всеобщего удовольствия на видном месте дважды сообщает газета «Кавказ», находящаяся под официальным покровительством самого наместника...

Казнь, разговоры, услышанные в толпе, шумное одобрение истинно рыцарского поведения побратимов — сами накинули на себя петли, сами выбили из-под своих ног табуреты — все заронит мысли неистребимые.

С той масленицы, отмеченной виселицами, в подражание крестьянам-побратимам первейшим увлечением Симона становится игра в «разбойники». С обязательным кулачным боем. «От этих усердных занятий, — помянуто в автобиографии, — даже нос мой изменил форму, раньше он был тонким, а потом, после многих катастроф, сделался широким... Я стал набирать себе товарищей из семей бедняков, сыновей каменщиков, красильщиков. Я водил за собой целую ватагу ребят».

«Голь какая-то... Каменщики-красильщики... Позор моему дому!» — наливался яростью спесивый родитель Аршак Нерсесов ТерПетросян. Подрядчик, поставщик мяса и фуража войсковым частям, он пуще всего любил пустить пыль в глаза, покрасоваться в горийском «свете».

На приемы-кутежи — сотни, для семьи — многократно пересчитанные гроши. На случай прихода гостей, визита из Тифлиса интендантов и провиантских чиновников в погребах Аршака вина, свежие фрукты зимой, копчения, маринады. Для жены, бывшей более чем в два раза моложе

своего повелителя, для детей мал мала меньше — родилось двенадцать, в живых осталось пятеро — для них подпорченные продукты по строжайшему счету.

При очередной проверке запасов папаша замечает недостачу. Ясно, дело рук разбойника Симона. Мальчик не таится, да, он открывает подвал, берет еду для сестренки и для бедствующего родственника матери старика Вартана. В ход по обычаю пускается ремень. «Буду, все равно буду!» — единственно, что произносит Симон. Зато навзрыд режут девчонки: Джаваира, Сундухта, Арусяк — из крайней тревоги за брата, их постоянного опекуна; несмышлениш Люстик — так, за компанию. Бегут слезы по щекам матери. Отстоять своего любимца Симона, она зовет его Сенько, Маро не в состоянии. В ее возможностях лишь украдкой поцеловать сына, приложить мази из целебных трав к кровоточащему телу...

Наступает час, выбранный Сенько для мести. Притаившись в темном чулане, он подкарауливает, куда Аршак отправится в глубокий подвал со съестным. Мгновенно захлопывает крышку люка, запирает на замок, кладет ключ в карман — и за дверь. Долго грохотал, грозился, звал на помощь взбешенный Аршак. Маро сама сбить замок не могла. Дворник почему-то тоже не спешил явиться на помощь хозяину. Самое же существенное, что Сенько на этот раз никакого наказания не понес. ТерПетросян-старший ограничился непреложной, по его мнению, констатацией: «Ни к черту негодный мальчишка».

В не слишком далеком будущем подросший Симон, услышав стоны и мольбы матери, ворвется в родительскую спальню с топором в руке. «Не смей бить!» Неузнаваемо преобразившийся Аршак (жестокость — оборотная сторона трусости) быстро окажется в соседней комнате. Оттуда прохрипит: «Жена, отвечай, кто в этом доме хозяин? Я или этот тигренок?»

Не разбойник — тигренок!

Пока что уверенность папаши Аршака: «Ни к черту негодный мальчишка» — полностью разделяют духовный пастырь — преподаватель закона божьего и сам господин директор городского армянского училища. Они, отнюдь не внемля первой заповеди: «Любите врагов ваших... благотворите ненавидящим вас...», всячески стараются изгнать Симона из паствы своей. Особенно после того, как встрепанный, черноволосый, с большими, чуть навывкате угольными глазами насмешник облил чернилами новую рясу законоучителя.

Экстренно призванный к господину директору Аршак в душе ничего не имел против исключения Симона из училища, но что скажут в «свете»?!

Тень на весь род Тер-Петросянов, которые всегда посвящали себя служению богу, о чем свидетельствует благородная приставка «Тер»... Пришлось, проклиная «этого щенка, его мать и сестер», разориться на достаточно тучного «барашка в бумажке», как в купеческой среде игриво именовалось впечатляющее приношение власть имущим.

Худой мир, который бог весть почему считают лучше доброй ссоры, продолжался весьма недолго. В пронизанный солнцем весенний день на уроке закона божия Симон поднял руку, деликатно попросил разрешения задать вопрос.

— Спрашивай, отрок.

— Батюшка, окажите милость, вразумите, как Христос спустился с неба на землю? По веревочке или по лестнице?

Грянул хохот, тут же сменившийся небывалой тишиной. Священник надвинулся на Симона. Тот невозмутимо стоял, руки по швам, весь почтительное внимание. Только глаза... Пастырь отступил. Втянул побольше воздуха:

— Вон! Вон, антихрист!.. Убирайся навсегда!

Свидетели, из тех, с кем Симон налетал на фруктовые сады, до синевы купался в реке, устраивал дуэли на поясах или играл в кочи — русские бабки на кавказский лад, — вспоминают: не раз рассказывал им мальчишка, что, стоя в толпе перед виселицами, он отчаянно молил бога: «Заступись, спаси побратимов! Сделай, чтобы лопнула веревка... Сотвори чудо!»

Ни чуда, ни всевышнего.

Для десятилетнего человека предельная убедительность: не внять его горячей мольбе, не заступиться за таких святых людей, как повешенные крестьяне, бог не мог. Чуда во спасение не произошло — значит, там, на небесах, пусто. И первый порыв — наказание законоучителя за горькую неправду (в автобиографии: «Я был очень религиозным мальчиком и пел в церковном хоре») — ряса, щедро облитая чернилами.

Более осмысленное. Накануне рождества, пояснит приятель Симона Тигран Вахтангян, «я готовился причащаться. То же самое предложил сделать и Симону. Он не только высмеял мое предложение, но и посоветовал мне отказаться от «этой глупости». Когда я отверг его совет, он вынул из кармана горсть кишмиша и преподнес мне. Забыв, что перед причащением ничего нельзя есть, я начал жевать кишмиш. Только в это время заметил, что Симон хохочет... «Причащение твое уже лишнее».

И как бы завершение — посрамление Христа перед классом...

Окончательное изгнание Симона из училища произошло на исходе 1898 года. В оценке, уже не мальчика, через все прошедшего, многоопытного Камо:

«Мать хотела, чтобы я был образованным человеком, но сделать для этого она ничего не умела... За годы учения я не только ничему не научился, но позабыл и то, что знал. Говорить по-русски я тоже совсем разучился.

Нравились мне войны и герои. Я увлекался рассказами об Александре Македонском, Цезаре, Камбизе, Дарии, Наполеоне. Раньше, лет восьми-девяти, зачитывался Майн-Ридом.

Я очень любил историю Греции. Эта любовь сохранилась надолго. Попав в 1912 году в Грецию, я с бесконечным интересом осматривал ее и несколько раз посетил Парфенон... Всегда мечтал о путешествиях. Думал: разве можно назвать человеком того, кто не объехал всего мира! Хотелось видеть Париж, Рим, Константинополь... В это же время мне нравились войсковые парады.

Лет в пятнадцать я стал знакомиться со студентами. Политической жизни я тогда еще не понимал, но к студентам чувствовал симпатию. Очень много слышал о Гиго Читадзе^[4] и преклонялся перед ним».

Разумного дела в Гори — никакого. С отцом отношения полностью враждебные. Материальное положение семьи крайне ухудшилось. Аршак большую часть своего капитала промотал. Маро скрепя сердце принимает давнее, не раз повторенное предложение сестры Лизы прислать Симона. Лизу, как и Маро, рано отдали замуж за богатого купца, тифлисского жителя Геурка Бахчиева. Только характеры у сестер разные. Маро — воск, Лиза — кремень и остра на язык. Мужа своего она крепко держит в руках, что в будущем сослужит весьма добрую службу.

Шестнадцатилетний Симон отправляется в Тифлис. Там энергичная тетка уже приглядела ему учителей. Из земляков-горийцев, воспитанников духовной семинарии. Одного из них — Иосифа Джугашвили, в обиходе просто Кобу, Симон и сам знает. Жили по соседству.

Первый приезд в Тифлис существенного следа не оставляет. Слишком скоро неумолимые обстоятельства требуют возвращения в Гори. Свалилась, долго скрывающая неизлечимую болезнь, мать Симона Маро Андреевна. Папаша Аршак всякую заботу с себя снял, догуливает остатки состояния. Угасавшая мать, четверо сестер — на плечах Сенько — безотказного утешителя, сиделки, кормильца.

После похорон тетка окончательно забирает к себе Симона и младшую из девочек — Люсик. Через год или чуть побольше добьется согласия мужа взять и остальных племянниц.

Снова, теперь по-серьезному, призваны для обучения Симона семинаристы Гига Годзиев и Иосиф Джугашвили. Если бы еще как следует знать, чему, собственно, учить, для какой цели?

Тетя Лиза жаждет для племянника традиционной карьеры Тер-Петросянов, священников. Стало быть, готовить Симона к экзаменам в духовную семинарию. Муя» Лизы преследует цель более близкую — надо пристроить парня на бухгалтерские курсы, чтобы побыстрее живая копейка...

Свой особый интерес у Симона. «В один прекрасный день, — сообщает 15 июля 1925 года в тифлисской газете «Заря Востока» Гига Годзиев, — Симон сознался, что хотел бы готовиться не на бухгалтерские курсы, а в юнкерское училище, чтобы, изучив военное искусство, отправиться в Турцию для освобождения армян».

Есть, обронено и в автобиографии: «В это время я был определенным националистом. Разговор с одним сознательным рабочим повернул меня совсем в другую сторону. Он мне сказал: «В нации есть хорошие и дурные, посмотри кругом: дома, театры, соборы — все построено рабочими, каждая улица мощена ими — и как они живут, никогда не пользуясь тем, что они строят. Значит, не нация нуждается в улучшении жизни, а часть ее, именно рабочие».

Духовная семинария... Бухгалтерские курсы... Юнкерское училище... Цель достаточно расплывчатая и, по мнению честно отработывавших свои обеды у тетушки Лизы Бахчиевой Гиги и Кобы, вовсе не стоящая. «Самое большое — из тебя получится офицер, — решительно выходя за рамки учебной программы, объяснил Коба, — оставь это! Лучше займемся другим делом!»

Симона больше не отсылали под каким-либо предлогом из комнаты Гиги, когда собирались семинаристы. Пусть остается и слушает. Пора ему!

Своим чередом, даже более энергично, шли занятия по арифметике и русскому языку. Задержались на склонении существительных. Не давался дательный падеж. Вместо «кому» само настойчиво вырывалось «каму», «камб»!

В плотных сумерках, когда с горы Мтацминда на многобалконный, знойно-каменный Тифлис сбегает свежий ветер и набирают голос зурны и дудуки, неумолимый Коба потребовал просклонять два десятка существительных. Ошибки тут же выписать длинным столбиком. Вошел товарищ Кобы, принялся рассказывать о каком-то интересном происшествии. Симон заинтересовался, прислушался, но, так как друзья говорили по-русски, не все понимал. Не выдержал, беспокойно переспросил: «Камб, слуши, камб?» — вместо «Кому, слушай, кому?». Дружный хохот был первым ответом.

«Камо, слуши, камо?» — поддразнивал Коба...

Свидетельство грузинского писателя Давида Сулиашвили:

«На конспиративной квартире я должен был познакомиться с неким Камо, доверенным подпольного Тифлисского комитета РСДРП. Я представлял его пожилым, бородатым, с нахмуренным, серьезным лицом.

После непродолжительного ожидания в комнату вошел парень с черными густыми волосами и улыбающимися глазами. «Это Камо!» — представили мне его мои друзья.

Но что это? Мы, кажется, были давно знакомы?

— Парень, твое имя же Симон, Сенько, почему тебя называют Камо? — спросил я, узнавая своего горийского соседа.

— Не знаю, во всем виноват этот Коба, — тихо проговорил новоиспеченный Камо. Торопясь перевести разговор в деловое русло, он протянул мне тугую пачку желтоватых листков. — Это тебе распространить.

Я тут же принялся читать нашумевшее впоследствии обращение эсдеков к тифлиским рабочим. Густой черной краской большими неровными буквами было напечатано:

«Призываем вас на наш желанный первомайский праздник. Призываем всех, кого давит капитал и притесняет царское правительство, всех, кто недоволен своей горькой участью, всех, кто осознал, что для улучшения положения необходима борьба. Призываем всех в первомайский праздник единодушно и энергично заявить наш протест против современного общественного и государственного строя».

— Кто писал? — вырвалось у меня.

— Кто писал, тот в Метехах. Прошлой ночью взяли.

Камо крепко сжал мою руку. Первым ушел».

Первые обыски, аресты с ночи на двадцатое марта. Увезен в Метехский тюремный замок Виктор Константинович Курнатовский. Сердечный, разносторонне образованный человек. В Тифлис он приехал по совету Ленина — они вместе отбывали ссылку в Енисейской губернии, — пользуется огромным влиянием, успевает многое сделать для распространения в Закавказье марксизма и упрочения связей русских и грузинских социал-демократов.

Желтоватые листки прокламации в Главных мастерских Закавказской железной дороги... На табачных фабриках... В вагонах конки... В караван-сарае... На центральном Головинском проспекте^[5]... В казенном театре... Всюду. На русском, грузинском, армянском языках. Кто печатает, распространяет, когда все «освященные» агентурой в Метехах?!

Ничего обнадеживающего сообщить в Санкт-Петербург губернское жандармское управление не в состоянии. «Выяснить своевременно деятельность и личный состав революционных кружков, влияющих на рабочих, совершенно невозможно. С одной стороны, недостаточность наблюдательного состава, совершенно переутомленного работой; с другой — заключение под стражу также не дало должных результатов, так как ввиду переполнения тюрьмы одиночное заключение не могло быть осуществимо».

В Тифлис стягиваются войска. Казачьи сотни хоперского полка, эскадроны драгунского нижегородского, пластунские и саперные батальоны. Отменены все отпуска господам офицерам гренадерских тифлисского и мингрельского полков. Вскоре после полудня семнадцатого апреля главноначальствующий на Кавказе князь Голицын собственноручно утверждает дислокацию войск у мостов через реку Куру, также на площадях и главных перекрестках.

Во вторник, семнадцатого. Заблагорезвенно, стало быть. Невысокий крепкий парень еще успеет мелькнуть во многих местах. Друзья у него всюду. А кто он сам — попробуй разбери.

За Курой — на Песках, Авлабаре, на Майдане и в Харпухах он в черных широких шароварах, атласной красной рубахе, туго перехваченной толстым серебряным чеканенным поясом. На верхней губе маленькие усики. На щеке курчавится кустик волос. По всем статьям шумливый, задиристый кинто-карачохели — уличный торговец зеленью, фруктами, рыбой. Весь товар легко умещается на деревянном блюде — табахи,

непостижимо каким образом прочно пристроенном на голове. В Надзаладеви и Чугуретах он, как все встречные, в рабочих замасленных брюках и косоворотке. В центре города — чинный гимназист. В Немецкой колонии — опрятный питомец реального училища. В любом виде отнюдь не стеснен, уверен в себе.

Достаточно уверен в этом парне и Тифлисский комитет эсдеков. «Камо сумеет... Камо доставит на конспиративные квартиры новые выпуски прокламаций... Камо сообщит об экстренном решении перенести время и место демонстрации».

Теперь в воскресенье, 22 апреля, на Солдатском базаре.

Один из тех, кого навещал Камо в Тифлисе, Баку, —

Сергей Яковлевич Аллилуев^[6] напишет десятилетия спустя:

«Настало воскресенье. Утром я вышел на улицу. День выдался теплый, ярко сияло солнце. Я свернул на Кировую улицу, миновал Верийский мост и поднялся к Головинскому проспекту. В конце проспекта было много гуляющих. Среди них я узнал рабочих мастерских и депо.

Кое-кто из гуляющих был одет не по сезону: в теплые пальто и кавказские овчинные шапки. В таком же одеянии оказался и Ваню Стурюа^[7].

— Ты что, болен? — поразился я.

Ваню приподнял шапку, улыбнулся.

— Здоров.

— Чего же ты оделся так?

Ваню придвинулся ко мне и зашептал на ухо:

— Понимаешь, мне и другим товарищам предложено выступить во главе группы... Понимаешь? Значит, первые удары казачьих нагаек примем мы. Пальто и папахи смягчат удар. Понял?

— Понял.

— То-то же, умно ведь?

Это было придумано действительно умно, потому что полиция уже появилась. В каждом дворе Головинского проспекта и Дворцовой улицы были расставлены полицейские наряды.

...Ваню Стурюа бросился к группе рабочих, выступавшей посередине проспекта. Послышались дружные возгласы:

— Да здравствует Первое мая!

— Долой самодержавие! Да здравствует свобода!

С пением «Варшавянки» мы двинулись к центру. Откуда-то прискакали казаки. Завязалась борьба. Нашу группу рассеивали в одном месте, мы смешивались с толпой и вмиг появлялись в другом. Так

продолжалось несколько минут.

Полиция, казаки и дворники, налетевшие со всех сторон, заполнили проспект. Они стали теснить и избивать демонстрантов. Небольшими группами мы пробивались сквозь цепь и окольными путями направлялись на Солдатский базар, куда по договоренности мы должны были прибыть.

На Солдатском базаре по случаю воскресного дня собралось особенно много народу. Но покупатели в тот день были необычные. Они подходили к лавкам, приценились и, ничего не купив, отходили. Лишь в полдень торговцы поняли, что за «покупатели» собрались на базаре. Когда с арсенала грянул пушечный выстрел, над площадью раздалось:

— Да здравствует Первое мая! Долой самодержавие!

В ту же минуту полицейские с обнаженными шашками рванулись к знаменосцу... Засвистели казачьи нагайки, засверкали шашки. Рабочие отвечали камнями и палками. Схватка была отчаянная...»

Сила против силы. Впервые в тифлисском небе высоко над головами мастеровых, ремесленников, учащихся красное полотнище с кличем: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Знаменосец — тифлисский рабочий-железнодорожник тридцатишестилетний Аракел Окуашвили; при главном помощнике — девятнадцатилетнем, ликующем, себя вполне определившем Камо.

Три тысячи демонстрантов. В полный голос! «Да здравствует политическая свобода!.. Долой тиранию... Долой царское самодержавие!»

Князь Голицын — министру внутренних дел Российской империи:

«Произведенная рабочими большинства тифлисских заводов демонстрация 22 апреля 1901 года своим характером, совершенно чуждым частных интересов какого бы то ни было промышленного учреждения, вооруженным сопротивлением полиции и войскам и выброшенным демонстрантами красным флагом с призывными словами Коммунистического Манифеста и портретами Маркса, Лассалья и Энгельса вполне точно определила источник брожения рабочих».

Что верно, то верно. В новой прокламации Тифлисского комитета РСДРП:

«Рабочие, герои! 22 апреля вы приобрели сочувствие всего общества, всего народа. 22 апреля вы выросли не только в глазах Кавказа, но и всей России... Вашу храбрость прославляют все! Сила вашего духа приводит в изумление все общество. Ваша решимость поражает правительство!.. Да здравствуют тифлисские рабочие! Да здравствуют герои 22 апреля! Долой тиранию!»

И в ленинской «Искре»:

«С этого дня на Кавказе начинается открытое революционное движение».

И навечно определяется судьба горийского парня Симона Тер-Петросяна. С весны девятьсот первого года он в тесном сообществе единомышленников — член Российской социал-демократической рабочей партии.

Хозяйка конспиративной квартиры, где часто бывает Камо, старушка Айкануш улучает подходящий момент:

— Камо-джан, ты очень смелый, но совсем неосторожный, попадешь в беду. Горе матери и невесте!

— Майрик^[8], опасность, как говорят в твоих дорийских горах, придет и уйдет. Сама знаешь, кто боится крутой каменистой тропы над пропастью, тот никогда не достигает перевала. Простор долин за горными кручами.

Разговор на той же квартире в поздние летние сумерки. Камо и высланный «к месту постоянного жительства за организацию беспорядков в Рижском политехническом институте» Степан Шаумян. Тогда, в Гори, на казни крестьян-побратимов, затиснутый в толпу, мальчик в темнозеленом мундирчике ученика реального училища внимания Камо не привлек. Теперь авторитет Шаумяна достаточно высок. И хотя в возрасте разница не велика — Степан старше на неполных четыре года, — Камо считает его весьма опытным и ученым революционером. С нескрываемым интересом посещает кружок пропагандистов Степана. Рад случаю поговорить без помех, с глазу на глаз.

— Степан, скажи, друг, сейчас, что мы должны делать?

— Нужно читать «Что делать?», — серьезно говорит Шаумян.

— Зачем смеешься — читать, делать?

— Нужно читать «Что делать?», — подтверждает Шаумян.

— Это я тебя спрашиваю, что делать? Мне что делать?! — раздражается Камо.

Степан спохватывается.

— Ты читал роман Чернышевского «Что делать?»?

— Нет.

— Обязательно прочти. Там ты найдешь ответы на многие вопросы и познакомишься с одной обаятельной женщиной, Верой Павловной. Ты влюбишься в нее и долгое время среди женщин твоего окружения невольно будешь искать ее.

Вскоре от общих знакомых Шаумян узнает, что Камо достал книгу.

— Ну как, читаешь, нравится?

— Очень! Прочел два раза.

— Как, обаятельна ли Вера Павловна?

— Да, наверное. Но лучше Рахметов, это как раз тот, кого я искал. Мужчина настоящий! Не знаю, как он со стороны ума, ты это знаешь лучше, но для воли, для революционного дела настоящий!

— Я так и знал, — подтвердил Шаумян, — хотя Вера Павловна действительно пленительный образ.

После этого Шаумян нет-нет называл Камо Рахметовым, а тот улыбался. Порой добавлял:

— Да, это сильный человек!

На долю Камо испытаний выпадет куда больше. Будут они несравненно мучительней, чем ночь Рахметова на войлоке с сотней «мелких гвоздей шляпками с-исподи, остриями вверх, они высовывались из войлока чуть не на полвершка». И много совсем одинакового. Как будто Чернышевский задался дать жизнеописание Камо.

Детство, родители: «Отец его был человеком деспотического характера и ультраконсерватор... Мать его, женщина довольно деликатная, страдала от тяжелого характера мужа».

Зрелые годы. Бесповоротный запрет любить. «Такие люди, как я, не имеют права связывать чью-нибудь судьбу с своею... Я должен подавить в себе любовь... Я не должен любить». Чьи это слова — Рахметова у Чернышевского или Камо в реальной действительности?

Оперная певица-гречанка горячо полюбила Камо. Она готова бросить сцену, отправиться в любую страну, разделить судьбу любимого. Чувство Камо не менее сильное. Его первая любовь... Нет, нельзя. Жизнь принадлежит только революции. Надо порвать так, чтобы любимая меньше страдала. Пусть подумает, что ее избранник просто плохой человек, недостойный... Гречанка подкарауливает Камо на улице. «Отчего больше не приходишь?» — «Не знаю. Не жди!»

Пока ему двадцатый год. Очень хочется быть похожим на Рахметова. И знать так много, как Рахметов.

До вынужденного отъезда Шаумяна в Берлин осенью девятьсот второго года Камо занимается в его кружке, читает книги по рекомендации Степана Георгиевича. Не отрываясь, до полного изнеможения.

Кто-то должен заменить Шаумяна, взять на себя дальнейшие занятия с Камо, подбирать для него книги, растолковывать непонятное. В воспоминаниях Нины Аладжаловой, одной из первых на Кавказе женщин-революционерок, учительницы по профессии:

«Как-то пришел ко мне Аршак Зурабов^[9]. Привел одного парня с большими вдумчивыми глазами. Аршак сказал: «Занимайтесь с ним, из

него выйдет хороший борец». Парень представился: «Камо». Я назвалась: «Татьяна» (таков был мой новый псевдоним).

Мы начали заниматься. Камо поражал меня своей волей и настойчивостью. В сравнительно короткое время, за три-четыре месяца, он в общих чертах усвоил программу РСДРП и ознакомился с содержанием «Манифеста Коммунистической партии».

Было жаль, когда он объявил, что больше ходить не будет. «Спасибо, Татьяна, я уже кое-чему научился. Пока хватит. Комитет поручил мне оборудовать типографию».

Обзор событий на страницах 17—18-й газеты «Искра» от первого мая девятьсот третьего года:

«Тифлис. Выпустили прокламации «К гражданам», которые разбрасывались повсюду. В армянском соборе прокламации были переданы одному простолыдину со словами, что это «патриарше благословение». Тот, не подозревая, выкрикивал: «Патриарше благословение!» — и раздавал направо и налево. Прокламации были разобраны и читались с большим интересом...

В этот же день (вечером) 23 марта в театре Артистического общества, в бенефис одного из любимцев тифлисской публики, сверху посыпались прокламации. Для администрации это было такой неожиданностью, что полицеймейстер Ковалев и жандармский ротмистр Лавров кинулись исполнять роль театральной прислуги и очистили весь пол. В театре был и помощник Голицына Фрезе, который возмутился промедлением, разругал администрацию, результатом чего явилось глубокомысленное совещание Ковалева с Лавровым: откуда сыплются прокламации? После тщательного осмотра здания театра решили, что прокламации могут явиться *только*^[10] из отверстия над электрической люстрой...»

И признание того, кто произвел переполох, еще долгое время будораживший «высший свет» Тифлиса. Признание Камо:

«Я забрался на галерку, ждал того момента, когда Гамлет увидит тень своего отца и все внимание публики всецело будет направлено на сцену. В это мгновение я швырнул пачку прокламаций в пятьсот штук по направлению к центральной люстре. Они полетели, как белые голуби. Произошло большое волнение, публика начала хватать прокламации, а жандармский ротмистр, известный своей свирепостью, носился и отбирал у публики прокламации. От одной светской дамы ротмистр чуть не получил пощечину. Дама ему с ненавистью говорила:

— Вы, блюститель порядка, почему же вы это допускаете? Теперь, по крайней мере, дайте прочесть листки. Бог мой, как вы плохо воспитаны!

Я, пользуясь суматохой, ускользнул из театра, перешел на противоположную сторону Головинского проспекта и стал наблюдать, как полиция всех обыскивала и подозрительных людей арестовывала. Я наблюдал и смеялся над глупостью полиции. Потом я отправился в дом Аршака Зурабова, где было много других товарищей, и рассказал им обо

всем. Они хлопали меня по плечу и называли героем дня. Эта похвала товарищей была приятна и доставила большое удовольствие. Такие штуки в театрах я повторял в продолжение года много раз...»

Нередко повторял в качестве практических занятий с подопечными из нелегальных ученических кружков. Одних приходилось придерживать твердой рукой — слишком лезут на рожон. Других подбадривать — не в меру опасливы. Случаются белоручки, пустомели. Категория для Камо вовсе неприемлемая.

«Группе из трех человек я предложил разбросать прокламации вечером в театрах. «Мы попадемся из-за этого мелкого дела, — отвечали они: — Нам не удастся окончить учение и позже сделать что-нибудь большее. Если мы окончим учение, то впоследствии принесем больше пользы».

Я всячески уговаривал их, доказывая, что только тот, кто может и хочет делать маленькое дело, будет в состоянии со временем исполнить и большое. Они меня очень рассердили своим отказом».

Не знает Камо, что за много времени до его спора с любителями «больших дел» в далекой сибирской ссылке Владимир Ильич Ульянов исчерпывающе определил самую насущную потребность: «чтобы вести систематическую борьбу против правительства, мы должны довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства». Специализация на «технике» требует, «мы знаем это, гораздо большей выдержки, гораздо больше умения сосредоточиться на скромной, невидной, черной работе, гораздо больше истинного героизма...»^[11].

Как у всякого наставника, у Камо есть особенно близкие сердцу воспитанники — веселый, сильный юноша Серго (при крещении ему в честь деда дали имя Григорий, Григорий Орджоникидзе, но родные и близкие, позднее и соученики — все зовут его Серго) и в противоположность ему стеснительная, хрупкая девушка Джаваира.

У Камо никаких сомнений — хорошо или плохо он поступает, так рано вовлекая сестру в нелегальную деятельность. Свято уверен, что забота о будущем Джаваиры требует указать ей единственно достойный путь. По его, Камо, понятию. В личных записях Джаваиры, также в официальных документах обозначен год ее вступления в РСДРП — 1904-й. Стало быть, в шестнадцать лет. Но еще до того. «В Тифлисе, в узком переулке, выше серных бань, для срочного изготовления прокламаций был установлен печатный станок. Камо работал, я помогала, — расскажет Джаваира. — После печатания готовые прокламации я переносила на конспиративные

квартиры, а оттуда их распространяли по заводским районам.

Я переодевалась в татарское^[12] одеяние, покрывалась татарской чадрой, надевала на ноги коши, а под чадрой прятала прокламации. Для того чтобы искусно обмануть шпииков, Камо, обладавший большой наблюдательностью, придирчиво учил меня походке тюркской женщины и умению носить чадру».

Занозистый юноша Серго — их знакомство с Камо началось со столкновения — двумя годами старше Джаваиры. Он и успел уже побольше. У себя в веселых горах Имеретии, где круглый год вскипают волной, звонко дробятся о камни студёные реки и играет пятнистая форель, Серго низверг... царя! Если не живого, то, во всяком случае, его портрет со стены двухклассного министерского училища. И растоптал. В знак протеста против исключения из училища крестьянского нищего мальчика Самуила Буачидзе, повинного только в том, что публично возразил попечителю Кавказского учебного округа.

С осени 1901 года осиротевший Серго в Тифлисе. Учится на казенный кошт в фельдшерском училище при Михайловской больнице, живет в пансионате. Довольно скоро обретает доступ в круг видных грузинских революционеров. Избран в общегородской нелегальный ученический центр.

С Камо они столкнулись в подпольной типографии, куда оба весьма часто наведывались. Камо в качестве уважаемого крупного заказчика. Серго в роли поскромнее — чтобы помочь выправить корректуру, повертеть колесо «американки» — печатной машины.

Камо всякий раз являлся в новом, совершенно отличном обличье. То он щеголеватый грузинский князь в тонкосуконной черкеске и дорогой каракулевой папахе, то почтовый чиновник в пенсне на черном шнурке, то подвыпивший кинто или фаэтонщик... Серго таращит глаза, вертится поблизости. Быть может, он еще какое-то время соблюдал бы запрет вступать в разговоры, тем более расспрашивать о занятиях и подлинных фамилиях. Довольствовался бы тем, что знал ни на что не похожее имя этого поразительного человека. Не кавказское, не русское — просто Камо. Есть такое грузинское слово «кама», так это то, что по-русски «укроп», «травка». Все так загадочно...

Прорвало, когда за прокламациями, заказанными Камо, пришла пожилая прачка с майдана, с большой корзиной белья. Лишь по голосу, если хорошо прислушаться, можно было узнать старого знакомого. Серго держался, не подавал виду, а прачка, явно потешаясь, предложила: «Кацо, иди ко мне в помощники!»

Тут же сработала имеретинская привычка подсыпать в разговор перцу. «Кому помогать, батано Камо, князю или прачке?» — «Ты о другом позаботься, как бы с тобой чего не случилось с испугу! Мальчишка!»

У обоих появилось желание затеять рыцарский поединок. Первым опомнился более старший Камо — ему без малого двадцать один год, Серго около семнадцати. Протянутая рука немедленно горячо пожата. Долгие годы идти им вместе, быть друзьями, самыми близкими.

Пока оба вне подозрения у полиции. Несколько месяцев еще останутся на свободе. Для Серго неповторимая возможность перенять у Камо то, что не вполне исчерпывающе можно назвать: смелость, оригинальность, настойчивость, неистощимость.

Обучение мастерству больше практическое. И не без озорства. Вроде того что увесистая пачка прокламаций во время премьеры «Ромео и Джульетты» угодила в голову помощника главноначальствующего на Кавказе. Утром по городу достоверный слух: «В Казенном театре покушение на самого Фрезе... С галерки метнули бомбу!..» Для успокоения публики в газете «Кавказ» по всей форме опровержение властей. И, естественно, без огласки имен возмутителей спокойствия строжайший разнос от Тифлисского комитета эсдеков...

В следующие годы Камо точно так же будут выговаривать за склонность к озорству, за предельное своеобразие иных его поступков. В расчете: авось хоть немного побережет себя. А что изменится, перестанет быть самим собой, это никто в мыслях не держит. Да и кому тогда поручать все то, что по обычным человеческим меркам невыполнимо?!

Камо охотно подставляет плечи. Помимо сверхобостренного чувства долга, ему крайне интересно и откровенно радостно от того, что его энергия, самообладание, дерзость, вероятно, и задатки большого актера снова взяли верх в труднейшем поединке. Его натура, характер.

За время небольшое — с весны до осени 1903 года...

В Тифлис по одному, по два добираются как умеют делегаты Первого съезда социал-демократических организаций Закавказья. С берегов моря Каспийского и моря Черного, с марганцевых разработок горных Чиатур, из долин Имеретии и Карталинии. Всех надо встретить на тайных явках, поместить в надежных квартирах. Проследить, чтобы по кавказской привычке не ходили гурьбой по городу и не ввязывались в шумные уличные споры. Самое главное — не привели бы «хвоста» — полицейскую ищейку, филера. Всё полностью забота Камо, его рабочей дружины. За ним и охрана съезда. Во все четыре дня заседаний. Организационная комиссия

надеялась, что управятся быстрее. Оказалось — невозможно, слишком жгучее решается.

Перво-наперво о принципе построения партии. Слывущий солидным марксистом, будущий лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания сулит всяческие беды и собственную отставку тоже, если съезд вместо нарочито отгороженных, наглухо разделенных национальными перегородками местных социал-демократических комитетов создаст Кавказский союз РСДРП. С единой волей и железной дисциплиной.

Делегаты не отказывают Жордания в своем уважении. Только всеми голосами против одного подтверждают жизнью давно подсказанное: «Грузинское рабочее движение не представляет собой обособленного, лишь грузинского, с собственной программой, оно подчиняется Российской социал-демократической партии».

Бесхитростное на сей счет разъяснение делегата Батума:

«Когда мы у себя на месте не смогли прийти к общему мнению по вопросам, связанным с тактикой уличных боев, мы обратились к Петербургскому комитету РСДРП, спросили, как нам быть? По рабочему русскому совету так потом и действовали».

На последнем, ночном, заседании избран Кавказский союзный комитет. Ему строгий наказ отстаивать программу, разработанную редакцией «Искры», Лениным, в сущности.

Теперь в обязанности Камо незаметно усадить всех участников тифлисского съезда в вагоны, избавить от навязчивых спутников. Не надо только его заранее расспрашивать, как станет действовать, тем более — подавать советы. Оборвет резко. Должен чувствовать безоговорочное доверие. Тогда всё. Кто сталкивался, не забудет. Пятьдесят с лишним лет спустя в «Записках» ветерана большевистской партии Ц. Бобровской:

«За Ефремом по пятам ходят шпионы^[13]. На заседание комитета он смог явиться лишь благодаря необыкновенной находчивости Камо, который только ему одному известными проходными дворами ухитрился привести Ефрема сюда, на гору Святого Давида, и брался устроить беспрепятственный выезд его из Тифлиса. Коба предложил отправить Ефрема в Баку, чтобы он вошел в местный комитет партии. С этим предложением все согласились, и Ефрем в сопровождении своего «ангела-хранителя», как шутили мы, отправился на вокзал. Присутствие Камо воспринималось как полная гарантия...»

Если поручить кому-либо другому, Камо откровенно обижается. Утверждение своей удачливости в работе ему более необходимо, чем хлеб. Его слова:

«Я был назначен транспортером и должен был перевезти из Баку в Кутаис три пуда литературы на русском, армянском и грузинском языках... Билет стоил четыре рубля. Я ехал первый путь с билетом, а обратно под скамейкой. Обедал я не больше одного раза за все время поездки, но как я всегда был голоден!

Однажды я благополучно привез в Кутаис пять пудов литературы, шрифт и типографский станок. В четыре часа я зашел к знакомому доктору, где меня накормили и дали возможность выспаться. Меня очень стесняло, что я, такой грязный, должен был спать в его комфортабельном кабинете».

Почтенный дьякон церкви Сурп Саркиса на Харпухах Осеп Вахтангян склонен приватно давать уроки пения детям благочестивых прихожан. Плату спрашивает посильную, временем своим не дорожит. Хоровые занятия под аккомпанемент рояля длятся всякий раз, сколько потребуется Камо. Звонкие голоса и музыка должны перекрыть шум печатной машины.

На старом месте, в доме популярного детского врача Умикова, дольше оставлять нелегальную типографию крайне опасно. Другое помещение никак не находится. Издательская деятельность настолько застопорилась, что Камо с друзьями считают себя обязанными отправить по почте обнадеживающее заверение:

«Губернское жандармское управление. Господину Лаврову.

Извиняемся перед вами, что ввиду технических-затруднений в последнее время мы несколько задержали выпуск прокламаций, но даем честное слово впредь этого не повторять».

Перебрав множество всяких проектов, Камо вспоминает о бывшем своем соученике, горийском уроженце Вахтангане. «Этот дьякон, — объясняет Камо на заседании комитета, — очень честный человек и настоящий природный социалист. Под прикрытием его церкви можно делать все, что нам потребуется».

А требуется, если по меркам Камо, сущий пустяк. В подвале под спальней и гостиной дьякона поместить печатную машину, наборные кассы со шрифтами, немного бумаги. В ограде церкви иногда устраивать тайные заседания. Ну и где случится, в жилом помещении или в самой церкви, занятия молодежного кружка.

К рассуждениям о том, умел и любил ли Камо агитировать, доносить до сердец правду — неодолимой силы правду большевиков.

Народный артист Армении Гаврош: «На квартире дьякона Осена мы встречались с Камо. Нам заранее давали знать, что Камо находится в Тифлисе, и, получив предварительно его согласие, наша группа собиралась

слушать его беседу».

Видный партийный работник Закавказья Иван Певцов: «Летом 1904 года в Батумской тюрьме я оказался в одной камере с Камо. После долгих расспросов о том, как я попал в тюрьму, в чем обвиняюсь, как идет стачка на заводе, где я работал, Камо обратил внимание на мой крест. Он очень осторожно вел со мной в течение нескольких дней беседу о происхождении креста, о его значении, о том, кто был Христос... Вначале я горячо возражал, извлекая из старого своего арсенала всяческие доводы, которые он разбивал не спеша, но без промаха. Крест, висевший у меня на шее со дня рождения, полетел в парашу при общем одобрении всех сидящих в камере.

Камо предупредил меня: в будущем при беседах с рабочими осторожно касаться бога, не горячиться, уважительно, терпеливо выслушивать верующих и всегда очень тщательно готовиться к таким спорам. Это предупреждение потом принесло мне большую пользу, особенно в дискуссиях с сектантами в Батуме и Баку».

Тифлисский рабочий Валико Квинтрадзе: «Впервые я узнал Камо на нелегальном собрании на заводе Яралова в 1906 году. Выступали меньшевики, эсеры, кое-кто из большевиков. Настроение было подавленное. Но стоило только подняться Камо и бросить свой бодрый призыв, как всем стало легче, вновь зажглась уверенность в победе, вновь пробудилась воля к борьбе. «Лучше умереть с таким революционером, чем жить прозябая», — говорили рабочие после собрания».

При всем при этом Камо объясняет грузину рабочему разницу между «теоретическим» и «практическим». «Понимаешь, — говорит он, — «теоретически» — это как сшить сапоги, «практически» — самому сшить сапоги». Выбирая поле деятельности для самого себя, он явно предпочитал шить сапоги своими руками.

И отец дьякон Осеп, нисколько не сомневаясь в том, что по милости этого Камо он прямиком угодит в ад (Камо не оспаривает: «На все воля божья!»), продолжает давать уроки хорового пения. Работает, стало быть, на полную силу типография Камо. «Во время всеобщей Южной забастовки мне удалось напечатать и отправить двадцать пять тысяч экземпляров прокламаций: «Государственная казна или хитрая механика», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «О восьмичасовом рабочем дне».

Как свидетельство того, что подпольщики твердо держат свое слово, больше не допускают перебоев или задержек в выпуске листовок, на каждом экземпляре хорошо знакомая властям пометка, как бы фирменный знак: «Типография «Едзие и К°» (по-грузински «едзие» значит «ищи»).

Впервые пошло со времени, когда Камо на дальней окраине Батума наладил свою типографию.

Едзие! Ищи, пытайся! Борьба — стихия Камо...

...В руки ротмистра Лаврова попадает план противоправительственной демонстрации. В Тифлисе аресты. Головинский и Михайловский проспекты окружены войсками. На рабочих окраинах круглые сутки казачьи разъезды.

В весьма поредевшем составе собирается Временный комитет из подпольщиков, готовивших демонстрацию. С опозданием, что отнюдь не в его правилах, входит разгоряченный Камо.

— Слава богу, нашел!

Общее недоумение. Всего несколько часов назад сам Кацо для встречи выбрал этот серый, без окон, дом по соседству с монастырем Мтацминда. Чей-то голос:

— Почему не мог найти? Где твоя голова?

— Что спрашиваешь, дорогой? Голова где надо. Покойника подходящего не было!..

Грубая, неудачная шутка? Упаси господь! Камо действительно искал «подходящие» похороны. Такие, «чтобы были в Первом районе завтра в середине дня. Мы чисто одеваемся, приходим. Собирается хорошая толпа. Все вместе — похороны, демонстрация — спускаемся от церкви на Коргановской улице вниз на Головинский. Около театра я поднимаю красный флаг. Понятно, да?»

С утра 23 февраля в старой церкви не протиснуться. Родственники и близкие покойного приятно удивлены: «Вай, сколько людей пришло проводить несчастного!»

«В 12 часов похороны двинулись от церкви к Головинскому проспекту. По пути присоединились многие другие. Накопилось несколько сот человек, — передает ближайший в этот день помощник Камо Асатур Кахоян, более известный в кругу большевиков под псевдонимом Банвор Хечо Борчалинский. — Около театра полицейские и казаки также «склонили головы» перед гробом. Родственники усопшего зарыдали пуще прежнего. Вдруг взвился красный флаг и раздались возгласы: «Долой царское правительство!», «Да здравствует свобода!»

Полицейские, казаки, дворники накинудились на процессию. Началась жестокая свалка. Послышались проклятья и ругательства. Гроб оказался на земле...

Покуда «чины» были заняты на Головинском и полицейские

врукопашную схватывались с рабочими, Камо на фаэтоне примчался на Солдатский базар, где всегда полно людей. Развернул благополучно увезенный с Головинского красный флаг, сказал маленькую речь».

Против обычного Камо похвалы не принимает, сердится. «Какой успех? Так, немного попробовали... Знаешь, скоро Первое мая?!»

Заранее в Тифлисе большего не скажешь. Подробности уже после событий. Настолько значительных, что немедленно по прибытии в Лондон пакета из Тифлиса редактор «Искры» Ленин выправляет, сдает в набор отчет весьма осведомленного очевидца.

«...Для нашего полицеймейстера Ковалева подавление движения было делом «чести» и карьеры: не раз уж ему доставалось за неумелые и несвоевременные действия. К майской демонстрации он стал готовиться с 23 февраля (после февральской демонстрации): каждое воскресенье все было наготове, скверы и сады целый день заперты — «по случаю беспокойного состояния», как ответил один городской любопытному обывателю.

...Администрация, уверенная, что местом собрания назначена Эриванская площадь и Солдатский базар, оберегала площадь, не пропуская туда никого и оттесняя собирающийся народ в обратную сторону, как бы помогая успеху демонстрации.

Рабочие в одиночку и группами стекались к Головинскому проспекту. Чудесный весенний день, оживленные лица рабочих с цветами в руках — все это придавало проспекту небывалый вид. Чувствовалось уже какое-то нетерпение, у каждого в глазах так и читалось: «Когда же начнется?» Надо заметить, что администрация, хотя и уверенная в своем успехе, все же не поспешила как можно лучше обеспечить его: на всем протяжении проспекта, во всех больших дворах спрятаны казаки, полиция, войско и дворники. Как полагается, всех «чинов» было гораздо больше демонстрантов.

Около 11,5 часов толпа заволновалась, часть отделилась и выбежала на середину улицы; с криком «ура!» со всех сторон стекались рабочие, бросая красные билетки с напечатанным четверостишием Пушкина: «Самовластительный злодей...» В ту же минуту красное шелковое знамя, обшитое золотом, красиво развеваясь, высоко поднялось среди улицы. Толпа в 400–500 человек, тесно окружая знаменосца, с восторженными криками двинулась по направлению к Казенному театру... Во всех действиях рабочих замечалась удивительная сдержанность и организованность, чему, главным образом, нужно приписать удачу демонстрации. Масса гуляющих с любопытством следила за этой картиной,

которая оставила глубокое впечатление.

...Шествие демонстрантов уже спустилось к Саперной улице, когда подоспели казаки и войско, прилетел разъяренный неудачник Ковалев со своей свитой: ему только оставалось вымещать бессильную злобу... Дико было смотреть на человека, у которого на левой стороне мундира университетский значок, а в правой руке казацкая нагайка, которой он очень умело расправлялся. Выхваченных из толпы били до потери сознания и отправляли в участок... Избитые хотят начать судебное преследование. Многие тифлисцы вызвались быть свидетелями; в числе последних указывают на нескольких офицеров... Могу подтвердить, что один офицер заступился за манифестанта, за что и был арестован».

Корреспонденту «Искры» никак нельзя приоткрыть, кто в тайне все готовил. Хотя как-то намекнуть, что есть в Тифлисе неугомонный такой человек — Камо. Из крепкой плоти, с душой большого ребенка. Он поднял руку, выпустил в высокое небо три красных шара. Сигнал начинать рабочее шествие...

Все за время небольшое — с весны до осени 1903 года...

За несколько минут до прибытия в Батум пассажирского поезда № 5 жандармский унтер-офицер Илларион Евтушенко заступает на дежурство. Для удобства наблюдения он помещается на краю платформы, близ станционной лавки.

Ввиду неблагоприятной погоды — вторая половина ноября, сезон затяжных дождей — приезжих не так много. Совсем незатруднительно каждого пронизать оценивающим полицейским взглядом. Кому почтительно откозырять, на кого для порядка прикрикнуть. Категорически неодобренных — тех на допрос...

В поле зрения унтера молодой человек. Служака прикидывает: «Одет как господин. Пальто в клетку. Котелок. Перчатки... Оные отсутствуют... В каждой руке багаж. Барин не станет!.. Спросить паспорт или погодить? Шагает как порядочный, по сторонам не зыркает. Как насчет фэтона распорядится? Не берет!»

— Извольте паспорт! — рослый унтер преграждает Дорогу.

«Я предложил ему денег, чтобы он отпустил меня. Я предложил пятнадцать рублей, потом двадцать и наконец все, что у меня было, — двадцать пять. Но унтер-офицер сдал меня жандармскому ротмистру».

«Арестантское. Секретно.

Батумское отделение жандармского полицейского
управления Закавказских железных дорог
27 ноября 1903 г. № 147

В департамент полиции

О задержании Тер-Петросова с прокламациями

...При обыске в жандармской комнате у него найден скрываемый им ключ от замка чемодана, по вскрытии которого и корзины в них оказались свежепечатанные в листовом формате прокламации под заглавием «Листок борьбы пролетариата» № 4 от 15 ноября 1903 года. На грузинском языке 827 штук, на армянском 146 и на русском 100 штук, всего 1073 экземпляра. В каждом экземпляре помещены статьи: 1) «Действия правительства — Железнодорожный баталион», 2) «Оплеуха самодержавию, или

Неудавшаяся поездка царя в Италию», 3) «В поисках святых мощей...» Часть этих прокламаций, согласно надписи на обложках, должна им быть отвезена в город Поти.

Задержанный, по найденной у него паспортной книжке, значится жителем города Гори, внук священника Симон Аршаков Тер-Петросов, 21 года от роду. При допросе мной задержанный заявил, что он ехал из Гори в Батум для приискания места. Чемодан с корзиной ему будто бы дал в вагоне познакомившийся с ним какой-то армянин, который по прибытию в город Батум скрылся. Вообще Тер-Петросов дальнейшие показания давал сбивчивые. Дело об этом случае передано помощнику начальника Кутаисского губернского жандармского управления в Батумском округе.

Об изложенном и похвальных действиях унтер-офицера Иллариона Евтушенко доношу
Ротмистр Станов».

«Кроме листовок, у меня было крайне компрометирующее письмо. Могли арестовать того товарища, к кому оно было направлено. Мне удалось письмо незаметно со стола взять и проглотить. Когда ротмистр хватился, что было еще письмо в синем конверте, я стал уверять его, будто никакого письма не существовало, а это он принял за конверт синие телеграфные бланки...

Ночью отправили меня в Батумскую тюрьму. Вели четыре жандарма, и моя надежда удрать с дороги не сбылась. Посадили меня в одиночку».

Теперь, к удивлению Камо, почти что решающее слово за его родителем Аршаком Тер-Петросовым. Подтвердит ли он, что сын Симон, постоянно с ним проживающий в Гори, лишь на этих днях отправился в Батум в поисках работы?

Подталкивать Аршака не придется. С дорогой душой он отвечает: «Знать не знаю, где этот прощельга три года шатается, на какие деньги живет».

Каждый верен себе. Ротмистр, предупредительно огласив родительское благословение, от себя гарантирует: «Пойдешь на каторгу!» Не менее любезен Камо: «От такой несправедливости царь Николай окаменеет на троне».

«Арестантское. Секретно.

Министерство юстиции

Временная канцелярия по производству

особых уголовных дел

Апреля 17 дня 1904 г.
№ 2973

Господину министру внутренних дел
Имею честь препроводить при сем к Вашему
Высокопревосходительству дознание по обвинению жителя города Гори
Симона Тер-Петросова в государственном преступлении, отношении
Главначальствующего гражданской частию на Кавказе за № 774 и
вещественные доказательства, покорнейше прося Вас, Милостивый
Государь, почтить меня, с возвращением приложений, отзывом о
заключении Вашем относительно дальнейшего направления настоящего
дела.

...Я со своей стороны полагал бы разрешить настоящее дознание
административным порядком с тем, чтобы выслать Симона Тер-Петросова
под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на четыре года.

Министр юстиции *Муравьев Н. В.*».

Отзыв неодобрительный. Слегка завуалированное порицание обер-
шефу юстиции от всесильного министра внутренних дел Плеве: «Тайное
тискание и перевозка прокламаций, направленных на посрамление
существующего в государстве строя, суть преступление особо опасное.
Посему мое суждение: благоволите переписку представить на высочайшее
усмотрение».

Вторично сановный Муравьев не опростоволосится. Невыгодное
впечатление полностью загладит. При всеподданнейшем докладе испросит
августейшее повеление: «Исходя из интересов охранения государственного
порядка и общественного спокойствия, в судебное по помянутому делу
заседание могут быть допущены единственно должностные лица, коим
присутствие в зале будет особо разрешено Старшим председателем
Тифлисской судебной палаты».

Еще вдогонку 5 июня из Санкт-Петербурга литерная депеша. Угодно
самодержцу протоколам жандармских допросов «присвоить силу и
значение актов предварительного следствия». Уж куда понятнее —
ускоренное судоговорение при закрытых дверях. С приговором
соответствующим.

Самое время посильно вмешаться в свою судьбу Симону Тер-
Петросову — нашему Камо.

С весны он в общей камере на сорок заключенных. После одиночки,
без прогулок, без свиданий, все-таки получше. Каким-то путем узнает, что

в Батуме находится его тифлисский товарищ Асатур Кахоян. Через него пересылает здешнему комитету партии свой план побега, просит кое в чем помочь. Наотрез отказывают — затея слишком опасная, никому не удавалось. Батум к тому же пограничный город, крупный морской порт, охраняется особенно строго. За наружной стеной тюрьмы постоянно пограничная стража. Имеет приказ стрелять без предупреждения. Пусть вспомнит участь Ладо Кецховели...

Батумские комитетчики, напоминая о трагедии намеренно застреленного часовым в Метехах Кецховели — талантливого организатора и теоретика большевистского подполья Закавказья, — надеются оградить Камо от риска возможно непоправимого. А он, заново все переживая, возводит на себя напраслины. Сам придумывает, сам безжалостно казнит себя за то, что ничему не смог научиться у Ладо. Будто напрасно тот тратил время на него, ночами беседовал, книги дарил...

Бежать во что бы то ни стало!

Ливень не стихает вторые сутки. Потоки вспененной воды ялятся за окном камеры. В такую пору на западном и восточном постах снимают часовых. Остается один солдат посреди тюремного двора. Он обязан, не окликая, стрелять, если кто приблизится на сажень к стене. Вся надежда — авось не заметит в плотной темноте.

Побег кончается неожиданно. Без стрельбы, без погони, вообще без всякой стоящей борьбы. Только брать тюремную стену Камо приходится дважды. Перелез — и побыстрее обратно, спасаясь от приближающегося наряда пограничной стражи. «Я должен был пробраться назад в камеру, как хорошо побитая собака. Теперь надежда на солнце».

И на малярию тоже. Тюремный врач признает, что после перенесенных приступов малярии следует выпускать Камо на прогулки в солнечные утра. «Как раз ярким утром я медленно шел по двору, приседал, чертил щепочкой на земле — я следил за тенью солдата, увлеченного свиньями. Этим свиней заключенные-крестьяне научили проделывать разные штуки, и все веселились. Я выбрал удобный момент, рванулся, вскочил на стену. Упал на другой стороне».

С трудом заставил себя подняться. Огляделся. Яркое сияло солнце, вблизи плескалось море. И свобода, полная свобода после тюрьмы. Хотел бежать, боялся, весь превратился в зрение, не видит ли меня кто. Никогда потом не переживал я такого полного чувства радости.

Со мной всегда было зеркало, я вынул его из кармана, натер щеки, чтобы они не были такими бледными. Почистил слегка тужурку и пошел по возможности спокойно к углу улицы... Что это? Я увидел, что навстречу

бегут два человека, я стал искать, куда можно скрыться. Высмотрел на правой стороне улицы открытый двор, а люди бежали совсем по своим делам.

Какой-то мальчик спросил у меня, который час. Я попросил его найти извозчика. Спокойно сел на фаэтон, назвал улицу. Не ту, что мне в самом деле была нужна, но и так, чтобы недалеко от места, куда хотел добраться. Адрес я имел от Асатура Кахояна.

Я был давно не брит, имел густую бороду, надо было скорее убрать. Одного товарища послал в баню за грязью. Это не такая, что на улице, совсем другая, против волос, — у наших кавказских людей волосы слишком много растут. Человек принес грязь, я намазал лицо, и стали разговаривать до тех пор, пока не почувствовал боль, крепкую боль. Мне сразу облили лицо холодной водой. Вместе с бородой и усами сошла кожа, перестарались на радости...»

Заведется теперь обширная переписка «по встретившейся государственной надобности». Вверх по служебной лестнице — до самого Санкт-Петербурга. 24 сентября в первые присутственные часы прибудет депеша в департамент полиции из губернского центра Кутаиса.

«Срочно. Лично начальнику особого отдела Васильеву.

Из батумской тюрьмы дерзко бежал политический арестант Симон Аршаков ТерПетросян... Имею честь испрашивать всеимперский розыск.

Полковник *Тяпкин*. № 6149».

У самого Камо размах поскромнее. Ему бы добраться просто в Тифлис.

«Через неделю, в праздник покрова, я надел светлую черкеску, выкрасил волосы персидской хной и вместе с двумя своими товарищами, Ломинадзе и Каландадзе, поехал на вокзал.

Вагон первого класса был переполнен подвыпившими грузинскими князьями. Гремела музыка. Самая хорошая обстановка. Я тоже назвался князем, положением повыше — имеретинским. Все за мной ухаживали, таскали из купе в купе, настаивали, чтобы я оценил, чье вино лучше. Я для них играл на зурне. Хвастал, сочинял истории. Ночи не хватило, продолжили утром.

Когда стали подъезжать к Тифлису, я поспорил с одним князем, что ему ни за что не пройти через всю платформу, играя на зурне. Предложил побиться об заклад. Он хотел непременно выиграть пари, пошел с зурной — и толпа с ним. Все кричат: «Где имеретинский князь?» А князь исчез. На

вокзале я еще увидел жандарма, схватившего меня в Батуме. Он был переведен в Тифлис с повышением».

Исправно к каждому поезду является Илларион Евтушенко, баловень фортуны. Высматривает государственного преступника. Того, шибко чернявого! А он, как говорится, под боком. Сию минуту шагает по перрону, огненно-рыжий, в светлой парадной черкеске. Небрежным взмахом руки подзывает фазтонщика.

Так, может быть, в следующий раз? Камо вскорости предоставит случай не хуже батумского. В предупредительно распахнутых старшим швейцаром парадных дверях вокзального ресторана возникает личность в коричневом пальто, мягкой шляпе — все с иголочки. На пуговице пальто висит небольшая покупка, перевязанная пестрой ленточкой. В руках массивная трость. Рассуждать нечего. Проницательнейший из всех жандармских унтеров мгновенно... вытягивается. Знает службу!

В другие дни, к зиме поближе, случается, промелькнет на привокзальной площади белобрысый сутулый парень в форме училища землемеров. Приметам, указанным в секретном циркуляре, вовсе не соответствует. Должен быть брюнет с круглой черной бородой.

Всеимперский розыск. По всей России.

По паспорту собственноручной выделки Камо делегат кавказских эсдеков на III съезд РСДРП Миха Цхакая без особых приключений добирается до Лондона.

Неожиданное предложение Ленина, чтобы Цхакая не отказывался, если организационной комиссией он будет приглашен открыть съезд, ибо нет никого (раз Плеханов отсутствует), кто бы был с таким партийным революционным стажем. Хотя, быть может, в среде делегатов есть и старше по возрасту.

В почтенные старики ему слишком рано — без считанных дней сорок лет. Разве что по делам и скитаниям...

Высший духовный пастырь — экзарх Грузии лично позаботился, чтобы юноша Миха, исключенный из семинарии с «волчьим билетом», не оставался без надзора. Полиции, конечно. Затем воспитания ради пусть победствует, поголодает на чужбине, авось и станет верноподданным — выслан на пять лет из пределов Кавказа. Пенза... Екатеринослав... В городе на берегу Днепра приказано жить.

Агенты охраны доносят:

«Сей Цхакая вступил в преступное сообщество с Иваном Бабушкиным, вторым после Ульянова лицом в ликвидированном в Петербурге «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Бабушкин, Цхакая и местный екатеринославский мастерской Григорий Петровский учредили тайный революционный комитет и ладят издание подпольной газеты для южных губерний России».

Все правда. Только газета уже печатается. Нелегальная, социал-демократическая. «Южный рабочий»!

Тюрьма в Екатеринославе. Изолятор в харьковском тюремном замке. Рекомендация министерства внутренних дел: «Особенно беспокойный заключенный Цхакая Михаил Григорьев нуждается в полной изоляции и усиленном конвое».

С весны девятьсот второго года Миха Цхакая снова в родных краях — в Кутаисе, Тифлисе. Всюду нелегально. Бодрый, твердый, действенный.

Двенадцатого апреля 1905 года Миха, представленный делегатам по законам строгой конспирации под фамилиями Барсова и Леонова, открывает съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

Кавказ сразу в центре внимания. Цхакая сообщает:

«...Тысячами распространялись наши листовки на трех языках: грузинском, армянском и русском... Наш молодой товарищ социал-демократ повел всю толпу из десяти тысяч человек по главной улице города, и неожиданно для полиции была устроена самая интересная демонстрация.

С импровизированным красным знаменем на конце длинного шеста он шел впереди толпы из разных наций и различных слоев... Остановившись в нескольких местах, обращался к народу с призывом сплотиться под красным знаменем пролетариата и бороться с самодержавием, благодаря которому происходят такие бесчинства, как бакинская резня^[14]. Оратор критиковал... речи духовенства и либералов, называя их лицемерами, такими же эксплуататорами народа, как правительство. Указывал на то, что либералы только под охраной полиции способны говорить шумные речи, а на улицу выходить, стать во главе народа боятся».

Остальное с глазу на глаз. Ничего, если беседа затянется дольше обычного. По шутливому замечанию Ильича, оба они — Ленин, Цхакая — принадлежат к «партии прогулистов», любителей долгих прогулок, когда ничто не мешает душевному разговору.

— Ну те-с, Михаил Григорьевич, выкладывайте, кто это такой «наш молодой товарищ социал-демократ»?

— Гм! Вам, Владимир Ильич, он небызвестен. Грешны, славили в «Искре» его художества — в театре с галерки запустил пачки прокламаций... на центральном проспекте поднял красное знамя... испортил карьеру тифлисскому полицеймейстеру...

Ильич весело, заразительно смеется.

— Отличный малый!.. — Тут же с некоторой долей упрёка: — Будет вам, неисправимый конспиратор, называйте его фамилию!

— Не могу! Не знаю! Мы его зовем Камо. Для нас это всё — имя, фамилия, сословие, национальность, безграничное доверие. Когда положение представляется совершенно безнадежным, когда по всем резонам ничего нельзя придумать, сделать, произносится одно магическое слово: Камо!

— Я правильно уловил — ударение на о? Камó! — осведомляется Ленин.

О нем же, о Камо, в Москве у Горького. Через небольшой промежуток времени.

Алексея Максимовича навещает его давний тифлисский знакомый Н. Н. Флеров. Человек немолодой, утомленный испытаниями, отнюдь не восторженный. Сейчас он весьма неожиданно для Горького принимается

горячо убеждать: «У нас, батенька, начинается социальная революция. Понимаете? Начинается и будет потому, что началось снизу, из почвы».

Доказательства ради эпизоды из жизни «одного удивительного революционера». Очень похоже на то, что Горький слышал от другого тифлисца, артиста грузинской драмы и руководителя боевой дружины Васо Арабидзе. Почти не сомневаясь в ответе, спрашивает: «Его зовут Камо? — Вы знаете? — Ага, только по рассказам...»

Флеров, по словам Алексея Максимовича, «крепко потерял свой высокий лоб и седые кудри на лысоватом черепе, подумал и сказал, напомнив мне скептика и рационалиста, каким был он за тринадцать лет до этой встречи:

— Когда о человеке говорят много, — значит, это редкий человек и, может быть, та «одна ласточка», которая «не делает весны».

Но, отдав этой оговоркой дань прошлому, он подтвердил мне рассказы Арабидзе и, в свою очередь, рассказал:

В Баку на вокзале, куда Флеров пришел встречать знакомую, его сильно толкнул рабочий и сказал вполголоса:

— Пожалуйста, ругай меня!

Флеров понял, что надобно ругать, и пока он ругал, — рабочий, виновато сняв шапку, бормотал ему:

— Ты — Флеров, я тебя знаю. За мной следят. Придет человек с повязанной щекой в клетчатом пальто, скажи ему: «Квартира провалилась, — засада». Возьми его себе. Понял?

Затем рабочий, надев шапку, сам дерзко крикнул:

— Довольно орать! Что ты? Я тебе ребро сломал?

Флеров засмеялся:

— Ловко сыграл? После я долго соображал: почему он не возбудил у меня никаких подозрений, и я так легко подчинился ему? Вероятно, меня поразило приказывающее выражение его лица; провокатор, шпион попросил бы, а не догадался приказать. Потом я встречал его еще два-три, а однажды он ночевал у меня, и мы долго беседовали... Он революционер по всем эмоциям, революционер непоколебимый, навсегда...»

На последних страницах оборванной автобиографии:

«В 1905 году я имел типографию в Сололаках^[15], на Бебутовской улице. Как-то во время работы, после нескольких бессонных ночей, я вышел в другую комнату, чтобы принести бумагу. Вернулся — вижу, наборщик Павел Урушадзе заснул, положив руку на машину. Меня это очень обидело, я захлопнул машину и ущемил ему руку. Павел стал упрекать меня в злости. Я сказал ему, что, когда много дела, человек не спит, человек работает!»

Заказ совершенно неотложный. Деловая услуга недавно назначенному директору департамента полиции господину Лопухину. Перевод для кавказцев его секретного доклада комитету министров:

«Все оказалось негодным... с тех пор, как революционное движение настоящим образом проникло в народ... Ослабли пружины полицейских механизмов, недостаточны одни только военные силы. Надо разжигать национальную, расовую вражду, надо организовывать «черные сотни»... надо превращать борьбу полиции с кружками в борьбу одной части народа против другой части народа». А в империи Российской — от Тихого океана до Черного моря, от Памира до Варшавы и Балтики — пятьдесят семь процентов населения национальные меньшинства!..

На документе в правом верхнем углу двумя черными линейками отбито: «Составлен исключительно для высших государственных установлений». Камо этим нисколько не пренебрегает. Напротив, преисполнен уважения. По-хорошему завидует тому, кто сумел известить Ленина. Владимир Ильич тайно снятую копию доклада обнародовал в Женеве. В тысячах экземплярах. Со своим простым резюме: «Мы тоже стоим за гражданскую войну... да здравствует революция, да здравствует открытая народная война против царского правительства и его сторонников!»^[16] Тем экземплярам, что предназначены для Кавказа, пути-дороги проторены большевиками через Балканы в черноморские порты Турции. Оттуда на фелюгах с апельсинами, табаком, кожами в Батум и Потти. Или из Швейцарии в Персию. Дальше с верблюжьими караванами в Баку, Эривань, Тифлис.

Так что, по рассуждению Камо, на его долю остается обидно мало. Позаботиться, чтобы сокровенные мысли директора департамента полиции принесли ему заслуженную славу. Только бы кавказцы узнали, а уж

оценить по достоинству сумеют!

Крутая воля времени подстегивает, торопит.

В газетах политически благонадежных, обязательных в приемных присяжных поверенных, частнопрактикующих врачей, а также в клубе Французского общества и модных магазинах барона фон Кученбаха на Головинском проспекте и Воронцовской набережной, все чаще...

«Кавказ», пятого июня:

«Наместнику на Кавказе графу Воронцову-Дашкову высочайше предоставлены новые полномочия».

«Русское слово», девятого:

«В Тифлисе манифестация «Патриотического общества» священника Городцова из второй Миссионерской церкви. На балкон своего дворца вышел наместник граф Воронцов-Дашков, с ним супруга графиня Елизавета Андреевна, дочь графа Ирина Илларионовна и невестка графиня Ирина Васильевна».

«Русское слово», одиннадцатого:

«На заседании городской думы имели место повышено эмоциональные речи господ гласных.

Гласный Кючарянц:

— Мы содержим городских, а они нас же бьют. Этого оказалось недостаточным, и нам навязали еще дворников. Мы содержим и последних, но и они тоже бьют. Таким образом, мы изображаем из себя, в сущности, гоголевскую унтер-офицершу, которая сама себя бьет.

— Если в городе таковы плоды усиленной охраны, то можете себе представить положение деревень, предоставленных стражникам.

Городской голова Вермишев покорнейше просит не выходить за рамки повестки дня, не допускать выпадов.

Гласный Богдасаров:

— Наша полиция незаконно привлекает 3 тысячи дворников к борьбе с обывателями. Пристав 4-го участка поломал ребра управляющему домом за увольнение дворника. Это только частицы общего бесправия и отсутствия гарантии личности российского обывателя. Я сам был очевидцем, как городские везли двух рабочих, с которых кровь лилась на мостовую от немилосердных побоев... (Долгий колокольчик городского головы. Шум.)

Гласный Свешников:

— Полиция напускает дворников на обывателей не по простому призыву, а предварительно собирает их на особых дворах и обучает искусству драться с населением, тренируя их для большей резвости, как обыкновенно тренируют охотники борзых, или жокей — скаковых

лошадей...»

«Кавказ», четырнадцатого:

«Полицеймейстер Тифлиса Ковалев поправляется после совершенного на него покушения. По выздоровлении он получит новое назначение. Должность полицеймейстера займет жандармский ротмистр Цисс».

«Кавказское обозрение», восемнадцатого:

«В центре Тифлиса, на Головинском проспекте, случилось следующее неприятное событие: члены «Патриотического общества» появились в конце проспекта и с криками «ура!» направились ко дворцу. Манифестанты, поравнявшись с гимназией, потребовали от публики, стоявшей у ворот гимназии, снять шапки и присоединиться к шествию. Это требование некоторыми из публики, а также и гимназистами, не было выполнено, почему манифестанты стали избивать их и ворвались во двор гимназии.

В домах Зубалова, редакции «Тифлисского листка» и Артистического общества перебиты все стекла... В продолжение этого времени часть манифестантов с казаками подвергли погрому все три этажа дома Манташева. Отнимали все ценности, какие только попадались под руку: деньги, украшения и т. п. Слышались выстрелы, вопли женщин и крики детей.

Патриотическая манифестация не оставалась на одном месте. С флагами, портретами царя и пением гимна она направилась дальше ко дворцу, где несмолкаемым криком «ура!» приветствовала наместника.

В Михайловскую больницу ночью было доставлено 38 трупов и 66 раненых».

«Русское слово», двадцатого:

«На улицах царит необыкновенное оживление обывателей. Спешно делают закупки, запасаясь главным образом провизией. Мяса уже нет, хлеб можно достать с трудом. Движение трамвая с пяти часов приостановилось. Началась всеобщая забастовка».

Требования самые насущные: освободить политических, упразднить военные патрули, вооружить народную милицию, запретить «общество патриотов» — сколоченные по петербургскому рецепту попом Филимоном Городцовым «черные сотни» погромщиков и убийц.

За Тифлисом вся Грузия. Замирают порты в Батуме и Потии. Покидают рудники добытчики марганца в Чиатурах. Железнодорожники узловой станции Михайлово разбирают пути у Сурамского туннеля. Прерывается связь Черноморья с Каспийским побережьем. Перепуганный наместник испрашивает разрешения объявить военное положение. Свистят казахи

нагайки, трещат залпы. Впереди события еще более кровавые.

В августовский тягостно душный день пять казачьих сотен окружают городскую думу. В зал заседаний, переполненный делегатами тифлиских заводов и Закавказской железной дороги, врываются полицейские. Приказ: «Немедленно разойтись!» Никто не двигается, да и бесполезно. Проходы уже забиты спешенными казаками. На делегатов наведены карабины. Стреляют в упор.

На грохот залпов к зданию думы сбегаются толпы горожан. Стрельба, рукопашные схватки. Около четырехсот человек убито, ранено, искалечено. «Лужи человеческой крови стояли на тротуарах до вечера», — пишет матери свидетельница расстрела писательница Леся Украинка.

В сущности, о том же — известный грузинский юрист, защитник на крупных политических процессах, Арчил Бебуришвили:

«Приехал я в Тифлис 29 августа. Дата памятна навсегда, так как в этот день устроена бойня в здании городской думы. Под неимоверно тяжким впечатлением мы в кругу товарищей обсуждаем случившееся, и здесь я впервые вижу Камо. Он страшно взволнован, мечется, негодует, требует немедленных героических действий.

В следующие дни он проявляет неутомимую деятельность: выясняет количество убитых и раненых, их личность, организовывает помощь нуждающимся в ней, укрывает тех, кому, по нашим представлениям, угрожает арест. Старшие товарищи отличают его как крупного подпольщика, конспиратора. Он налаживает где-то в пригороде начинку самодельных бомб, обучает рабочие дружины самообороны, доставляет нелегальную литературу, ведет типографию».

Камо не знает об этой записи в дневнике Бебуришвили, не то употребил бы самые крепкие выражения. Далеко не педант, он мгновенно взрывается, если кто отступает от правил: «Без особой нужды никого не посвящай в свои дела. Что нельзя знать врагу, не открывай другу. Так в случае провала лучше друзьям и самому легче держаться на допросах». В пользу Арчила лишь то, что размах занятий Камо он несколько преуменьшил, сузил.

Не упомянул о добытых Камо, пока тщательно припрятанных винтовках. И бомбы не так просто начиняются где-то в пригороде. В июле «Правительственный вестник» основательно подбодрил тифлисцев. «В 3 часа дня на улице была задержана женщина с корзиной, в которой обнаружено 3 начиненные бомбы... Полиция установила, что изготовленные из таких элементов бомбы фабрикуются на одной якобы пустующей даче в Тифлиском уезде между Мцхетом и Авчалами. В связи

с этим под вечер команда из казаков под начальством жандармского ротмистра окружила и захватила это здание. Среди обнаруженных на даче материалов найдены 24 еще недоделанные бомбы, 4 начиненные динамитом, несколько пудов динамита, 500 пачек нитроглицерина, склянка с гремучей ртутью и бикфордов шнур... Во время обыска из садов раздавались револьверные и ружейные выстрелы, на что казаки ответили стрельбой».

Приняв посильное участие в перестрелке, Камо ушел — от Авчал до Мцхета сады сплошь, стеной... Остальные мастерские ничего, работают. Готовят металлические оболочки, взрывчатку, бомбу полностью оснащают. В разных концах Тифлиса, в ближних селениях.

Типография тоже не одна. Бебуришвили знает о той, что в Сололаках, а фирма «Едзие» еще переоборудовала, расширила типографию Имеретинско-Мингрельского комитета в Кутаиси, устроила новую в Чиатурах. Есть типография и вблизи Метехского тюремного замка на Авлабаре.

Два года назад один из Авлабарских пустырей оказался за глухим высоким забором. Никакого препятствия со стороны городской управы или прибывших на место чинов полиции не последовало, поскольку все в строгих рамках закона.

Поднакопивший некоторую сумму денег бывший рабочий Тифлиских главных мастерских Закавказской железной дороги Давид Михайлович Ростомашвили пожелал построить собственный дом. С верандой, с погребком-ледником и колодцем. Чтобы вода в колодце оставалась чистой и холодной, над ним дощатый сарайчик. Еще при доме огород для своей торговли овощами. Ради того и вместительный ледник.

Ппошение Ростомашвили после должной консультации с губернским жандармским управлением благосклонно рассмотрено. Проект дома утвержден. Слажено и с подрядчиком. Неким Бочоридзе Михаилом Захарьевичем. Будто из дальних родственников хозяина.

Нагляднее, полнее всех других отношение к подрядчику выказывает Камо на заседании Кавказского союзного комитета РСДРП. Едва Бочоридзе разложил свои чертежи и принялся объяснять сложную систему подземных ходов и колодцев, Камо сгреб его в свои объятия, расцеловал. «Пожалуйста, дорогой, возьми в помощники!»

Оба знают толк в таких занятиях. Только Миха Бочоридзе поосмотрительнее, поспокойнее. Начинал в кружке механика Федора Афанасьева, «имевшего жительство в «Красногорской коммуне», вместе с мастеровым Алексеем Пешковым, он же, по агентурным данным, писатель Максим Горький». Все они, и Миха тоже, работали в Главных мастерских

Закавказской железной дороги. Оттуда и знакомство с Ростомашвили.

При таких подрядчиках хозяину тревожиться нечего. Все делается наилучшим образом. В сроки самые короткие. На исходе сентября вынуты первые лопаты земли. Под Новый, девятьсот четвертый, год — первые листовки со скоропечатной машины «Аугсбург». С немалым трудом ее перевезли из Баку, устроили в просторном, перекрытом кирпичным сводчатым потолком подземном помещении. Над потолком толстый слой земли, потом полуподвальная кухня, надо всем первый этаж — жилые комнаты.

На шумном новоселье Камо отсутствует, он в одиночке батумской тюрьмы. Вернется, застанет дом на Авлабаре в полном благополучии. Заказов невпроворот. Прокламации, брошюры, книги на грузинском, русском, армянском языках. Газета «Пролетариатис брдзола» — «Борьба пролетариата». Своя, большевистская!

Время от времени, обходя околоток, навевается пристав. Домоправительница тетушка Бабе усаживает желанного гостя на тахту, покрытую цветным паласом, просит уважить — отведать домашнего вина, солений, печений. Можно заводить неторопливый разговор. Опытная подпольщица вовремя нажала на кнопку электрического звонка под ковром. Сигнал наборщикам, печатникам — в доме посторонний человек, работу немедленно прекратить. Никакого шума! Два звонка — опасность миновала. Три звонка — приглашение к столу. И на «прогулку» — по очереди посидеть, подышать свежим, не отравленным свинцовой ядовитой пылью воздухом в дощатом сарайчике над колодцем. Всегда настороже...

Полиция нагрянет еще не скоро. Во второй половине апреля 1906 года. Камо в ту пору представлен санкт-петербургскому свету под именем владетельного князя Коки Дадиани. Снимает апартаменты в «Европейской» гостинице. Наносит визиты. У себя принимает немногих достойных. Особенно охотно — хроникера «Биржевых ведомостей», издания, славящегося своей близостью к полиции. Тот за необременительное для князя вознаграждение поставляет придворные сплетни, пикантные слухи. Что весьма необходимо для поддержания репутации занятого, осведомленного собеседника.

В пятницу, двадцать первого числа, хроникер стучится раньше обычного.

— Тысяча извинений! Из Тифлиса новая телеграмма. Абсолютная сенсация!..

Князь снисходит, читает:

«Тифлис, 20 апр. (Российское агентство).

В «Кавказе» напечатаны дальнейшие подробности об обнаруженной на Авлабаре типографии.

Кроме типографских машин, шрифтов, огромного количества нелегальной литературы, там же открыта мастерская фальшивых паспортов и хорошо оборудованная лаборатория для снаряжения взрывчатых снарядов: жидкости, кислоты и большой жестяной снаряд, начиненный динамитом...»

Еще совершенно доверительно, только князю:

— Бога ради, никому!.. Из верного источника. Для доклада министру внутренних дел затребован заведующий полицией на Кавказе жандармский генерал Ширинкин. Князь, вероятно, пожелает с ним повидаться?

— Не исключено... — небрежно бросает князь. Ему время завтракать.

Больше в эту пятницу князь никого не принимает. Камо, запершись в ванной комнате, плачет, по-детски всхлипывает. От предельной обиды. От невозможности примириться с тем, что какие-то обстоятельства сильнее, что ничего на этот раз изменить нельзя. От деда-священника он не раз слышал, что на Кавказе, на всем Востоке с времен незапамятных люди молили: «Господи, дай мне силы, чтобы смириться с тем, чего я не могу изменить; дай мне мужество, чтобы бороться с тем, что я должен изменить». Возражал упрямо: «Смириться совсем не годится!»

Пока еще нестерпимо душный август девятьсот пятого. Первые часы после бойни в городской думе. Со скоропечатной машины Авлабарской типографии сбегает прокламации. Тысячи штук. На трех языках.

«Льется кровь, готовьтесь к восстанию!

Нам нечего ждать от самодержавия, кроме пуль и нагаек! Нам нечего ждать от Государственной думы, кроме укрепления царского трона! Да здравствует мщение, да здравствует восстание!»

«Льется кровь, готовьтесь к восстанию!» — выстукивают телеграфисты по всей Закавказской железной дороге.

«Льется кровь, готовьтесь к восстанию!» — подхватывает общероссийская газета большевиков «Пролетарий».

Почти официальное — первого сентября «Кавказ» и «Русское слово»: «Как сообщили нашему корреспонденту в канцелярии наместника... В Тифлисе с утра закрыты все магазины, рестораны, торгово-промышленные заведения, мастерские, съестные и мясные лавки. Трамвай не работает. Фуникулер бездействует. Фонари на улицах гореть не будут. Прекратилась работа в Главных мастерских и депо железной дороги. На всех фабриках и заводах всеобщая забастовка. О своем намерении присоединиться к забастовщикам сделали оповещение присяжные поверенные, почему дела в

Судебной палате и Окружном суде отложены».

Только предвестие. До бомб дойдет лишь в конце сентября. «Новое обозрение» двадцать пятого числа: «Вечером, начиная с 7 часов 20 минут, брошены бомбы в казармы сотен Полтавского полка в Орточалах, в казармы, на улице Броссе, в казарму конвоя наместника. Много убитых и раненых казаков.

На улицах патрули. Некоторые дома оцеплены. Спектакли отменены. Производятся обыски и аресты».

Бомбы начинают потрясать основы. Наместник Кавказа — Николаю Второму, самодержцу: «Несомненно, что все движение имеет явно революционный характер с ярко определенной социал-демократической окраской большевистского тона».

Бомбы действуют отлично. А что изготовлены в тайных мастерских Камо, об этом вслух не надо. Ему и так скоро придется познакомиться с виселицей...

Возможно, необходимость, а скорее дерзкая шутка — Камо без удачливого озорства слишком трудно. Только воззвание к населению Грузии от Центрального стачечного бюро, сейчас, в декабре, власти единственно реальной, Камо решает отпечатать в правительственной типографии. Благо смысл обращения наверняка придется по душе рабочим-типографам.

«Слушайте граждане!

Нет правительства, не может быть и обязанностей по отношению к нему! Отныне всякий гражданин великой страны обязан не платить податей, не брать патенты... Граждане! Разгорается война, война беспощадная, по всей необъятной Руси! Пылает Москва, где происходит решительная схватка революции с силами реакции, охвачен пожаром Ростов, часть которого очутилась в руках восставшего народа. И так по всей Руси!..

На бой кровавый и святой, граждане!..»

Граждане разбирают давно отслужившие свой срок берданки, дробовики, охотничьи ружья. Вместе с мужчинами женщины, подростки.

Приказ командующего Кавказским военным округом: «Положение тяжелое. Правительственные чиновники устранены, земская стража обезоружена и заменена своей милицией, железнодорожное сообщение не только прекращено, но на известных участках путь совершенно разобран; все станции заняты отрядами мятежников, которые осматривают, отбирают оружие; пикеты обезоруживают жандармов, офицеров не пропускают вовсе...»

В Тифлис походным порядком с Терека, Каспия, от турецкой границы прибывают кавалерийские полки, команды пластунов и пулеметчиков, конные батареи. С рассвета восемнадцатого пушки бьют по Надзаладеви — главному оплоту восставших. Горят дома. Несутся в атаку казаки и драгуны...

Камо: «Я лежал под ногами казачьих лошадей, они оказались приличнее своих хозяев и не раздавили. Эскадрон промчался. Я живой. Поднялся, полез на забор. Подоспел казак, ударил шашкой. По счастью, попал в руки, не в голову, как целил...»

Еще не самое плохое. Будет страшнее — разгул хорошо натасканной ярости.

В предрассветный дозор их ушло двенадцать дружинников. Девять зарублены сразу. Теперь на взгорье трое — Герасим Двали, Галактион Дзаганидзе и Камо. Кончились бомбы. Патронов на несколько выстрелов. Гиканье, топот, рев снова накатываются...

Кровь из рваной раны на лбу стекает на глаза, на лицо Камо. Сквозь забытие еще мелькает: «Надо уползти, скатиться в овраг... Последний шанс..» Ползет, забывается, приходит в себя, еще ползет, снова беспомощность. Сколько раз, как долго — неизвестно.

Казачьи находят. За ноги волокут по каменистой земле. Для проверки, жив или мертв, пинают сапогами. Кто позлее, норовит в лицо. Кого-то осеняет: «Станичники, отрежем ему нос: если живой, обязательно вззоет!»...

Через многие годы — Камо уже прошел все круги ада, испытал все муки — он скажет, что не знает ничего страшнее тех минут, когда в расстрелянном пушками, горящем Надзаладеви казаки решали: отсечь ему кинжалом нос или достаточно просто накинуть петлю, повесить. Софья Васильевна Медведева, единственная женщина, которой Камо все-таки разрешит войти в свою жизнь, услышит:

«Революционер без носа, что птица с перебитым крылом. Такое клеймо навсегда лишило бы меня возможности вести нелегальную работу. Любой городской пальцем ткнет... Лучше смерть, чем такая жизнь. Понимаешь, да?»

Лучше смерть. Камо, собрав остатки сил, разжимает рот, выплевывает кровь, «Вай ме, господин казак, почему сразу не сказал? Могу кричать, как старый ишак на Армянском базаре». Сам двумя непослушными руками закрывает нос.

Находится милостивец. «Нехай нос при нем!» То ли окончательно, то ли временно — до конца допроса.

Приволакивают в бревенчатый дом. Удивительный среди торопливого, без спроса городской управы нагромождения лачуг из камня вперемешку с кирпичом, крытых старыми досками, фанерой, обрезками ржавой жести. От того и название Надзаладеви. В переводе на русский — Нахаловка.

Камо приставлен к стенке. Ноги не держат. Поминутно валится на пол. Для взбадривания кулаки, приклады. Вопросы без ответов: «Где склад оружия, фамилии главарей; в каком месте сборище?» Казаки утомляются, стервенеют. Шею Камо захлестывает веревка, заботливо привязанная к крюку на потолке. Предсмертные судороги.

Кто вынул из петли, вернул на пол, постарался облил водой, приводя в чувство, — ничего этого Камо не знает. Постепенно приходя в сознание,

слышит — казаки препираются:

— Може, и невиновный?

— Невиноватые на Головинском али на Михайловском прогуливаются.

Спокойный, почти сострадательный голос:

— Все равно, мил-человек, смерти тебе не миновать, облегчи душу, скажи всю правду!

— Ничего не знай, я крестьянин, бунт не знай! — испытывает спасительную соломинку Камо. Сознательно коверкает русскую речь.

— Знай не знай — иди могилу себе рыть!

Продолжая роль простака-крестьянина, Камо демонстрирует предельную радость от неожиданной возможности заняться любимым делом — копать землю. По лицу, по телу пот, смешанный с кровью...

Возможно, он слишком усерден, или что-то другое вызывает новый приступ злобы. Камо опять вздернут к потолку.

Покуда казаки подтягивали его вверх, он просунул подбородок в петлю. По возможности защитил горло. Веревка с силой врезается в затылок, раздирает губу. Мучительно больно... Петля скользит по подбородку. Удержать нет сил. Дышать труднее, труднее. Начинает задыхаться...

Треск, гул падения рушат настороженную тишину. Казаки постарше годами поспешно творят крестное знамение. Все слишком похоже на вмешательство нечистой силы. Надо же, не выдержала, лопнула веревка. Камо в обморочном состоянии тяжело рухнул на пол. «Камо повезло даже в петле!» — подчеркивает своеобразную судьбу друга Барон Бибинейшвили, всех ближе стоящий к Камо два десятка лет.

Везение продолжается. Еще до наступления вечера солдаты — уже не казаки, пехота — ведут Камо почти через весь Тифлис — с Надзаладеви на Авлабар. В Метехскую тюрьму. По чистой случайности навстречу попадается Сергей Яковлевич Аллилуев, многими делами связанный с Камо.

«Когда отряд приблизился, я заметил, что впереди отряда находится арестованный. Я замедлил шаги, принялся громко кашлять. Арестованный повернулся в мою сторону, и я увидел его лицо, сплошь покрытое сгустками запекшейся крови. Я вздрогнул: это был Камо».

Когда-то в прошлом у Метех была слава куда более завидная — боевой крепости на подступах к Тифлису, на крутом, обрывистом берегу Куры. Уж во всяком случае, не рассчитаны Метехи на такое огромное количество узников. Ведут... ведут... Город на военном положении. Хватай, тащи без долгих рассуждений — за батюшкой царем не пропадет! Николай

благодарит своего наместника августейшей депешей:

«С чувством полного удовлетворения прочел я ваше последнее телеграфное донесение о мерах, принятых вами для подавления мятежного движения на Кавказе. Знаю, как трудна ваша задача и как тяжело вам в ваши годы оружием расчищать путь к умиротворению...»

С чувством полного удовлетворения — «Русское слово» двадцать третьего декабря:

«Жизнь замерла... Положение напряженное. Против забастовщиков приняты энергичные меры: их увольняют, выселяют из квартир; более 100 человек наиболее видных деятелей арестовано».

Через день:

«Производятся аресты в управлении железных дорог каждый день. В городе также производятся аресты массами».

Через три дня:

«Метехская тюрьма переполнена. Арестованных политических отправляют в Карсскую крепость».

В ожидании этапа женщины, дети до плотной темноты дежурят у ворот тюрьмы, на берегу поблизости, надеются увидеть своих. Среди всех других ожидающих татарка под полосатой чадрой. Вчера, третьего дня, неделю назад тоже приходили тюрчанки. Может, и эта была? Агентам, снующим в толпе, она без интереса... На что немало надеется Джаваира, отправляясь на свои рискованные дежурства у Метех. Узнать бы только, что жив! Сергей Яковлевич своими глазами видел, как вели, но позже сам показал объявление в «Кавказе». Говорит, через день печатают. Теперь на всех заборах и афишных тумбах тоже расклеено:

«...Приметы отыскиваемого: 22 лет от роду, роста среднего, волосы на голове темно-русые, усы только что пробиваются, бороды нет, глаза светло-карие, рот, нос умеренные, лицо чистое, особых примет нет.

Всякий, кому известно местопребывание Симона Тер-Петрусова, обязан указать судебной палате, где он находится. Установления, в ведомстве которых окажется имущество отыскиваемого, обязаны отдать его в откупное управление».

Днем, на людях, Джаваира держится молодцом, подбадривает сестер, сочиняет утешительные вести, а ночи полны страданий. Ясно видит на пути в Метехи, на пустынном берегу, — солдаты убивают Сенько. Труп бросают в реку... Доказательство верное — если бы довели живым, не было бы по всему Тифлису этих объявлений!.. К утру слабый лучик надежды: нет в тюрьме, ищут — может, бежал? Никто не должен знать, где находится...

Рождество, Новый год. Добрый дед-мороз не заглядывает к сестрам Сенько. Нет в его волшебной сумке загаданной ими вести...

Был декабрь девятьсот пятого года, настал январь девятьсот шестого. Так же дежурит у Метех Джаваира. Незаметная согбенная фигура в полосатой чадре. Мелко семенит ногами в кошах. Камо придирчиво учил, чтобы все по-настоящему, как у истой тюрчанки. Из мелко зарешеченного окна тюремной камеры родной, неповторимый голос: «Мой велосипед перенесите из подвала в комнату!» Еще дважды, отдельно, в полную силу, чтобы никаких сомнений: «В комнату, в комнату!..»

Жив. Покуда начальник Метехского замка полковник Девильт не осилит длиннющих списков с сотнями кавказских имен и фамилий. Для него тарабарская грамота. Спасибо, стараются консультанты из губернского жандармского управления. Выуживают из переполненных камер тех, о ком хорошо наслышаны. А уж «Симону Аршакову Тер-Петрусову» с полным удовольствием оказали бы предпочтение.

Камо слишком скромный человек, выпячивать себя, бросаться в глаза постоянно избегает. Теснится на равных со всеми, кого в декабре, надо не надо, без разбора схватили. На нарах места не нашлось, так он на полу. Первое время, пока раны не поджили, без крайней нужды вообще не вставал. Надзиратель между делом спросил: «Эй ты, красавчик, где такую физиономию схлопотал?» Уважительно ответил: «Шел на свидание с невестой (в камере хохот). Началась стрельба. Испугался. Побежал вслед за другими. Упал, разбил голову, оцарапал лицо об острые камни. Вай, какое горе!»

Надзиратель дальше слушать не пожелал. Лишил неудачника возможности поделиться самым главным горем. Когда он летел с откоса в канаву, потерял «вид на жительство», выпал, наверное, из кармана. Как доказать свою личность? Спасибо, в канцелярии поверили его честному слову — записали под родительской фамилией Иоанисянц. Лично он — Мкртыч Иоанисянц.

Разбираться с Мкртычем Иоанисянцем не к спеху. Мелюзга! В тихое время какую-нибудь статью подберут. Если бы ты был Симон Аршаков Тер-Петрусов. Еще лучше — Камо!..

В схожем положении молодой грузин Шаншиашвили. На допрос не требуют, домой не отпускают. Очень ему сочувствует этот самый Мкртыч. Забавляет парня всякими историями. Про то, другое. Про Надзаладеви тоже. Всплывает имя Камо^[17]. Шаншиашвили видел его, издали на митинге.

— Молодой, как мы. Совсем мало пожил...

- Ты тоже слышал?
- Убит в Надзаладеви.
- Очень его жалеешь?..

Где-то в начале февраля Шаншиашвили все-таки вызывают на допрос. Отправляется в наилучшем настроении. Чего никак не скажешь о следователе. Ему, тонкому психологу, физиономисту, мастеру развязывать языки, такое оскорбительно пустое дело! Мыльный пузырь! Даже административной ссылки под гласный надзор полиции не выжмешь... Туземец хотел взять фаэтон, кричал: «Свободен, свободен?» Подвыпившему офицеру послышалось: «Свобода! Свобода!» Парня схватили... Агентурных разработок на него нет. Провизор Рухадзе доставил письменное поручительство, ученик в его аптеке. «Накричу и выгоню ко всем чертям!» — заключает следователь свое трудное рассуждение.

С каменным лицом следователь листает толстый том случайно подвернувшегося под руку «дела». Двигает ящиками стола. С бьющим через край притворством грозно восклицает:

— Вот! Вот она, ваша гибель, Шаншиашвили. Я держу в руке документ, полностью вас изобличающий. Сейчас же отвечайте, как близко вы знакомы с Камо?!

Эффект потрясающий. Шаншиашвили расплывается в улыбке.

— Как не знать кама! Обязательно знаю каму!

— Где вы его видели в последний раз? Ну говорите! — Следователь полон непритворного интереса.

— Всегда видел. Вы видели. Все видели, все кушали!

— Ты что себе позволяешь? Сгною! Повешу!

— Зачем повесишь? Кама — очень вкусная зелень, кушать надо. Укроп, укроп!

— Убирайся!

Конвоир уводит Шаншиашвили назад в камеру. Теперь ненадолго. Через несколько часов его снова вызовут: «Шаншиашвили, с вещами!» На выход, стало быть.

Впереди еще одна формальность. Прямо из Метех на волю не отпускают. Только после визита в полицейский участок, где человек постоянно прописан. От тюрьмы до участка обязательно сопровождает городской. У него и паспорт, и вещи подопечного.

Шаншиашвили такая забота кажется обременительной. Слишком угрожающей его семейному благополучию. Упаси бог, знакомые или, что совсем непоправимо, родственники невесты увидят его в положении арестованного. Немедленно откажут от дома. Он умрет, не перенеся

позора... Другое дело, если они поступят по взаимному уважению. Городовой с его паспортом поедет на трамвае, а ему позволит взять извозчика. В подтверждение высокого уважения некая сумма денег переходит в карман городского.

— Жду у входа в участок! — напоминает Шаншиашвили, подзывая фаэтонщика. Садится на мягкие подушки, машет рукой.

У дверей полицейского участка извозчик старательно протирает глаза. Ахи да охи! Среди бела дня пропал, исчез седок.

Много дней будут ломать голову лучшие жандармские умы Тифлиса: «Как долго ехал, где слез?» Единственно, до чего дознаются, что аптекарский ученик Шаншиашвили в полном здравии пребывает на старом месте в камере Метех. Вовсе не отлучался. Господин следователь также свидетельствует: такого Шаншиашвили он никогда не допрашивал. К нему приводили кого-то другого. Какой смешной пассаж! Положим, он никогда звезд не хватал, этот полковник Девилль...

...Время досказать, о чем шептались два парня в дальнем углу камеры. Неудачный жених Мкртыч Ионисянц решает открыться, сказать Шаншиашвили, кто он в действительности.

— Парень, не надо оплакивать Камо. Он жив. Он перед тобой.

— Правда? Ты Камо? Тебя не убили?

— Слушай дальше. Меня не помилуют, обязательно повесят за бой в Надзаладеви. Спасти меня можешь только ты. Дело очень простое. Здесь, в тюрьме, мы обменяемся одеждой. Меня в лицо тут не знают, а ты немногим моложе меня. Ты будешь Камо, а я Шаншиашвили. Я уйду вместо тебя. Случайно схваченных начинают освобождать... Только подумай хорошенько. Для тебя совсем небезопасно — накажут за помощь в побеге. Понимаешь, да?

— Пусть накажут... Я хочу стать революционером!^[18] В начале февраля надзиратель выкликает: «Шаншиашвили на допрос!..»

Не с этих ли дней Камо начинает думать: «Земля смеется, когда я по ней хожу, она радуется моей жизни!»?

Выбор падает на столовую Петербургского технологического института. С полного одобрения Надежды Константиновны Крупской.

«...Очень удобно, так как через столовку за день проходила масса народу... Никто не обращал на нас внимания. Раз только пришел на явку Камо. В народном кавказском костюме он нес в салфетке какой-то шарообразный предмет. Все в столовой бросили есть и принялись рассматривать необычайного посетителя: «Бомбу принес», — мелькала, вероятно, у большинства мысль. Но это оказалась не бомба, а арбуз. Камо принес нам с Ильичем гостинцев — арбуз, засахаренные орехи. «Тетка прислала», — пояснил как-то застенчиво Камо. Этот отчаянной смелости, непоколебимой силы воли, бесстрашный боевик был в то же время каким-то чрезвычайно цельным человеком, немного наивным и нежным товарищем. Он страстно был привязан к Ильичу, Красину и Богданову. Бывал у нас в Куоккале^[19]. Подружился с моей матерью, рассказывал ей о тетке, сестрах. Камо часто ездил из Финляндии в Питер, всегда брал с собой оружие, и мама каждый раз особо заботливо увязывала ему револьверы на спине».

Бывал у нас в Куоккале... Времени Надежда Константиновна не называет. Только что явка в столовой Технологического — зимой. Март в державном городе на Неве — еще зима. А раньше марта Камо в Петербурге появиться никак не в состоянии. Физически немислимо до ухода из Метех. И бессмысленно до отнятия «правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания». Это Ленин; «Задачи отрядов революционной армии»^[20].

При всей изобретательности и быстроте Камо в один февраль всего не затиснуть. Прощание с Метехами, подбор и минимальное обучение боевой группы, экспроприации в двух губерниях. На Коджорском тракте за Тифлисом. На перекрестке четырех бойких улиц в Кутаисе.

Сведения противоборствующих сторон — Имеретино-Мингрельского комитета РСДРП и особого отдела канцелярии наместника — полностью совпадают. Ящик с деньгами кутаисского казначейства отбит у конной стражи в начале марта. При ярком солнечном свете. На глазах у гуляющей публики. Один мужчина и две милостивые девушки сразу после взрыва бомбы перебросили оный ящик с казенной линейки на рессорный экипаж некоего имеретинского дворянина...

На Архиерейской улице в квартире Барона Бибинейшвили, по приятному совпадению респектабельного банковского деятеля, деньги укладываются в немало послужившие винную бочку и бурдюк. То и другое с небольшой особенностью — двойным дном, двойными непроницаемыми шкурками. До Петербурга бочонок поедет в багажном вагоне, бурдюк — с хозяином в спальном купе. Какой уважающий себя грузин пустится в длительное путешествие без хорошего домашнего вина.

О благополучном исходе путешествия в знакомом дневнике Арчила Бебуришвили:

«Я снова в Петербурге, не рассчитывая когда-нибудь вновь встретиться с Камо. Он находился в тюрьме, открытие его подлинного имени угрожало ему виселицей.

Третьего дня, возвратившись домой, я нашел у себя чужие чемоданы и бурдюк с вином. Мне сказали, что был приезжий с Кавказа, оставил вещи и обещал зайти вечером. И вот вечером ввалился ко мне собственной своей особой Камо, по-прежнему живой и кипучий, точь-в-точь такой, каким я его видел накануне рокового 18 декабря.

Мы проговорили с ним напролет всю ночь. Положение в Тифлисе было очень тяжелое, но Камо не унывал и чертил блестящие перспективы для ближайшего будущего. Он должен был выехать в Финляндию к В. И. Ленину. На мой вопрос, зачем ему понадобилось везти с собой бурдюк с вином, он, смеясь, сказал, что везет в подарок Ленину. Хорошо зная Камо, я не сомневался, что в бурдюке, кроме вина, еще более ценное содержимое. У него не узнаешь...»

От степенного Финляндского вокзала в Петербурге до поселка Куоккала всей езды неполный час. «Как от Тифлиса до летних дач в Мцхетах», — позднее определит Камо. А в первый раз показалось изнуряюще долго. Спасибо, хоть дача эта, «Ваза», вблизи вокзала.

По внешнему виду ничего особенно привлекательного: мцхетские, боржомские дачи красивее, наряднее. Не так неуклюже вытянуты в длину. На воротах, вопреки описаниям Арчила, никакого изображения вазы. Выдастся время посвободнее — Надежда Константиновна объяснит: название дачи дал ее владелец Энгестрем в честь своего родного города на севере Финляндии. Сам Энгестрем политикой мало интересуется, возможно, по большой занятости в пароходстве. Зато супруга «мадам Наво» рвется в бой. Переправляет подпольщиков в безопасные места, доставляет оружие, в чем Камо вскорости убедится.

Владимиру Ильичу отведена комната в углу, в сторонке, чтобы без помех мог писать, принимать людей. Там и первая беседа с Камо.

Подробностей обидно мало. Считанные строки в рукописи Софьи Васильевны Медведевой: «Свое первое свидание с Лениным Камо мне описал так: Ильич встретил его сдержанно, сел к нему боком и прикрыл глаза ладонью, как бы защищая их от света лампы, Камо все же заметил между неплотно сложенными пальцами рук испытующий взгляд Владимира Ильича.

Беседа затянулась. Ленин расспрашивал о ходе партизанской войны на Кавказе, он ставил ее в пример другим краям. Благодарил за деньги, доставленные Военно-техническому бюро большевиков. С нарастающим интересом наблюдал, как Камо потрошил «странную штуку». Между двойных шкурок бурдюка лежали документы огромной важности: отчет о работе кавказских большевиков, планы, связанные с подготовкой к Объединительному съезду, перечень вопросов, ответить на которые мог лишь Владимир Ильич.

Помолчав, Камо добавил: «Чай потом пили. Ленин из кухни принес чайник, заварил. Вино, сказал, не пьет».

Итак, вероятнее всего, что первая встреча Камо с Владимиром Ильичем — в марте девятьсот шестого^[21] года. После кутаисской экспроприации и накануне Объединительного съезда РСДРП — в апреле в Стокгольме.

Недели через две с половиной — три Камо снова появляется в Петербурге. С иным, весьма непохожим «видом на жительство».

В столбце светской хроники столичных изданий подряд:

«В Петербурге проездом из Тифлиса в Новгород находится довольно популярная инокиня — игуменья Ювеналия, в миру княжна Тамара Чавчавадзе... Игуменье всего 34 года...

Князь Коки Дадиани отдал предпочтение апартаментам «Европейской» гостиницы. Молодой отпрыск старинного грузинского рода единственный наследник всего состояния владельцев Мингрелии. По материнской линии князь в близком родстве с французским принцем наполеоновских времен Мюратом...»

Не мирское дело вникать в превратности карьеры популярной игуменьи Ювеналии. Можно только о князе Коки Дадиани.

В один благословенный день вожделенные золотые червонцы сыплются из длинного кожаного мешочка, мехом вверх. Князь сосредоточенно подгребает их к себе. Судьбою посланный незнакомец отводит глаза. Нисколько не торопит. Когда последняя монета скрывается в давно пустовавшем материнском ларце, князь Коки как бы раздваивается. Ни на один день не отлучаясь из своего «имения», он шумно гуляет в

Петербурге. Под магическим воздействием золотых десятирублевок отпрыск вконец обедневших титулованных кутил сдает в аренду... фамильные документы, с ними вместе все родовые регалии. Богатый ровесник князя обуреваем страстью блеснуть в петербургском свете, завести знакомства исключительно с благородными дамами... Единственное препятствие — он... низкого происхождения. Если бы князь согласился на недолгое время...

Князь соглашается. Благодарный Камо приумножает славу сиятельного рода Дадиани.

Еще по пути в Петербург он покоряет соседа-генерала своей четкой политической программой: «Всех, кто чуть левее кадетов, публично вешать!.. Непокорных туземцев сослать в Сибирь. поголовно!..»

Вполне благосклонно к блистательному князю относится и супруга крупного столичного инженера. В данное время она в том же вагоне первого класса возвращается с курорта. Князь Коки окружает ее вниманием. Сразу чувствуется порода, врожденный аристократизм... Камо умеет. С тифлисскими озорными кинто — он кинто. С князьями — князь, с офицерами — офицер. В роль вживается мгновенно.

По сему поводу Леонид Борисович Красин — Максиму Горькому:

— А помните, в Москве вас удивило, что я на улице подмигнул щеголеватому офицеру-кавказцу? Вы, удивясь, спросили: кто это? Я назвал вам: князь Дадешкелиани, знакомый по Тифлису. Помните? Мне показалось, вы не поверили в мое знакомство с таким петухом и как будто даже заподозрили меня в озорстве. А это был Камо. Отлично он играл роль князя!..

Вполне достаточной симпатией князь Дадиани пользуется также в лаборатории Технологического института. Там, вдали от посторонних глаз, он полностью отдается своей истинной страсти. Не терпит вторжения самых близких друзей. «Я застал его один раз, — признается Арчил Бебуришвили. — Он не стал разговаривать со мной и предложил «обратиться к черту» — так трудно было ему оторваться от нее».

Камо не упрекнешь. Даже очень заслуживает внимания она — эта новая бомба. Изобретение профессора М. М. Тихвинского и Никитича.

Для кого Никитич, для Камо хороший его знакомый по Баку, инженер Красин. Красивый, удачливый, превосходный конспиратор и заведующий строительством электростанции на Баиловском мысу. Теперь, к превеликому удовольствию Камо, он руководит боевым центром большевиков. Самый нужный Камо человек. Авторитет непререкаемый в обстоятельствах очень разных. Один только раз не прислушивается к

голосу Никитича. За что едва не заплатит собственной жизнью...

Бомба, испытанная при взрыве дачи Столыпина — пока просто министра внутренних дел, — хороша по всем статьям. Она, по словам Ленина, «становится *необходимой принадлежностью народного вооружения*»^[221]. Ради нее вся апрельская поездка Камо. Необходимо ему в срок наикороткий досконально постичь технологию, чтобы открыть свои филиалы. Для начала хотя бы в Баку, Тифлисе, Грозном, Батуме, Кутаисе. Делать так делать. С размахом, с блеском — с кавказской широтой!

Порой приходится отвлекаться от главного дела. Менять род занятий. В записях Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича:

«...Боевики тотчас же взяли «Володьку» на учет, проследили его до мелочей и, когда они вновь установили его полную причастность к охранному отделению, то он был уничтожен боевой группой, действовавшей под руководством Камо. Это было сделано так, что он, исчезнув с квартиры, больше, конечно, туда не явился и нигде не был найден. Вероятнее всего, течение реки Невы труп его отнесло подо льдом куда-либо очень далеко, после того как он был спущен в прорубь на глухом переходе через Неву».

Далеко за полночь или совсем под утро приходится князю Коки Дадиани возвращаться в свои апартаменты. Дежурный швейцар совместно с коридорным заботливо поддерживают под локотки утомленного приключениями сиятельного гостя. Каждый шаг князю дается с трудом и очень хочется ему петь... Никакого другого беспокойства от князя не исходит. За все услуги щедро платит.

Вполне вероятно, что Петербург еще некоторое время получал бы удовольствие от пребывания обворожительного князя Дадиани. Он и сам надеялся. Увы, человек только предполагает!.. Хроникеру «Биржевки» дозволено тонко намекнуть: «Огорчительный отъезд князя Дадиани, по циркулирующим слухам, связан с особыми видами на него высшей администрации Кавказа».

Виды, правда, особые. У Камо — тем или иным путем надо освободить из Метех Миха Бочоридзе, наборщиков, печатников — всех, кто связан с разгромленной Авлабарской типографией. Долг, честь, человеческие взаимные обязанности требуют, чтобы он, Камо, вернул этих людей на свободу.

Сборы закончены. Назначен день отъезда. Остается самый пустяк. Сдать в багаж массивный кованый сундук со звоном. Память о принце Мюрате. Великий маршал, конечно, не возил в своем сундуке какие-нибудь безделицы, побрякушки. И князь Коки не станет. Только образцы зарядов

для бомб, револьверы новейшей марки, обоймы с патронами.

Такой фамильный багаж, естественно, не всякому-каждому доверишь. Спасибо, в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» обнадеживающее известие: «Как нам передают, на всех вокзалах Петербургского железнодорожного узла введена охрана агентов для наблюдения за прибытием и отбытием пассажиров». Подходит, пожалуй.

К парадному подъезду Николаевского вокзала лихо подкатывает на дутых шинах экипаж. Некто в светло-серой черкеске с флигель-адъютантскими погонами и аксельбантами слегка приподнимается на кожаных подушках. Манит к себе жандарма, маячащего у входа. Тот рысцой. Рука приросла к козырьку. Флигель-адъютант, нисколько не сомневаясь в своем праве отдавать любые распоряжения, велит позаботиться о его сундуке. «Квитанцию принесешь в ресторан... Сдачу оставишь себе...» В руках несколько оторопелого жандарма кредитка впечатляющего достоинства и адрес, по которому следует бережно отправить фамильные ценности флигель-адъютанта — князя Коки Дадиани. Все устраивается наилучшим образом.

И в Тифлисе тоже. Еще до возвращения любимого племянника тетушка Бабе — бывало, принимала она господина пристава в домике над Авлабарской типографией, подносила вина, соленья, печенья — так тетушка Бабе подыскала достаточно сносное жилье. Флигелек на две комнатки в дальнем конце двора. Напротив двери старая шелковица. В жару можно посидеть в тени. Авось и в комнатах не будет особенно жарко — одна совсем без окна.

Племянник подтверждает: все очень удачно. Тем более что к осени он твердо рассчитывает разбогатеть. Тогда они с тетушкой переедут прямо в Сололаки!.. Пока можно особенно сырую стенку, ту, что вплотную примыкает к Метехской тюрьме, завесить плотной кошмой или старой буркой.

На хлеб насущный тетушка Бабе зарабатывает стиркой. Слава богу, руки у него здоровые. А полоскать белье — по тифлисскому обычаю обязательно в Куре — относит племянник. Иногда вдвоем с приятелем. Корзины с землей, вынудой из подкопа, чуть прикрытой простынями и наволочками, достаточно тяжелы.

Кто знает, предчувствие или коммерческий строгий расчет — только обещание племянника полностью сбывается. Даже раньше осени. Разбогатели они с тетушкой Бабе — съехали из флигелька-развалюшки. Они, и Миха Бочоридзе, и еще тридцать один «политический» — все, кому следует, покинули Метехи. Через подземный ход Камо.

Миссия обворожительного князя Коки Дадиани до конца исчерпана. Для большой поездки по Европе готовы другие документы. Безупречные. Собственной выделки.

У города Льежа репутация в мире общепризнанная. Центр знаменитых бельгийских оружейных заводов — скорострельные винтовки, пулеметы, револьверы, прочие деликатные вещицы.

Естественно, торопится с деловым визитом к льежским благодетелям владелец не очень большой посреднической конторы, появившейся между весной и летом девятьсот шестого года в Париже, месье Лельков. Заграничная тайная агентура департамента полиции предпочитает именовать его Меер Валлах. Панаша, Феликс, Максим Литвинов.

Этот самый Лельков слышит по приезду от главы фирмы Шредера весьма обнадеживающее: «Месье очень удачно выбрал время. На заводах как раз приемочная комиссия русского царя, офицеры из Санкт-Петербурга. Полигон готов к стрельбам. Экипажи заказаны. Для месье зарезервировано место...»

Случай действительно необыкновенно удачный. Для того чтобы обстановка была совсем дружеской, обращение непринужденным, деликатный Максим Максимович, будущий советский нарком иностранных дел, представляется петербургским «коллегам» в качестве полковника армии Эквадора. Всем приятно. Полковника зовут посетить Петербург. Он не менее радушно приглашает в Эквадор. Пока до будущего обмена многообещающими визитами армия Эквадора получает ценную и авторитетную доверительную консультацию. По настоянию русских специалистов полковник требует заменить несколько ящиков патронов. Совсем ни к чему российским революционерам патроны сомнительного качества...

В следующий раз — ближе к середине лета — владелец посреднической конторы появляется в Льеже с собственным экспертом. Вероятно, ввиду большого размаха коммерческих операций. Эксперт на вид довольно молод. На бельгийских заводах его раньше никто не видал. Но все — вопросы, что оп немногословно задает через переводчика, манера обращаться с оружием, легкость, с которой оп поражает мишени, — все выдает в нем подлинного знатока. Сам старик Шредер беседует с ним на равных.

Само собой, глава посреднической конторы заботится, чтобы его эксперт вступил в контакт с человеком, также немало способствующим процветанию их дела. С Александром Сидоровичем Шаповаловым,

политическим эмигрантом из России. В свои тридцать пять лет он достаточно пережил, несладко живет сейчас в Бельгии.

Встреча происходит на квартире Шаповалова. Эксперт без лишней церемонии представляется:

— Камо.

Дальнейший разговор всего лучше в передаче Александра Сидоровича. Записан в третьем томе его воспоминаний — «В изгнании».

«Насколько я помню, после квирильской или кутаисской экспроприации Литвинов приехал в Льеж с Камо. Они пришли к нам домой, когда я находился еще на заводе.

С большим трудом дотянув до вечера, я вернулся домой до такой степени ослабевшим, что при всем моем желании не мог быть внимательным к тому, о чем говорили Литвинов, Камо и Лиза. Стараясь слушать, я ловил себя на том, что против воли засыпаю и клую носом. Камо, никогда не работавший на бельгийских заводах, не был осведомлен, очевидно, что усталость — обычное состояние бельгийского рабочего, когда он возвращается домой.

Поэтому, видя, что я очень невнимателен, он со свойственной ему резкостью сказал:

— Какой смысл старым калошам^[23], старым революционерам доживать до такой степени инвалидности! Смотрите, — обратился он к Литвинову, — мы заняты обсуждением таких важных дел, касающихся революции, а он не в силах побороть в себе сонливость. Это позор! Я никогда бы не довел себя до такого жалкого состояния.

— Что же мне, по-вашему, делать? — спросил я.

— Если бы я попал в такое положение, я, пожалуй, сказал бы себе, что не стоит влачить такое жалкое существование...

Камо уехал, так и не узнав истинной причины моей усталости».

А когда Максим Горький примется расспрашивать, присуща ли Камо обыкновенная человеческая доброта, Красин ответит:

— Добрый человек? Нет. Но отличный товарищ!..

Кто возьмется взвесить скрупулезно, что предпочтительнее? Доброта — она, как говорится, от природы. Отличный товарищ — от человека. Так что в обстоятельствах, в которых постоянно действует Камо, надежнее?

...В Льеже эксперту дольше задерживаться ни к чему. Заказы приняты. Так же, как до этого в Карлсруэ на «Дейтше ваффен фабрик», в Вене на заводах Штейера. Никаких затруднений не предвидится и с доставкой оружия в болгарский порт Варну. А там почти по соседству черноморские порты Кавказа. В открытом море корабли, большие и малые, одним курсом

идут в российскую крепость Батум, в турецкий бойкий торговый городок Трапезунд...

Болгарским властям достаточно знать, что вагоны с оружием под опекой македонской военной организации. Предназначены для повстанцев в турецкой Армении. Лучшей версии быть не может. Любая акция против Турции пользуется в Софии полным сочувствием и поддержкой. Слишком много зла чинят султанские притеснители.

В Париже владелец посреднической конторы встречается с глазу на глаз с военным министром Болгарии генералом Савовым. Что весьма способствует закреплению тесных отношений с фактическим главой Македонского комитета Наумом Тюфенчиевым. Человеком разносторонних дарований, смелым до отчаянности, не всегда разборчивым в средствах. В последующих деловых отчетах конторы:

«...Нам был обеспечен совершенно легальный пункт назначения для закупленного оружия: мы могли давать заводам и складам ордер на вполне открытую отправку товаров в Болгарию. Натолкнулись на некоторые затруднения при транзитном перевозе оружия из Бельгии и Германии через Австрию, но и эти препоны благодаря «любезности» всемирной транспортной конторы Шенкер и К⁰ были легко устранены. Поскольку мы не могли говорить о транзитном характере груза в самой Болгарии, нам пришлось заплатить ввозные пошлины. Я подозреваю, однако, что болгарское казначейство от наших операций не обогатилось и что мнимые пошлины были ценою за любезность самого Тюфенчиева и его высокопоставленных болгарских друзей. Это подозрение у меня возникло, когда я увидел вагоны с оружием в Варне, запломбированные таким образом, как будто груз шел транзитом и болгарской таможней не вскрывался. Я нисколько не жалею об уплаченной мзде, которую Тюфенчиев полностью заслужил.

На две трети задача выполнена. Осталось организовать отправку из Варны. Большим тоннажем болгары не обладают, и те немногие пароходные линии, которые там существовали, наотрез отказались взяться за отправку оружия без легального назначения и за тайную выгрузку в открытом море, рискуя своими пароходами и жизнью команды. Призыв к патриотизму и необходимости оказать содействие союзным по борьбе с Турцией армянам не действовал. Я решил купить собственное суденышко и вызвать для него команду из России, и мне действительно удалось купить в Фиуме за сравнительно умеренную плату в 30 тысяч франков небольшую яхту, сделавшую переход из Америки в Европу и по своей вместительности вполне годную для наших целей. Купил я ее на свое имя, прописавшись в

Фиуме по болгарскому паспорту брата Наума Тюфенчиева...

В Варне все было готово для отправки в июле или в августе, и я не сомневаюсь, что все сошло бы благополучно, если бы могли тогда произвести отправку...»

В том и беда, что по обстоятельствам, несколько не зависящим от посреднической конторы, отправка яхты мучительно затягивается. Положение настолько неопределенное, что владелец конторы вопреки своим правилам держит в неведении эксперта Камо. Ни обещанной телеграммы, ни простой открытки. Никаких вестей после Льежа. Камо тревожится, ругается, клянется, что все бросит к черту. Женится в осточертевшем ему Берлине на белокурой фрейлейн...

В Тиргартене, на Унтер-ден-Линден, на Курфюрстен-дамм назойливо лезут в глаза таблички: «Осторожно, листопад!» Камо воспринимает их весьма своеобразно — как личный упрек, порицание за недостойную медлительность. «Мне зачем напоминаешь «листопад»? Сам знаю — уходят последние дни. Осенью на Черном море волны с хорошую гору. Шторм совсем бешеный...»

Вестей в Берлине по поводу этой самой посреднической конторы дожидается еще начальник заграничной тайной агентуры департамента полиции. Сегодня он удачливее. Приятнейшее послание от провокатора, несущего службу в Лондоне. «Литвинов сейчас тут. У него вышло с ЦК недоразумение. ЦК растратил 40 тысяч рублей и не хочет отдать. Поэтому Литвинов послал двух грузин в ЦК с требованием вернуть деньги, или грузины укокошат кого-нибудь из ЦК. Сами грузины рвут и мечут. Вероятно, что деньги они получают, но пока задержка».

Больше правды, чем выдумки. После Стокгольмского — объединительного — съезда РСДРП делами в ЦК действительно вершат меньшевики. Они имели на съезде большинство. По той простой причине, что царские власти привычно обрушили жесточайшие репрессии на одних большевиков. В столь благоприятных условиях меньшевикам совсем не сложно провести своих делегатов, захватить мандаты. Как всегда, особенно неприлично действуют кавказские меньшевики.

У всей Сибири один голос. У Прибалтики один голос. У кавказских меньшевиков одиннадцать. Кто в состоянии тягаться?!

Название съезду можно дать — объединительный, примирительный. Борьба идей от этого не уменьшится. Только на долю большевиков еще больше препятствий, осложнений, мин, расставленных вроде бы товарищами по партии. Об этом Владимир Ильич — в полный голос в «Обращении к партии делегатов Объединительного съезда,

принадлежавших к бывшей фракции «большевиков».

В Кутаисе на губернской объединительной конференции эсдеков меньшевистские звезды первой величины пылко уговаривают делегатов: «В качестве жеста доброй воли вернем правительству двести тысяч рублей, прискорбно захваченных в Квирильском казначействе». Не получается. Так же, как немногим раньше в Тифлисе. Там рабочие отказались вернуть в Арсенал винтовки, добытые в разгар событий пятого года.

Ну а те, кто задает тон в ЦК, самодовольно, шумно, так, чтобы дошло до властей, заявляют: «Мы не бланкисты, не сторонники анархии, не воры, не грабители — нам не нужны боевые дружины. Мы выше этого. Мы отвергаем партизанскую войну!» Отсюда и все препоны, упорно чинимые Литвинову, Камо.

«Я в самом деле не был достаточно предусмотрителен, — винится Литвинов, — чтобы перевести за границу всю доставленную в мое распоряжение кавказскими товарищами сумму, выписывая деньги от ЦК по мере надобности.

До Стокгольмского съезда мои финансовые требования удовлетворялись «Никитичем» без всяких задержек, и я, в свою очередь, имел возможность оплачивать счета, укрепляя свое положение и доверие к себе со стороны коммерсантов, с которыми мне приходилось иметь дело. С переходом же ЦК в руки меньшевиков в пересылке денег наступили серьезные перебои. На телеграммы и письма в ЦК я подолгу не получал ответов, просьбы о денежной помощи оставались гласом вопиющего в пустыне. Я протестовал, ругался, указывая, что успех дела зависит от своевременной отправки оружия в спокойную погоду, до наступления осенних штормов в Черном море.

Видя, что делу грозит несомненный крах и что письмами и телеграммами на меньшевистский ЦК не воздействуешь, я вынужден был отправиться в Петербург, где не без труда удалось вырвать от ЦК остаток кавказских денег, оказавшийся уже значительно урезанным. В Болгарию смог вернуться лишь поздней осенью. Благоприятное время было окончательно упущено... Я возлагал надежду главным образом на своих собственных сотрудников по работе, среди которых находился такой испытанный революционер, как Камо. С облегченным сердцем я смотрел с берега на удаляющуюся яхту, и мне мерещилось уже полное осуществление революционного предприятия, над которым я работал 10 месяцев».

Одиннадцатого декабря яхта «Зора» под командованием участника восстания на броненосце «Потемкин» Афанасия Каютина-Каютенко подняла болгарский флаг. Цо-лучила от капитана порта сигнал «добро»,

вышла в море. Накануне втайне от всех судовой кок Камо поместил в одном из рундуков с продуктами «адскую машину». Для полной уверенности, что яхта ни при каких обстоятельствах не попадет в чужие руки. «Когда не останется ни грана надежды — взрывайте!» — напутствует владелец посреднической конторы своего эксперта.

Произойдет несколько по-другому. Участвовать в скорей трагической гибели «Зоры» Камо не придется. Свою роковую роль исполнят зимние штормы. Через двадцать часов после выхода из Варны близ заброшенного маяка «Игрушка», в местности Лиман Рязань, гигантские волны, те, что принято называть девятым валом, раскололи корпус яхты. Вода хлынула в трюмы, машинное отделение, ворвалась в каюты...

Камо без особого желания — так, в качестве подарка судьбы — получает неограниченную возможность сравнить, где вода более ледяная, где труднее продержаться — в горных потоках, с детства знакомых, или в бушующем, теперь по-настоящему Черном, грязно-черном море. Не минуты — часы. Бесконечно долгие часы. Все-таки опускаться на дно ему еще слишком рано. Подбирают румынские рыбаки, возвращающиеся с лова домой, в Сулину.

После Сулины Констанца. Попытки Камо нанять нескольких добровольцев из матросов и рыбаков, чтобы с ними отправиться к месту гибели яхты. Вмешательство румынской полиции. Незваного гостя, явившегося чуть ли не из морской пучины, всего лучше определить в тюрьму.

Из Бухареста в Санкт-Петербург донесение тайного агента Гирса: «Приехал из Варны с Литвиновым-Валлахом точка Встречал доктор Раковский у кого и живет наблюдаемый точка Прошу пришлите деньги от октября не получил точка». Как скоро прибыли желаемые деньги — одни догадки. А интервью с директором департамента полиции Трусевичем незамедлительно. Сначала в балканских, затем в европейских газетах. Его превосходительство Максимилиан Иванович любезно сообщил, что на борту «Зоры» было «не менее двух тысяч скорострельных винтовок, 650 тысяч патронов, много ящиков бомб и гранат, значительное количество нелегальной литературы».

Императорское российское правительство заявляет официальный протест Болгарии. Что весьма благоприятно сказывается на участи Камо. Для доказательства полной своей непричастности София нажимает на Македонский комитет, генерал Савов — на Наума Тюфенчиева. Тотчас публикуется официальное сообщение: «Яхта «Зора» и ее груз принадлежат организации македонцев». Им, и больше никому! Сразу отпадают

сомнения, мучившие румынские власти. Незнакомец, подобранный рыбаками, есть стопроцентный македонец. Ему следует пожелать всяческой удачи.

Македонец так македонец. Камо охотно соглашается. Лишь бы побыстрее на Кавказ. А там... Обязательно должно удался. Тогда они с Максимом Максимовичем повторят все заново. Наверстают с лихвой.

Среда, тринадцатое июня 1907 года.

Знойное, в дымке утро. Лениво томится разморенный Тифлис. Бьют часы на башне городской управы. Раз, два, три... Денежный транспорт преодолевает последний подъем. Теперь только бы миновать Эриванскую площадь.

Впереди, по бокам и позади верховые казаки. С карабинами в руках. На фаэтонах — рядом с кучерами и кассирами — караульные от банка, солдаты. Винтовки заряжены. Пальцы на курках. Полная боевая готовность. С главного почтамта, что на Михайловском проспекте, сегодня перевозят в светло-серый особняк тифлисской конторы Государственного банка сумму побольше обычной. Сразу двести пятьдесят тысяч рублей! Два туго набитых холщовых мешка.

На Эриванской всегда шумно. Толпы народа, фаэтоны, ишаки, скрытые непомерными корзинами, верблюжьи караваны из Баку и Персии. Отсюда, от площади, во все стороны — улицы, широкие, узкие, горбатые; вверх к горе Давида, вниз к стиснутой крутыми берегами Куре. В начале каждой улицы — пристав с помощниками и младшими чинами, вооруженными винтовками по случаю вновь объявленного в городе военного положения. Сверх того особые посты, пешие и конные.

Часы продолжают отбивать удары. Четыре, пять... Господин в круглой соломенной шляпе широко раскрывает газету, утыкает в нее нос, оседланный пенсне, бредет мелкими шагами через площадь.

К ресторану сомнительной славы «Тилипучури» направляются две приятные девицы с яркими зонтиками, до того самозабвенно болтавшие у арки штаба Кавказского военного округа. Навстречу, растягивая лица в улыбке, покачиваются шесть молодцов в ярких атласных блузах и широченных шароварах завсегдатаев Армянского базара.

Семь, восемь, девять ударов... Казаки сворачивают на Сололакскую улицу. Фаэтоны у дома Общества взаимного кредита.

Десять, одиннадцать. Одиннадцать часов утра среды, 13 июня года повсеместной жесточайшей реакции, переполненных тюрем. Налаженный порядок взрывают бомбы. Летят стекла из окон дворца наместника, административных учреждений огромного края, штаба военного округа, редакции газеты «Кавказ», городской управы, центрального полицейского участка. Взрывная волна, пока только взрывная волна, напоминает о

грядущем справедливом и гневном расчете.

На всей Эриванской площади одновременно со страшным грохотом рвутся бомбы. Метательные снаряды собственного производства Камо. Чуть не отнявшие у него жизнь. Около двух месяцев назад в его лаборатории — укрытый зеленью домик за дальней околицей в Авчалах — случайно взорвался заряженный капсюль. Осколки попали Камо в правый глаз, навсегда повредили хрусталик. Основательно поранили руку. В записях Джаваиры: «Я немедленно отвезла его к окулисту — доктору В. Мухелишвили, которого лично хорошо знала и который имел репутацию прогрессиста и порядочного человека. Мухелишвили оказал Камо первую помощь, а затем направил его в частную лечебницу к доктору Соболевскому. Камо там пробыл около трех недель. Мухелишвили лечил ему глаз, а Соболевский руку...»

Содрогается от взрывов центральная площадь Тифлиса. Все вокруг окутывает желтый дым.

Господин, до того всецело поглощенный чтением газеты, отшвыривает ее. Маскировка больше не нужна Бачуа Купрашвили. Он бросается наперерез фаэтону с тучным губернским секретарем, кассиром банка Курдюмовым. Швыряет бомбу под ноги лошадям. Расстояние слишком малое. Силой взрыва Бачуа самого подбрасывает вверх, кидает в сторону. Парень крепкий — придет в себя, благополучно доберется в загодя назначенное место.

С быстротой и силой внезапно распрямляющейся пружины к фаэтону подскакивает дублер Бачуа — Датико Чиабришвили. Хватает мешки с деньгами. Обострившимся боковым зрением замечает на середине площади пролетку. В ней во весь рост стоит офицер, бешено палит из маузера. Кажется, и он увидел Датико. Быстро приближается. Чиабришвили из последних сил запускает в пролетку... мешки с деньгами. Офицер на всем скаку поворачивает в сторону Головинского проспекта к дворцу наместника. В ногах у него открыто, как боевой трофеей для обозрения, те самые мешки. Казенные, с державными печатями.

У самого дворца — навстречу пролетке, едва держась в седле, исполняющий должность тифлисского полицеймейстера подполковник Балабанский. Офицер учтиво приподнимается, машет руками. Радостно, во все горло кричит: «Деньги спасены. Спешите на площадь!»

Полицеймейстер торопится воспользоваться полезным советом. Медлить действительно нельзя. С Эриванской по-прежнему доносится грохот, вздымается удушающий дым. Подполковник пришпоривает коня. Вскоре он поймет, кто был офицер в пролетке и чего стоил его совет.

«Кавказ» двадцатого июня: «Вчера, в 10 часов утра А. Г. Балабанский отправился на кладбище и на могиле своей матери застрелился».

Всегда готовый оказать любезность старшему по чину офицер продолжает свой путь. Без дальнейших приключений прибывает к... Миха Бочоридзе. Тот по-старому здравствует в Тифлисе. Только после несколько своевольного ухода из Метех теперь вместо типографии держит большую столярную мастерскую. Заказчиков так много, что ради их удобства пришлось сделать три отдельных входа — с Михайловского проспекта, с Собачьего переулка и через подъезд дома, в котором квартируют сотрудники губернского жандармского управления.

Порядком надоевшая офицерская форма — Камо приучался носить ее много дней подряд, проверял на близких товарищах, можно ли его узнать, похож ли он на себя, — форма, все доспехи больше ни к чему. Их можно будет с благодарностью вернуть портному Оганову. Сейчас удовольствия ради Камо выливает себе на голову ведро холодной воды из колодца. Набивает рот кишмишем-лаб-лабо — жареным горохом с изюмом.

Со стороны поглядывает, как невозмутимый Миха с женой Маро сноровисто набивают полосатый тюфяк тугими пачками кредитных билетов, преимущественно пятисотрублевого достоинства. Разравнивают. Потом зовут мушу — безотказного тифлисского носильщика. Для порядка слегка торгуются. Через минуту-другую тюфяк на спине муши. Для него, привыкшего переносить пианино, огромные сундуки, двести пятьдесят тысяч — тяжесть совсем не обременительная. Вразвалку шагает себе по мостовой, напевает. Рядом на тротуаре довольная приобретением хозяйка. По Михайловскому проспекту они дойдут до обсерватории, свернут к Куре. Маро не ошибется. Полосатый тюфяк займет место на тахте в угловой солнечной комнате второй конспиративной квартиры.

Да и на время самое короткое...

Первым приступает чин не слишком высокий.

«ПРОТОКОЛ

1907 года, июня 13 дня, гор. Тифлис.

Я, околоточный надзиратель 4-го участка Светлаков, составил настоящий акт в следующем: сего числа, в 11 часов злоумышленники, пользуясь общей паникой публики и невозможностью дать сопротивление конвоя и среди поднявшегося от взрывов дыма и удушливых газов, схватили мешки с деньгами, которых, по заявлению кассира Курдюмова, было 250 тысяч рублей, открыли в разных концах площади револьверную стрельбу и вместе с деньгами скрылись. От взрывов снарядов выбиты все

стекла домов и магазинов по всей Эриванской площади.

Из дальнейшего производства дознания и опроса установить личность злоумышленников и по какому направлению побежали злоумышленники с похищенными деньгами ввиду полного отсутствия показаний не удалось. Найденные на площади доска от фаэтона, железные части разорвавшихся снарядов при сем препровождаются».

Свет, известно, не без добрых людей. Ранним, еще прохладным утром в четверг в комендантское управление Тифлиса решительно входит особа неопределенного возраста. Требуется, чтобы сию минуту было записано ее признание. «Разрывается сердце!.. Вчера утром я бросила бомбу!»

Дежурный по управлению с трудом успевает записывать:

«Я, девица-бомбоносец, Аделина Григорьевна Межебовская. Бомба находилась у меня в зонтике. Кто ее положил туда, когда и при каких обстоятельствах, я не помню, вернее всего, я сама положила бомбу в зонтик. Бомба была в форме лимона и не больше его. Я помню хорошо, что я бросила бомбу вперед в пространство, взмахнув рукою, и бомба моя разорвалась на Эриванской площади. Бросив бомбу, я, вероятно, сейчас же отправилась домой, хотя сказать не могу, сейчас я ушла или спустя некоторое время. Фамилии лиц, кои бросали бомбы одновременно со мною, я укажу, когда сердце станет на место».

В душевном успокоении не меньше нуждается дежурный по комендантскому управлению. Предусмотрительно расставив у окон и дверей часовых, он призывает на подмогу следователя. С конным нарочным шлет приглашение прибыть прокурору.

Медлить нельзя. Особенно родственникам и лечащему врачу Межебовской. Они умоляют отпустить психически больную женщину, сбежавшую ночью из дому. Полный отказ. «Она уже в Метехской тюрьме. Собственное признание...» Пятнадцатого, шестнадцатого ее снова допрашивают. Подробнейшим образом записывают весь бред...

Прокурор Тифлисской судебной палаты Владимир Иванович Васильев — министру юстиции:

«Никто из очевидцев не в состоянии был точно определить число нападавших лиц, место, откуда были брошены бомбы, и направление, по которому скрылись злоумышленники... Из находившихся на площади воинских и полицейских чинов только один солдат произвел выстрел, тогда как остальные не успели даже рассмотреть злоумышленников. Момент похищения денег также остался незамеченным».

Жандармский подполковник Бабушкин — директору департамента полиции:

«Нет данных считать преступление делом политических партий».

Государственный банк — всем желающим:

«25 тысяч рублей тому, кто укажет местонахождение похищенных денег... Номера захваченных кредитных билетов пятисотрублевого достоинства нижеследующие...»

Наместник — должностным лицам для неукоснительного исполнения:

«Граф Воронцов-Дашков изволил распорядиться о закрытии всех проходных дворов в городе Тифлисе и о запрещении всем финансовым учреждениям перевозить по городу деньги на обыкновенных фаэтонах, а иметь для этого специально приспособленные дроги».

Газета «Кавказ» в целях поднятия духа обывателей и настроя умов в направлении бодрящего юмора:

«В субботу 16 июня в городской управе произошел трагикомический случай, поднявший тревогу. В этот вечер в думской зале происходило заседание армянского драматического общества. В помещении же управы заседаний не было. Около 10 часов вечера один из управских сторожей заметил на нижней площадке подъезда какой-то мешок. Ему показалось, что в мешке находятся бомбы и положены они для взрыва здания управы. О замеченном он сообщил сначала другим управским сторожам, но никто из них не решился подойти близко к этой страшной находке. Совет сторожей решил сообщить о находке бомб городскому голове и полиции. Поднялась тревога. Члены армянского драматического общества, узнав об этом, моментально разбежались.

На место находки немедленно прибыли исполняющий должность городского головы князь Черкезов и чины полиции. Долго никто не решался дотронуться до таинственного мешка. Наконец нашелся смельчак (один из сторожей), который подошел к мешку и, осторожно подняв его, вынес на Эриванскую площадь. По распоряжению властей к мешку были привязаны веревки, которые издали, с соблюдением осторожности, стали таскать его в разные стороны по мостовой. Взрыва не последовало. Тогда мешок на веревке же перекинули через строящийся перед управой навес, подняли на известную высоту и затем сразу опустили веревку. Мешок упал, но взрыва не последовало. Наконец мешок осторожно был разрезан и в нем найдено под сеном... около пуда ячменя. Оказалось, что один из ямщиков коджорских дилижансов занес мешок в подъезд управы, чтобы сохранить его до следующего утра...»

Слегка приходит в себя, оправляется от шока официальный Петербург. Двадцать первого июня в утренних выпусках столичных газет:

«Департамент полиции экстренно командировал двух своих

высокопоставленных сотрудников в Тифлис для детального изучения подробностей, при которых совершена там последняя крупная экспроприация».

Уже не грабеж, не разбойное нападение. Экспроприация! Читающая публика давно приучена — коли пишут «экспроприация», понимай, совершен акт политический, революционный.

В те же утренние часы четверга зашифрованная телеграмма всем начальникам районных охранных отделений империи:

«Выясните вашей агентурой, какой организацией совершен тифлисский экс тринадцатого июня».

Рига. «Имеются указания агентуры, что налет в Тифлисе организован самими чиновниками, а не революционной партией».

Вильно. «Экспроприация совершена летучим отрядом социалистов-революционеров и польской партии социалистов. По сведениям агентуры, этот же отряд принимал участие в ограблении Московского банка и станции Рогово Варшавско-Венской железной дороги».

Ростов. «Агентура указала на участие анархистов, из которых некоторые прибыли в Ростов».

Нижний Новгород. «На телеграмму вашу сообщаю следующее. В Нижний прибыло несколько нелегальных лиц, от которых агентуре удалось узнать: в экспроприации в городе Тифлисе 250 тысяч участвовало 35 человек, из которых двое убиты и один ранен... Взятые деньги, по словам сообщавших, отвезены в Москву.

Из нелегальных двое арестованы. Оба отрицают свое пребывание в Тифлисе. По сведениям агентуры, группа эта прибыла в Нижний с экспроприаторской целью».

Одесса. «Достоверным агентурным сведениям экспроприация в Тифлисе совершена армянской организацией Дашнакцутюн».

Сразу приказ тифлисской жандармерии:

«Получены сведения, что экспроприация на Эриванской площади произведена дашнакцаканами. Немедленно представьте дневники наблюдения за членами этой партии за время с первого мая и подробный ежедневный наряд всех ваших филеров за это время».

Владикавказ. «100 тысяч рублей из взятых в Тифлисе хранятся в одной из контор какого-то транспортного и страхового общества в городе Астрахани. Заведующий этой конторой — старик, у которого есть любовница или содержанка Маня».

Возникает огромная переписка: запросы и поручения Петербурга, ответы Астрахани, новые поручения. На исходе третьего месяца

департамент обогащается сведениями вполне удовлетворительными:

«Из заведующих страховыми и транспортными конторами в Астрахани никто в связях с социал-революционерами и социал-демократами не замечался и не замечается... По собранным сведениям, любовницу имеет заведующий конторой страхования транспортных кладей общества «Саламандра» дворянин Витольд Витольдович Пршибора — 60 лет, который всегда вел веселую жизнь и ныне часто посещает лубовскую мещанку Марию Николаевну Матвееву, которая считается его содержанкой.

Присовокупляю, что астраханские организации, социал-демократическая и социал-революционная, как известно из агентурных источников, ниоткуда денежных средств не получали и в деньгах постоянно и настолько нуждаются, что отказывают в помощи семьям арестованных».

Умань. «Которые меняли лавке Зайдмана пятисотрублевый билет задержаны, препровождаются по горячим следам».

Варшава. «5-й суд начал разбирательство против ряда лиц, подозреваемых в экссе на Эриванской площади».

Харбин. «Управление Китайско-Восточной железной дороги сообщило, что несомненные участники тифлисской экспроприации государственных сумм обнаружены в Китае».

Лондон. «В английских газетах появляются сообщения о том, что в Америке арестованы участники налета на денежный транспорт Государственного банка в Тифлисе».

Тифлис. «Среди зарегистрированных самоубийц с 13 июня по настоящий день лиц, несомненно причастных к экспроприации, не обнаружено. Списки с подробным изложением обстоятельств и причин самоубийства высланы фельдъегерем. По частным сведениям судебного следователя Малиновского, деньги были увезены в Орточалы, где в герметическом сосуде, предположительно бочонке, опущены в колодезь, расположенный на небольшом расстоянии от местного духана».

Многоопытный следователь Малиновский не совсем искренен. Видимо, не склонен делить лавры с нахрапистыми дилетантами из особого корпуса жандармов. Герметический сосуд, опущенный в колодезь, списки самоубийц — так, третьестепенное. Главная ставка на особый дар прачки Востряковой.

«Когда я у домовладельца Гамбарова проработала уже неделю, вечером вдруг приехала большая компания молодых людей в черных рубашках. Я их всех пересчитала, их оказалось 15 человек. Приехавшие между собой секретничали, суетились, бегали из одной комнаты в другую,

куда-то уходили и очень часто бегали на чердак... Перед окончанием работы я пошла на этот чердак вешать белье и вдруг в темноте ногой наступила на жестяную банку с какой-то жидкостью. Банка перевернулась, жидкость вылилась, попала мне на чулок, облила платье, ногу стало мне жечь и низ платья весь выгорел. Чулок я выбросила, а платье по вашему требованию принесу вам завтра... Что-то этих банок я раньше не видела...

В день катастрофы на Зриванской площади я шла на почту. Вдруг возле Военного собора я увидела, что мне навстречу бегут гамбаровские молодые люди. Все в черных рубахах, черных шароварах и черных круглых шляпах. Все они были с длинными черными волосами и в черных бородах. Лица у них были взволнованные, и видно было, что они куда-то очень спешат. Несмотря на то, что все они были загримированы, я сразу их узнала и всех при предъявлении их опознаю. Когда мне рассказали о нападении на площади, я сейчас же услышала внутренний голос: «Они! Погубители!» Иначе они не были бы так загримированы и не бежали бы от Зриванской площади...

Я женщина бедная, у меня дети, муж-пьяница, занимается перепиской нот, и я с ним не живу. Существую личным трудом. От боязни, что меня будут преследовать и могут убить, я до сих пор никому из властей не говорила о том, что мне известно, кто устроил катастрофу. Только вчера я встретила с одним знакомым мне служащим в особом отделе при канцелярии наместника, фамилию которого не знаю, и в разговоре с ним случайно проговорила ему о том, что мне известно. Этот знакомый, вероятно, сказал обо мне приставу, потому что последний меня сегодня вызвал и стал допрашивать. Приставу дала показания именно я, Вострякова, но я назвалась не своим именем и не своей фамилией, а вымышленным, именно Евдокией Абрамовной Бахмутковой. Вам же почему-то я вполне доверяю. Вы сразу к себе внушили мне полное доверие, и вам я открылась, как перед богом, назвала мое настоящее имя и фамилию и рассказала всю сущую правду, все, что мне известно по делу».

Симпатия взаимная, доверие тоже. Особенно после того, как юбка мадам Востряковой внимательнейшим образом «рассмотрена при комнатном и уличном освещении, подвергнута надлежащей экспертизе, приобщена в качестве вещественного доказательства».

По твердому настоянию следователя особый отдел при канцелярии наместника командирует заведующего своим сыскным отделением господина Евтушевского сопровождать многообещающую прачку в Санкт-Петербург. «На предмет установления путем нелегального и совершенно секретного расследования личности студента Гамбарова и 14 его

сообщников, совершивших нападение на Эриванской площади, с последующим принятием мер к их безусловному задержанию».

Путешествие достойной пары проходит вполне благополучно. Одна только неожиданность, хотя вполне приятная. Сообщников уже не четырнадцать — более тридцати!хлопотно, конечно. Но высшие государственные интересы... По прошествии двух месяцев напряженного умственного труда в «дело» вшивается сто восемьдесят пятый по счету лист. Предназначение генерал-губернатора Тифлисской губернии: «Если вами не будет добыто данных, достаточных для привлечения к уголовной ответственности вышеперечисленных лиц, то, не освобождая их из-под стражи, перечислить обратно содержанием за мною, так как лица эти по моему распоряжению будут высланы в одну из северных губерний империи».

Полностью соответствует назиданиям добрейшего Козьмы Прутков: «Все неприятности относим на казенный счет!»

За государственными хлопотами как-то остается без должного внимания полосатый тюфяк, ненадолго посланный на тахту в угловой солнечной комнате вблизи паромной переправы через Куру.

Еще в июне в купе второго класса скорого поезда Тифлис — Петербург располагается в меру общительный блондин — среди уроженцев Западной Грузии, особенно в гурийских уездах, немало еще более светловолосых. Получив разрешение спутников, ставит на виду круглую коробку, обычную, какими пользуются состоятельные господа для хранения шляп.

В пути ввиду чрезвычайных обстоятельств — каких именно, лишнее раз называть нежелательно, — железнодорожная жандармерия дважды производит досмотр вещей. Всего, что при пассажирах. Кроме мелочей, вроде шляпной коробки. Так что Камо тревожиться не о чем. Двести пятьдесят тысяч, в начале месяца отправленных Государственным банком своему тифлисскому отделению, возвращаются снова на невские берега. Притом для целей куда более достойных.

С этой же коробкой Камо с Николаевского вокзала переберется на Финляндский. Ну да, в поселок Куоккала!..

«— А знаете, Владимир Дмитриевич, мы расплатимся со всеми нашими кредиторами по «Впереду». Только нельзя ли сделать так, чтобы те, которым вы будете платить деньги, не очень бы расходовали их здесь, в Петербурге, — неожиданно сказал мне Красин, когда мы на открытой веранде пили с ним чай.

Я насторожился, — продолжает главный большевистский издатель В. Д. Бонч-Бруевич. — Он пристально посмотрел на меня. Я сразу догадался, что это те деньги, которые поступили в кассу большевиков от той лихой экспроприации, которая была произведена на Кавказе безумно храбрым и отчаянным Камо.

Это были те деньги, о которых так много и горячо спорили: брать ли их нам или не брать? Так как революция нуждалась в средствах, так как эти деньги были взяты не у каких-либо частных лиц, а были экспропрированы непосредственно у государства, то было решено ими воспользоваться для дела революции.

— Кому из ваших кредиторов нужно скорей всего отдать деньги?

Я сказал, что надо сейчас же расплатиться с Михаилом Ивановичем Левиным и А. П. Пушторским.

— Ну вот и прекрасно. Пушторскому передайте эти три тысячи рублей. — И он вынул мне из бокового кармана три ровно завязанные, заклеенные и заштемпелеванные, толстенькие пачки трехрублевки, которые я, так же как и он, отправил в боковой карман. А вот эти деньги — тысячу восемьсот рублей, отдайте Михаилу. Эти деньги не опасны, так как нам хорошо известно, что номера их не объявлены, только пятисотенные неприятны, так как номера их разосланы по всем кредитным учреждениям.

На другой день я был в Петербурге и вручил обоим товарищам деньги, полученные мною от нашего партийного «кассира».

Через несколько дней Красин также расплатился по всем счетам, которые я представил ему от типографий. Он вынимал аккуратно завязанные трешки, пятерки и десятки, но по преимуществу трешки, и эти деньги быстро разошлись по карманам обывателя, не причинив никому никакого вреда.

Так за те бедствия, которые нанесло нам самодержавное правительство, отчасти расплатилось оно собственными рублями, экспропрированными геройски смелыми нашими кавказскими

товарищами».

По плану, возникшему в свое время при весьма близком участии Леонида Борисовича Красина, все так и эдак прикидывается, берется во внимание. Опасность с двух сторон. Обычная от властей, от разбушевавшейся реакции. И от «своих» — меньшевиков.

В апреле нынешнего девятьсот седьмого года на V — Лондонском — съезде РСДРП их лидер Мартов — вполне откровенно: «Мы предлагаем совершенно устранить из порядка дня пункт «О подготовке к восстанию», предложенный товарищами большевиками. Мы находим, что принципиально недопустимо, чтобы партия классовой борьбы пролетариата на своем съезде обсуждала такой вопрос...» Отсюда резолюция: «Какое бы то ни было участие в партизанских выступлениях и экспроприациях или содействие им воспрещается членам партии».

В повседневной действительности отказ от экспроприаций — брошенные на произвол политические заключенные, их бедствующие семьи, закрытие нелегальных типографий, прекращение издательской деятельности, абсолютная невозможность вооружать, обучать боевые дружины, рабочую самооборону. Самоуничтожение революционного подполья. Для Камо нечто совершенно чудовищное!

Неосторожного призыва поэта Акопа Акопяна: «Поостерегся бы ты, брат!» — предостаточно для бурной вспышки.

«— И ты? Ты рассуждаешь так же, как наши меньшевистские большевики!

— Как? Ты считаешь революцию нашего партийного съезда меньшевистским большевизмом? — неудачно обороняется поэт.

— Я смазываю маслом колесо революции. Ускоряю вращение колеса революции, я тороплю ее приближение.

Глаза Камо расширяются и сверкают от гнева», — заключает Акопян.

Камо бы сослаться на Энгельса. Еще в марте 1879 года он пишет о России: «Агенты правительства творят там невероятные жестокости. Против таких кровожадных зверей нужно защищаться как только возможно, с помощью пороха и пуль»^[24]. Вторично, шесть лет спустя: «Способ борьбы русских революционеров продиктован им вынужденными обстоятельствами, действиями самих их противников»^[25].

Марксисты, известно, принципиально отвергают террор. Но Карл Маркс вовсе не предавал анафеме террористические предприятия народовольцев. Будучи уверенным, что это «является специфически русским, исторически неизбежным способом действия, по поводу которого

так же мало следует морализировать — за или против, как по поводу землетрясения на Хиосе»^[26]. По самой своей природе большевик не может, не станет держаться застаревших формул.

Деньги нужны до зарезу на неотложные нужды революции. Добыть возможно единственным путем — наиболее логичным, самым справедливым — силой отнять у казны. По Энгельсу, с помощью пороха и пуль. Кому поручить, кто работник самый подходящий, решает большевистский центр.

За план боевой операции садятся Красин и Камо. С полного согласия Ленина...

Около десяти минут на свершение. Ни одного пострадавшего из посторонней публики. Ни одной жертвы среди участников.

С утра Эриванскую площадь обходит подтянутый, немногословный казачий офицер. Строго требует, чтобы фланирующие туда-сюда любители посудачить, поупражняться в острологии не сбивались в кучки, побыстрее проходили к караван-сараяю. «Останавливаться запрещается... Военное положение!..» Утомившись, должно быть, офицер кличет на подмогу полицейских. «Очистить правую сторону площади!»

По природе своей, по всему образу мышления Камо не в состоянии допустить, чтобы просто так — по роковой случайности — оборвалась чья-то жизнь. Куда предпочтительнее, упреждая, отводя опасность, лишний раз подставить собственную голову.

Там же, в Тифлисе, только в другое время: через минуту или чуть побольше должна начаться боевая операция. Камо предстоит метнуть бомбу. Внезапно он замечает вблизи двух посторонних людей — кажется, сыщиков. Подходит. «Ну убирайтесь прочь, стрелять буду!» Красину кажется это не очень правдоподобным, он допытывается:

— Ну что же, ушли они? — спросил я.

— Конечно, убежали.

— А почему ты сказал им это?

— Что такое — «почему»? Надо было сказать — сказал.

— А все-таки почему? Жалко стало?

Он рассердился, покраснел:

— Ничего не жалко! Может быть, просто бедные люди. Какое им дело? Зачем тут гуляют? Я не один бросал бомбы; ранить, убить могли.

Его поведение в этом случае дополняется и, может быть, объясняется другим: где-то в Дидубе он выследил шпиона, схватил его, прижал к стенке и начал убеждать:

— Ты бедный человек? Зачем служишь против бедных людей? Тебе

товарищи — богатые, да? Почему ты подлец? Хочешь — убью?

Итак, главный большевистский издатель Бонч-Бруевич благополучно расплачивается с кредиторами. Не забывает своих бакинских коллег — Алешу Джапаридзе, Иосифа Сталина, Степана Шаумяна. Им для большой нелегальной типографии и налаживания новой газеты «Бакинский пролетарий» весомая сумма — пятнадцать тысяч. Также мелкими купюрами. А неприятные пятисотенные...

На этот счет деловое предложение Камо Арчилу Бебуришвили:

— Арчил, генацвале, поедем за границу, возьмем с собой твою маленькую дочку... Не понимаешь зачем? Девочка маленькая, лежит в своей люльке. В люльку под пеленки-клеенки я кладу, что мне надо. Никакой жандарм не посмеет тронуть, как можно обижать грудного ребенка!.. В Париже мы останавливаемся в лучшем отеле, производим хорошее впечатление богатых путешественников. Сами занимаемся разменом денег — пятисотрублевков.

Ни малейшего восторга по поводу приглашения совершить вояж в Париж с крохотной дочкой Бебуришвили не выражает. Поддержки идея Камо не находит и на даче «Ваза». За границу по другой неотложной надобности отправляется Мартын Лядов, весьма надежный, многоопытный человек. Надежда Константиновна и жена Богданова — Наталья Богдановна зашивают пятисотрублевки в стеганый Жилет Лядова. После нескольких примерок, по общему мнению заказчика и мастериц, жилет «сидит очень-ловко». При таможенном осмотре действительно никаких осложнений.

А Камо остается на финском взморье. Июль, август. Должно быть, два самых счастливых месяца в его жизни. Безмятежные. Частые встречи с Владимиром Ильичем. Совместные дальние прогулки... Дар судьбы перед тем, как обрушить тяжелейшие муки. По укоренившимся человеческим понятиям вовсе непереносимые.

По всем расчетам, беды вообще не должно быть. Паспорт идеальный. Законнейшим путем полученный австрийским подданным страховым агентом Дмитрием Мирским у австро-венгерского консула в Тифлисе фон Фельтхейма. И поручение большевистского центра не из самых рискованных, наиболее желанное. Тогда, сразу после трагедии «Зоры», Камо поклялся, что они с Литвиновым все наверстают. Вновь добудут оружие, доставят в места, где оно больше всего требуется революционному подполью.

В первых числах сентября «компаньон» Камо по многим отчаянным делам Коте Цинцадзе пишет из Парижа в Женеву Миха Цхакая: «Камо был

здесь два-три дня, отсюда выехал в Бельгию по каким-то конспиративным нуждам, дальше направится в Берлин. У бедняги сильно болит глаз, и, кажется, он у него пропадает совсем, так что он останется на некоторое время в Берлине для лечения».

Так и есть. На центральной берлинской Фридрихштрассе лицом к лицу с Камо сталкивается хорошо его знающий бакинский врач Г. Б. Сегал. «Камо был с Житомирским, которого он шутя представил как своего гувернера. Во время беседы в ресторане, куда мы зашли, гувернер Камо очень жаловался на порученного ему ученика, на его неосторожность и крайнюю беспечность...»

Беседа особенно не затягивается. Гувернер просит великодушно извинить, они рискуют опоздать к модному портному Ландсбергеру, Фридрихштрассе, дом 106. Его с таким трудом удалось уговорить принять срочный заказ... Ужасное упущение — в гардеробе Камо не оказалось вечернего костюма. Встречаясь с крупными негодьями, необходимо блюсти этикет...

Камо нехотя подчиняется. Рано отравивший брюшко, толстогубый, постоянно приплясывающий Житомирский не очень ему по душе. Раздражают постоянные всплески восторга: «Я преклоняюсь перед вашим именем!.. Ради такого героя.» Надо пересилить себя. Житомирский — в обиходе Отцов — не без успеха вершит делами Заграничного Центрального бюро РСДРП. У него гее явки, касса... Потом как-никак земляк, уроженец Баку. Много общих знакомых. Когда Степан Шаумян потерял сознание на собрании Берлинской группы эсдеков, Житомирский — в ту пору студент-медик — оказал ему первую помощь, отвез домой, проявил много заботы. Об этом Камо спешит себе напомнить всякий раз, когда Житомирский его слишком раздражает.

«Разбор шифрованной телеграммы из Парижа.

На имя господина Директора департамента полиции № 43/8344

Подана 22 сего октября 1907 10 часов 30 минут пополуночи.

Получено 22 сего 4 часа 32 минуты пополудни.

420. Камо Берлине хранит своей комнате чемодане двести капсюлей бомб, заготовленных для миллионной экспроприации России, о чем знают лишь Никитич и Валлах точка Ввиду крайней трудности проследить за чемоданом, который будет отправлен на днях в Финляндию, единственный исход обыскать Камо Берлине, задержать и требовать выдачи точка Прошу срочно ответа, дабы я успел сейчас туда выехать для переговоров властями».

Вслед за телеграммой заведующий заграничной агентурой Гартинг шлет подробнейший доклад. Грузин, известный под кличкой Камо, организовал дружину из пятнадцати-двадцати человек для совершения крупнейшей по размерам экспроприации. «Им выслежено, что в каком-то месте в России хранится около 15 миллионов рублей правительственных денег; из коих около 6 миллионов золотом». Для того чтобы эти миллионы вывезти, «предполагается купить за границей трехколесный автомобиль.

Экспроприация будет сопряжена с большим количеством взрывов, для производства коих Камо закупил в Болгарии около 200 капсюлей для бомб. Они громадной силы».

В заключение подробные приметы Камо: «Среднего роста, темный цвет волос, коротко острижен, небольшие стриженные усы, широкие скулы, крупный нос, большие карие глаза, правый с белым зрачком, одевается хорошо».

Директор департамента господин Трусевич относится к планам Гартинга вполне одобрительно. «Поезжайте Берлин точка Войдите соглашение президентом^[27] точка Немедленно приезде телеграфируйте адрес».

Войти в соглашение нетрудно. Полицей-президент герр фон Ягов в своем деле дока. В его докладах министру внутренних дел Пруссии попадают точнейшие оценки. Хотя бы резюме от марта девятьсот шестого года: «Русская революция распространилась за границы Русского государства и повлияла на всю международную социал-демократию, которая под влиянием русской революции стала резко радикальной и

обрела революционную энергию, прежде для нее не всюду и не в такой мере характерную».

Достаточно отчетливое представление фон Ягов имеет и о своем сегодняшнем собеседнике... Как это теперь в его визитной карточке? А, «коллежский советник Аркадий М. Гартинг»... Завидная карьера! Тот второй, Яков Житомирский, заметно отстал. Не тот калибр!.. Он, фон Ягов, сразу понял, потому и уступил русским своего усердного Якова...

Дело несколько щекотливое, изрядной давности. За одно можно поручиться — Яков Житомирский по-прежнему душой и телом предан своему первому патрону фон Ягову. Истый благодетель, он без долгих терзаний принял безвестного студента-медика на секретную службу в полицей-президиум. Пожаловал сразу двести пятьдесят марок в месяц за совсем нетрудное дело, если, конечно, позволяет совесть, — доносить на своих сокурсников. Можно дополнительно на всех других, кто посещает общественный Русский клуб на Штутгартерплатц, 5, против вокзала Шарлоттенбург.

Крайнее усердие тому причиной или, наоборот, серьезный промах — фон Ягов до объяснений не опускается, — только в 1902 году приказ перейти в полное подчинение заведующего берлинской агентурой российской тайной полиции инженера Гартинга. Случай нечастый, просто редкий. Чтобы у молодого, не без способностей врача наставником был инженер. Так ведь по ту сторону добра и зла своя особая карьера, своя служебная лестница. Свой калибр подлости. Аркадий М. Гартинг калибром из наиболее крупных.

Поначалу, на первой ступени, никакой он не Гартинг — мещанин города Пинска Абрам Аарон Гекельман, осведомитель по собственному прошению. Не ахти какой ловкий. Едва не пойман за руку в Петербургском горном институте, где он «освещал» беспокойных студентов. Не в состоянии «внедриться» в Рижском политехникуме. Поспешно, во избежание худшего, ретируется за границу. В Швейцарии, во Франции выдает себя за некоего Ландезена. Документов-то никто не спрашивает.

В мае 1885 года фамилия «Ландезен» вносится в ведомости секретного отдела департамента полиции. Директор департамента Дурново контракт подписывает, не преминув сделать на полях пометку: «В большом хозяйстве всякая дрянь пригодится».

Всего пять лет спустя докладами Ландезена зачитывается сам самодержец Александр Третий. Не скупится на похвалы: «Пока это совершенно удовлетворительно... Весьма дельно и ловко вели все это дело».

Еще большим ценителем, почитателем провокатора оказывается новый «хозяин земли Русской» Николай. Его именным рескриптом Гекельману-Ландезену впредь именоваться инженером Аркадием Михайловичем Гартингом, коллежским советником. Будет и статским советником, кавалером ордена святого Владимира со всеми правами потомственного дворянина^[28].

До таких полицейских вершин Якову Житомирскому не дотянуться. Хотя из кожи лезет. Продает оптом, в розницу — всех и вся.

«Милостивый государь Алексей Тихонович!

Ваше письмо и деньги я получил, — за обязательной этой фразой, обращенной к вице-директору департамента полиции Васильеву, крайняя печаль, страдания не полностью оцененного негодяя. — При всем моем критическом отношении к самому себе я не могу сказать, чтобы я плохо работал. Состою я членом Заграничной Центральной группы, умею ужиться с большевиками и с меньшевиками, приходится вести колоссальную переписку, веду личные сношения с массой людей^[29] и т. п. Работать в буквальном смысле слова приходится втрое больше, чем когда-то. Мало того, мне обязательно надо заниматься медициной, так как иначе меня спрашивают, зачем я остаюсь за границей.

Так что работаю я и готов работать сколько угодно. Дело вовсе не во мне, а в том, что за границей очень трудно получать сведения реализуемого характера. А будет это до тех пор, пока репрессиями не выгонят революционеров из России, особенно из Финляндии^[30]. Тут для того чтобы попало хорошее дело, приходится выжидать... Помилуйте, ведь я могу быть вполне провален. Сейчас и без того приходится прямо опасаться за свою шкуру».

А если еще как-то выпутается Камо — от него всего можно ожидать! — тогда... Нет, нет, слишком страшно подумать... Доктор Житомирский на десять дней прекращает прием больных. Дай бог справиться с собственными нервами!

Зато у инженера Аркадия М. Гартинга после сегодняшней конфиденциальной беседы с герром фон Ягом настроение безоблачное. Достигнуто полное взаимопонимание. Оба ставят на «внезапное» разоблачение опаснейшего русского террориста. При обыске в его чемодане с двойным дном найдут все необходимое для взрыва н»-слыханной силы. Затем, также по озарению свыше, в доме берлинских социал-демократов на Панкштрассе, 32-6, обнаружат припасенные русскими оружие, динамит, бумагу с водяными линиями — ясно для печатания фальшивых денег.

Великолепное доказательство того, что социал-демократы, так дерзко требующие в Пруссии всеобщего избирательного права, есть пособники террористов и фальшивомонетчиков — опаснейших русских разбойников!

Пресса, несомненно, подхватит столь увлекательную историю, особенно если несколько подправить истину, придать ей более пристойный вид. Что весьма пригодится для официальной переписки на высоком министерском уровне, также для суда. Позднее перекочет в Россию для тех же надобностей.

Можно так:

«При неожиданном посещении полицией Русского клуба, всегда пользовавшегося сомнительной репутацией, комиссар по уголовным делам заметил, что некий участник незаконного сборища поспешно вырвал листок из своей записной книжки, разорвал на клочки, бросил под стол. Чиновник, естественно, клочки подобрал, тщательно склеил. В полицей-президиуме прочли: «Мирский, У. Эльзассерштрассе, 14». Полиция уже знала, что Мирский то появлялся, то исчезал из Берлина; знала и то, что в России Мирского несколько раз преследовали по обвинению во взрывах и налетах на банки, но он всегда счастливо ускользал от суда. Не мудрено, что полиция направилась к нему.

Оказалось, что Мирский живет на Эльзассерштрассе, 44, а не 14. Во время обыска, когда открывали больше и черный чемодан, он, улыбаясь, заявил, что там только папиросы. Напрасная попытка. Берлинскую полицию провести ему не удалось. Тотчас вскрыли двойное дно и обнаружили взрывчатые вещества гигантской силы, очень хорошо сделанные.

По окончанию трудного следствия будут сообщены подробности. Дело, вероятно, будет слушаться в Королевском суде I».

Фон Ягов — человек дела. В ближайшую субботу — двадцать седьмого октября в десять часов утра...

Сразу после обыска шуцман Хаберманн, несколько владеющий русским языком, записывает то, что угодно сообщить Димитриусу Мирскому:

«Я решительно отрицаю свою вину. Найденный у меня чемодан принадлежит не мне. Я его получил в Вене от Василия Петрова, конторского служащего на станции Козлов, который случайно находился в Вене и с которым я там впервые познакомился. Петров знал, что я собирался уезжать и что у меня нет чемодана. Поэтому он вручил мне свой с указанием при моем проезде» через станцию Козловскую передать чемодан начальнику станции. Я, не обращая внимания на чемодан внутри,

положил в него свои вещи и взял его с собою...

Затем я... поехал в Берлин... в Берлине я находился 6 дней, а затем поехал через Дрезден в Вену... В Вену я поехал потому, что мне рекомендовали тамошних врачей как лучших. После я поехал в Белград и оставался там дня два. Затем я через Будапешт поехал обратно в Вену, а потом примерно три недели тому назад я из Вены направился в Берлин.

В Берлине я вначале снова жил в пансионате Гейнике, а позднее по совету доктора Якова Житомирского, Зигельштрассе, 24, которого мне рекомендовали в России, снял комнату на Эльзассерштрассе.

Я лечусь у профессора Гиршфельда потому, что у меня болен глаз. В Берлине я не общался ни с кем, кроме вышеназванного доктора Житомирского. Один раз я был в читальном зале на Артиллериштрассе; этот адрес я узнал еще в России.

В Женеве, Лондоне и Париже я никогда не был.

Паспорт принадлежит мне. Расхождение между моим внешним видом и действительным возрастом следует объяснить моим кавказским происхождением.

Я сказал чистую правду».

Пока австрийский подданный Димитриус Мирский только Мирский. Тем более что Камо настойчиво подчеркивает свое знакомство, тесное общение с доктором Житомирским. Обстоятельство крайне нежелательное обер-провокатору. Гартинг — Трусевичу: «Соображениям агентуры я назвал лишь фамилию Мирского, но не Камо». Тут же хлопчет: «Благоволите разрешить служебную командировку в Петербург на два дня для освещения личности Камо».

Его превосходительство Максимилиан Иванович строг. Разрешить вояж в Петербург на средства департамента не благоволит, ни-ни! Приказывает: «Разработку доставить с экстренной дипломатической почтой».

Тридцать первого октября Гартинг вручает фельдъегерю свою «разработку». Сверху, в правом углу, категорическое «Совершенно секретно!». Шум все равно произойдет превеликий. На всю Российскую империю, на всю Европу. Не пощадят драгоценного времени его высокопревосходительства Петра Аркадьевича Столыпина, фактического управителя державы.

Если отбросить повторы, присущие эпистолярным увлечениям Гартинга, лишние подробности, рассуждения об опасностях иудинной службы, то тогда...

«...Настоящая фамилия Камо никому не известна. По его

собственному заявлению, под этой кличкой, данной ему лет десять тому назад, его знают в Тифлисе, Баку и Гори и вообще во многих местах Кавказа.

Камо теперь лет 26, он работает в революционном движении уже лет 8–9. Он давно зарекомендовал себя как в высшей степени ловкий, хитрый и находчивый организатор всяческих предприятий. Им были устроены 11 нелегальных типографий, множество побегов из тюрем, тайные склады оружия, а за последние годы также лаборатории для бомб (в Тифлисе имеется и теперь еще устроенная названным Камо лаборатория бомб). Он принимал участие в целом ряде мелких и крупных экспроприаций.

Камо участвовал в комиссии большевиков по организации закупки оружия. Был в Берлине. Ездил вместе с Валлахом-Литвиновым в Вену, Софию и Варну, находился на пароходе «Зора», потерпевшем крушение (фотография ныне задержанного Камо, предъявленная филерам, наблюдавшим тогда за Валлахом и его сообщниками, вполне удостоверена).

Последним подвигом Камо была экспроприация 250 тысяч рублей в Тифлисе на площади месяца четыре тому назад. Все деньги за небольшим вычетом на расходы и для Кавказской организации большевиков были им доставлены в распоряжение большевистского центра, а именно в руки известных Никитича и Ленина (Ульянова).

Меньшевики, не получившие ни копейки из этих денег, требуют на основании резолюции последнего съезда социал-демократов в Лондоне исключения этих тифлисских экспроприаторов из партии.

Камо всегда пользовался среди большевиков громадным уважением, но последняя экспроприация в 250 000 создала ему ореол такой славы, что все большевики, начиная с Никитича, ухаживают за ним самым невероятным образом. Весь июль и большую часть августа он прожил у Ленина на даче в Финляндии.

В последних числах сентября нового стиля Камо явился за границу искать Валлаха. Встретились они в Льеже, где Валлах устроил Камо закупку 60 пистолетов — маузеров, нескольких браунингов и по 150 патронов на каждый пистолет. Затем оба направились в Болгарию. Предварительно Камо наведлся в Берлин для переговоров: нельзя ли через Германию послать оружие контрабандным путем в Гродну, куда он потом явился бы забрать все. Это дело еще находится под контролем агентуры за границей.

8 октября Камо был замечен в Швейцарии. Вел переговоры с неизвестным лицом, а также и с Цхакая, редактором «Радуги». Числа 10-го или 11-го Камо с Валлахом съехались в Вене. Оттуда поспешили в Софию.

Там у них есть приятель, инженер-химик^[31], служащий в Военном министерстве. У этого инженера они купили две сотни капсулей, обладающих колоссальной силой и изобретенных этим инженером. У него же добыли рецепт приготовления особо сильных бомб. Кроме того, в Болгарии приобрели 3 коробки пикриновой кислоты для лаборатории Камо (кислота тайно выброшена в Берлине после ареста Камо) и 6 адских машин, из коих одна заводится на 8 суток, а остальные — на сутки.

17 октября утром Камо и Валлах уже были в Берлине. Того же числа вечером Валлах уехал в Финляндию, захватив с собою адские машины. А Камо остался ждать доставки оружия и динамо-машины сугубо секретной конструкции. Он надеялся еще встретиться с вызванным им из Сувалок контрабандистом.

На все закупки и другие расходы деньги высылались или выдавались Камо наличными купюрами в конторе издательства Ивана Ладыжникова в Берлине...

Приведенный в полицию утром 27 октября, Камо никак не ожидал, что секрет его чемодана будет раскрыт. Он держался довольно безразлично, временами улыбался по-доброму. Признаки беспокойства появились лишь после того, как полицейский комиссар снял первое фальшивое дно и принялся доставать пачки с десятками электрических и ртутных запальников, листы черного прессованного пороха, приспособления для закладки взрывчатых веществ в здания и в железнодорожное полотно, индукторы.

Чинам полиции Камо предложил отпустить его под залог бывших при нем 1200 немецких марок, дабы он мог немедленно отправиться в Женеву и привезти в Берлин Василия Петрова, действительного владельца опасного чемодана. Он потрясен неблагородством этого Петрова!..

Засим Камо потребовал, чтобы вызвали австрийского консула, ссылаясь на то, что он не русский, а австрийский подданный.

Составленный в полиции протокол подписал: «Димитриус Мирский». Он, по-видимому, постарался припомнить написание его имени в паспорте. Ко всему весьма эффектное, даже с некоторым вызовом, заключение: «Выработанный Камо и Никитичем план огромной экспроприации преследует далеко идущую политическую цель. Из захваченных 15 миллионов рублей должны быть увезены лишь 2–3 миллиона, остальные нагло сожжены, взорваны, дабы продемонстрировать силу большевиков, несостоятельность правительства. Нельзя упускать из виду прискорбное впечатление, оставленное предыдущим эксом на площади в Тифлисе. Сообщения о поимке и повешении виновников катастрофы по сей день не

последовало».

Недвусмысленный намек на неспособность офицеров отдельного корпуса жандармов и упущения департамента полиции. На высоте одна лишь заграничная агентура. Аллилуйя Аркадию М. Гартингу в его собственном исполнении.

Еще фельдъегерю вдогонку депеша:

«Для совершения грандиозной экспроприации Камо нужна была хорошая подзорная труба, и по некоторым данным можно предположить, что место экспроприации или находится на горе, или же что из какой-либо возвышенности можно следить за деталями эксa».

След взят. Подзорная труба! По сему чрезвычайному поводу директор департамента полиции получает аудиенцию у его высокопревосходительства Столыпина.

Нарочно не придумаешь! Только можно найти в переписке державного Санкт-Петербурга, упрятанной в огромные стальные сейфы.

Двадцать восьмого ноября министр финансов Коковцев — Столыпину, возложившему на себя высшее руководство всеимперской акцией «подзорная труба»:

«Имею честь по Вашему требованию сообщить, что большие запасы кредитных билетов имеются в нескольких конторах Государственного банка, крупный запас золота сосредоточен только в Москве... К сему считаю долгом присовокупить таблицу, из которой Ваше Высокопревосходительство усмотрит наличность разменного капитала и золота в крупнейших конторах Государственного банка. В специальных графах таблицы указывается число чинов контор и число чинов сберегательных касс...»

Рукою Столыпина зелеными чернилами:

«Особому отделу. Выяснить окружающую местность этих учреждений через начальников жандармских управлений. 29/XI».

Первого декабря особый отдел департамента полиции шифром начальникам губернских охранных отделений:

«По делу «Камо» заграничная агентура дала указания, что большевики готовят нападение на одно из крупнейших русских государственных кредитных установлений, причем город, в котором предположено совершить экс, Департаменту неизвестен, но агентурные данные указывают, что учреждение, предназначенное для нападения, расположено или на горе, или таким образом, что с какого-либо ближайшего возвышенного пункта можно с помощью подзорной трубы следить за выполнением преступления.

Вследствие сего Департамент полиции предлагает Вашему Высокоблагородию совершенно секретно выяснить местность, окружающую контору Государственного банка, для установления, не соответствует ли расположение конторы приведенным выше описаниям, и о последующем уведомить в самом непродолжительном времени».

Второе послание министра Коковцева Столыпину: «Милостивый государь, Петр Аркадьевич.

В дополнение к письму от 28 минувшего ноября, имею честь препроводить к Вашему высокопревосходительству дополнительный перечень учреждений Государственного банка, в которых при малом запасе золотой монеты имеются довольно крупные суммы кредитных билетов. К сему беру смелость присовокупить, что такие значительные запасы кредитных билетов обуславливаются не потребностями банковых операций, а служат преимущественно для военных целей по требованию Военного ведомства на случай мобилизации. Ныне, в виду особой опасности хранения столь значительных сумм на местах, я сделал срочное распоряжение о стягивании их в Петербурге для хранения в запасных кладовых банка.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и искренней преданности».

В полном понимании всей государственной важности полковники и ротмистры тем временем изучают «окружающую местность». В Москве, Радоме, Чите и Бухаре, в Вильно и Владивостоке, в Эривани, Варшаве, Херсоне, Тобольске и Ташкенте, в Ломже, Благовещенске и Ковно, в Царицыне и Ревеле — в пятидесяти восьми городах юга и востока, запада и севера России.

Ростов. «С предместья города Ростова — Темерника, расположенного на большой горе, виден фас здания конторы отделения государственного банка, но не виден парадный ход конторы, закрытый от Темерника вновь построенным собором.

Я полагаю, что если изложенные департаментом сведения касаются Ростова-на-Дону, то предполагается захват подвод с деньгами при следовании их в банк или из такового.

Если инициатива нападения на контору государственного банка исходит от кавказских организаций, то изложенное в донесении моем за № 3207 наводит на мысль: не связано ли прибытие армян и грузин в Ростов с предполагаемым разбойным нападением на банк.

Начальник Донского охранного отделения».

Саратов. «Отделение Государственного банка помещается в

собственном доме, находящемся на углу Никольской и Константиновской улиц. С близнаходящейся колокольни собора, так и с пожарной каланчи удобно наблюдать в трубу за названным отделением банка. Об изложенном доношу департаменту.

Ротмистр (черная завитушка)».

За трудными нескончаемыми хлопотами незаметно наступает новый, девятьсот восьмой год. Январь, начало февраля. С напряжением всех сил — физических, даже умственных — продолжается изучение, оценка, описание «местности окружающей». Единственно потому, что как-то в Берлине Камо попросил Житомирского проводить его в магазин, где торгуют подозрными трубами. Если бы кто другой, а с Камо какие шутки! При одном упоминании в дрожь бросает.

Постоянному возмутителю спокойствия сейчас тоже не до забав, не до веселого озорства. Через несколько дней его доставят в большой зал следственной тюрьмы Моабит II. На суд. Председательствовать на сенсационном процессе советнику Массману. Перед всеми другими советниками королевского суда у него неоспоримые преимущества — остзейский барон, воспитывался в России, сохраняет имя Иван...

Нужно что-то срочно предпринять. Что именно, никто в Куоккале окончательно решить не берется. В Берлин уходит телеграмма: просим экстренно приехать наиболее осведомленного товарища. К концу недели на даче «Ваза» давний «берлинец» Иван Ладыжников.

Сообщение Ладыжникова более чем неутешительное. После первого допроса в полицей-президиуме Камо отправлен в следственную тюрьму. Прокурор при королевском суде выдвигает обвинение в нарушении закона против преступного и общеопасного употребления взрывчатых веществ от июня 1884 года. Закона о динамите, как с трепетом говорят немцы. Десять лет каторжной тюрьмы в лучшем случае... Более вероятно, что при дружеском содействии департамента полиции в Берлине раскроют, что страховой агент Мирский — Камо. Портрет будет нарисован достаточно впечатляющий. Опаснейший террорист, создатель тайных лабораторий по изготовлению бомб, международный организатор складов и контрабандных перевозок оружия и адских машин, похититель золота и банкнот, беглец из множества тюрем... Каждый добропорядочный немец, классический Михель в ночном колпаке, постоянно дрожащий за свою собственность, испытает облегчение, узнав, что закоренелый злодей выдан России и, по всей вероятности, будет повешен!

В Германию отправляются Максим Литвинов и Мартын Лядов. Максим Максимович для благополучного завершения их общих с Камо предприятий — пересылки в надежные адреса последнего транспорта с оружием, уже ожидающего в Гамбурге, и динамо-машины, доставленной из Софии от Тюфенчиева. Из-за нее, из-за этой динамо-машины, испытывает мучительные страдания Гартинг. «Полицейские власти здесь не знают, что динамо-машина есть собственность Мирского, — с болью сообщается в очередной шифровке Трусевичу, — и невозможно им на это указать, дабы не причинить непоправимого ущерба агентуре. Эксперт, которому машина приватно показана, заявил, что машин подобной конструкции в продаже не существует, что она, несомненно, специально приготовлена неизвестным техником для больших взрывов домов, мостов, железных дорог и т. и.»

Иные занятия у Мартына Лядова. Он много лет прожил в Берлине, хорошо знает обстановку, людей, язык. У него свои возможности, обременять Житомирского ему нет нужды. Придет время — Мартын Николаевич напишет на полях рукописи Барона Бибинейшвили:

«По поручению Ленина мне пришлось организовать защиту Камо в Берлине. Ильич очень любил и ценил Камо и говорил, что надо принять все меры к тому, чтобы спасти Камо. С просьбой об организации защиты я обратился к Карлу Либкнехту. Он выдвинул кандидатуру своего друга и товарища по партии, депутата парламента от социал-демократов Оскара Кона для официальных сношений, сам же взялся влиять на печать и на партийные верхи».

Либкнехт знакомит Лядова с Коном. Вдвоем они быстро выполняют все необходимые формальности. Королевский суд признает доктора Оскара Кона правомочным защитником интересов Мирского. А Лядову долгие испытывать судьбу не следует. Его в недалеком прошлом дважды выслали из Пруссии, отбирали подписку о невозвращении. К тому же далеко не кстати продолжаются аресты среди русских политэмигрантов. Забраны Лука — бывший секретарь Московского комитета эсдеков Виктор Таратута — и, что особенно настораживает, Штиглуц — Богдан Кнуныц, много лет близко знавший Камо по Тифлису, Баку. Встречались они и в Берлине.

Прощаясь, Лядов с Коном улаживают, что в дальнейшем связи будут поддерживаться через Житомирского из Заграничного центрального бюро.

То ли по своей инициативе, то ли по совету из Куоккалы несколько дней спустя из Гамбурга Лядов передает Житомирскому, что тому в самом ближайшем времени придется приехать в Россию: «Будем решать, какие меры необходимы для освобождения Камо».

Снова Гартинг — Трусевичу:

«...Приняв в соображение крупное положение, агентурой занимаемое среди большевиков, и ввиду ожидаемого в ближайшем будущем перекочевания главарей этой партии из России для подпольной работы за границу, я посчитал нахождение агентуры в такой момент вблизи большевистского центра крайне желательным. Поездка, несомненно, сведет агентуру со всеми секретными заправилами большевиков, еще больше упрочит ее положение как хорошего исполнителя особо важных поручений.

Со своей стороны я снабдил агентуру паспортом на имя доктора медицины Ильи Ивановича Шорина и ходатайствую о выделении дополнительных средств на расходы по данной поездке... Также покорнейше ходатайствую наружного наблюдения за вышеназванным Шориным не устанавливать. Наблюдение, несомненно, будет замечено революционерами и поведет к нежелательным выводам...»

Размашисто, обязательным зеленым — в подражание кумиру Столыпину — карандашом Трусевича: «Докладывать мне срочно о ходе

дела!»

Боже упаси промедлить, всё бы докладывал безмерно старательный Житомирский, если бы только ему, всюду вхожому, не была так недоступна психология подлинных революционеров. Примчавшись по каким-то своим хлопотам в Париж, он вновь сталкивается у земляков-бакинцев с доктором Гавриилом Сегалом. Тем, кому в кафе на Фридрихштрассе так трогательно жаловался на «неосторожного и крайне беспечного» Камо. Сейчас, подлаживаясь под общее настроение кавказцев, Житомирский предельно скорбит.

На расспросы Сегала отвечает с готовностью. Да, у Камо нашли чемодан с оружием, динамит и взрывчатую машину. На его квартиру набрели чисто случайно. Ужасная нелепость, кто-то из товарищей потерял адрес на сходке во время разгона ее полицией... Если Камо выдадут России, его повесят!.. Сам Камо молчит. Редакция «Форвертс»^[32] предоставила ему адвоката. Камо с этим адвокатом, весьма приличным человеком, общаться не захотел. Хорошо, что он, Житомирский, вспомнил: Камо как-то приходил к нему домой на небольшую дружескую пирушку. Хозяйка тогда надевала свое колечко, оно одно-единственное. Камо заметил, похвалил работу ювелира. Теперь по настоянию Житомирского адвокат взял колечко с собой, невзначай показал Камо. Контакт установился полный. Увы, мало что дает. Выход один — это организовать побег и для этого надо договориться с товарищами в России.

Тут же предложение: «Я слышал, вы через несколько дней двигаетесь в обратный путь, спешите в родные бакинские палестины... Так-так. Зайдите в Вене на почтамт, я вам экспрессом pošлю весточку, если узнаю что нового... Не благодарите, я понимаю, как вы переживаете...»

В Вене Сегала действительно ждет почтовая открытка, предусмотрительно вложенная в плотный конверт. Всего несколько слов. Из тех, что запоминаются на всю жизнь: «Камо Вас оговорил. Возвращаться в Баку Вам нельзя!»^[33]

Особых колебаний нет. Сегал сразу меняет маршрут. Он спешит отыскать Красина. Хотя и не коренного, а все-таки своего бакинца, предельно уважаемого. У Леонида Борисовича один вопрос:

— Вы вернетесь в Баку?

— Разумеется.

— Я так и думал... Не забудьте порвать открытку!..

В поезд садится и Красин. По неотложным коммерческим делам крупный российский негодник торопится к своему швейцарскому

банкиру... Ничего, версия срабатывает. Пограничные власти препятствий не чинят, наоборот, предупредительны. Ну а в Женеве Миха Цхакая или Вячеслав Карпинский скажут, где обосновались Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, также покинувшие Куоккалу.

Женева встретила резким, пронизывающим ветром — бизой. В качестве сенсации продавались открытки с изображением замерзшей на лету воды около решеток набережной Женевского озера. Город выглядел мертвым, пустынным. Под стать погоде настроение. И тема разговора, ради которого Красин приехал, о Камо, конечно.

Предложение Красина кажется невероятным, даже бесчеловечным.

— Вы уверены, голубчик Леонид Борисович? Мы не причиним ему дополнительных страданий без пользы притом? Он согласится, выдержит?

В час, отнюдь не предназначенный для свиданий с заключенными Альт-Моабит криминаль герихт — Моабитской уголовной тюрьмы — все тот же богатый и, похоже, достаточно чудаковатый российский негодник входит в одиночную камеру к Мирскому. Хорошо оплаченный смотритель дает десять минут. Им, давно понимающим друг друга с полуслова, вполне хватит. Чтобы принять решение, на долгие годы определяющее судьбу Камо.

Поездка Житомирского в большевистский центр, само собой, отпадает. Он нисколько не потребовался Красину и в его берлинских занятиях. За крайним недосугом Леонид Борисович навестить его не смог. Тем более что нахлынули новые экстраординарные события. Вот о них Житомирский более чем хорошо осведомлен. Ему не нужно, как Леониду Борисовичу, читать и перечитывать сообщение «Берлинер тагеблатт»:

«Как уже сообщалось во вчерашнем вечернем выпуске, к кассе Баварского банка в Мюнхене подошла элегантно одетая русская женщина, которая хотела разменять 500-рублевую банкноту. Чиновник заподозрил неладное, проверил по своему списку и убедился, что банкнота краденая. Полицейский комиссар доставил женщину в полицию. У нее нашли довольно крупную сумму немецкими деньгами, соответствующую 500 рублям. Кажется поэтому, что она пыталась обменять уже вторую банкноту.

Как нам сообщает дальнейшая частная телеграмма из Мюнхена, женщина пока отказывается дать сведения о себе. Но уже установлено, что эти 500-рублевые банкноты были похищены в Тифлисе. 26 июня прошлого года в Тифлисе была отправлена почтовая карета из почты в филиал государственного банка. Конвой из 16 казаков оказался бессильным.

Предполагают, что арестованная в Мюнхене дама является орудием банды. Сами похитители, по-видимому, находятся во Франции и в

Швейцарии.

С тифлисским налетом, очевидно, связано полученное нами из Парижа сообщение: «Два русских террориста, 25-летний Меер Валлах и Фанни Затульска, были вчера здесь арестованы. Они были посланы во Францию для обмена забранных в Тифлисе денег. У них якобы была найдена еще сумма в размере 20 тысяч франков».

Меер Валлах. Читай Максим Максимович Литвинов. И он тоже...

Аресты, аресты... В Мюнхене... Париже... Стокгольме... Женеве... Копенгагене... Софии... Роттердаме...

А уверенность в удаче была немалая. Особенно после того, как Житомирский беспрепятственно обменял четыре «неприятных» пятисотрублевки на итальянские лиры. Обнадеживающая разведка позиций противника перед решающей акцией.

В один и тот же день — во вторник восьмого января — тифлисские пятисотрублевые должны были быть обменены на банкноты нескольких европейских стран. Сам по себе обмен — штука немудреная, минутная. Если только заграничные банки не оповещены, что кредитные билеты серии А.М. номера от 62901 по 63000 и от 63701 по 63800 из экспроприированных двухсот пятидесяти тысяч. Видимо, нет, раз Житомирскому удалось без малейших затруднений одним манером обменять четыре билета. Да и откладывать дольше нельзя. Необходимо покончить до суда над Камо.

Во вторник радужные надежды оборачиваются полным провалом. Хуже всего в Париже. Максим Литвинов задержан с двенадцатью билетами в бумажнике. И не в банке у кассы. Почему-то на Гар дю Нор — на Северном вокзале. В газетах шум на весь континент. Почти все незабвенных упражнений на вечернем досуге милейшего барона Мюнхгаузена. В дрожь бросает при чтении «Le Журналь»: «РУССКИЙ ВАЛЛАХ.

ЕГО РАЗЫСКИВАЛИ В ТЕЧЕНИЕ ДВУХ ЛЕТ!!!

Это тот, кто в 1906 году руководил нападением ца фургон русского банка в Санкт-Петербурге.

Господин Ксавье Гишар, начальник бригады, занимающейся анархистами, задержал в Париже одного из самых опасных террористов. Этот арест вызовет известные волнения в России...

Документы, захваченные у террориста Валлаха, представляют большой интерес для русской полиции. Они содержат сведения об организации современного русского революционного движения. Кроме того, некоторые письма, найденные в портмоне этого опаснейшего нигилиста, могут касаться непосредственно безопасности царя Николая

Второго».

Насмерть перепуганы обыватели повсеместно в Европе. Даже в самой терпимой, гостеприимной Женеве «только и разговоров, что о русских экспроприаторах. Об этом с ужасом говорили за столом в том пансионате, куда мы с Ильичем ходили обедать, — строки Крупской. — Когда к нам пришел в первый раз живший в это время в Женеве Миха Цхакая, кавказский товарищ, председатель III съезда партии в 1905 году, его кавказский вид так испугал нашу квартирную хозяйку, решившую, что это и есть самый настоящий экспроприатор, что она с криком ужаса захлопнула перед ним дверь».

В продолжение:

«Тифлис, прокурору судебной палаты

Женеве арестованы Николай Семашко и Вячеслав Карпинский точка Швейцарские власти выражают готовность исполнить все требования расследования и выдачи.

Директор *Трусевич*».

«Тифлис, судебная палата, следователю по особо важным делам Малиновскому

Ввиду ходатайства роттердамской полиции министерством иностранных дел уже поручено по телеграфу императорской миссии в Гааге сделать официальное представление нидерландскому правительству о задержании и выдаче лиц, пытавшихся обменять похищенные кредитные билеты

Министр юстиции № 416».

Полицейский интернационал — мерзость все-таки в рамках профессии. Даже гартинги с житомирскими — тоже штатная служба. Иудины сребреники по платежной ведомости, по контракту. Но чтобы заведомо лживые доносы на чашу весов в борьбе идей — это только меньшевики.

Ленин — Горькому второго февраля:

«Л. Мартов поместил в бернской с.-д. газете «заявление», где говорит, что Семашко не был делегатом на Штутгартском конгрессе, а просто журналистом. Ни слова о его принадлежности к с.-д. партии. Это — подлая выходка меньшевика против большевика, попавшего в тюрьму. Я уже послал свое официальное заявление как представителя РСДРП в Международном бюро. Если Вы знаете Семашко лично или знали в Нижнем, то непременно напишите тоже в эту газету, что Вас возмущает заявление Мартова, что Вы лично знаете Семашко, как с.-д., что Вы убеждены в его непричастности к делам, раздуваемым международной

полицией»^[34].

На следующий день приписка Надежды Константиновны к письму Ильича Г. А. Алексинскому:

«Меньшевики уже... устраивают тут такие гнусности, что трудно даже верится...»

Придется поверить — жизнь представит слишком убедительные доказательства. Поверить в вовсе невозможное для людей элементарно порядочных, мало-мальски стыдливых. На роль полицейского осведомителя в масштабе минимум европейском претендует сам Павел Аксельрод. «Старец хилый, кроткий, ветхий», как представляет его Емельян Ярославский в шуточной поэме «Сон большевика». По великой кротости своей собственноручно составляет в мельчайших подробностях — боже упаси чего забыть! — план повсеместной расправы с большевиками. Всех на кол!

Никто не возьмется сказать, с каким чувством Георгий Валентинович Плеханов читал Аксельродов пасквиль, ему перво-наперво адресованный. Гласности его не предал^[35]. Возможно, отложив, тщательно вымыл руки...

Так, в Аксельродовом тайном замысле экспроприацию, совершенную Камо в Тифлисе, необходимо квалифицировать как акт сугубо бандитский. Ленин этот грабеж среди бела дня заранее одобрил. Лучшего повода дискредитировать ленинцев в глазах заграницы долго или вообще не будет. Посему надлежит Плеханову написать доклад, направленный категорически против большевиков. Доклад перевести на немецкий, французский и английский языки, направить немецкому партийному правлению (Форштанду), Каутскому, Адлеру, Интернациональному бюро, в Лондон. Разослать по всем подходящим адресам... Терять время нельзя. Покончить надо побыстрее, навсегда. Начиная, само собой, с Камо. Немного общих усилий, и он окажется на виселице...

Только общих усилий! Гартинг уже радостно телеграфирует директору Трусевичу:

«В «Голосе Социал-Демократа» № 1–2 напечатана статья «Не пора ли покончить?», являющаяся хорошим аргументом для обвинения экспроприаторов, так как в ней редакция «Голоса» прямо называет их бандитами, грабителями и требует исключения их из партии».

Вот наконец и случай, нисколько не ущемляя интересов своей агентуры, сообщить Берлину, что Мирский — это Камо. Сообщить со ссылкой на таких экспертов, как меньшевики.

Временно заменяющий отлучившегося из Петербурга Трусевича С.

Виссарионов приказывает составить по всем правилам высокого полицейского этикета бумагу (почему-то немцам на французском языке). Директор департамента полиции — весьма уважаемому господину полицей-президенту:

«Имею высокую честь препроводить Вам два экземпляра газеты «Голос Социал-Демократа» № 1–2 февраль сего года. Статья «Не пора ли покончить?» представляет неопровержимый аргумент против злонамеренной кампании, развязанной газетой «Форвертс» и оппозиционным депутатом рейхстага Либкнехтом. Как вы лично убедитесь, подлинные русские социал-демократы — меньшевики — исторгают Мирского — Камо Самехи из своей среды. Экспроприация 250 тысяч рублей квалифицируется как деяние уголовное и только уголовное... Камо не есть социалист!

Вопрос «Не пора ли покончить?» полностью адресуется известному Вам Ульянову-Ленину. Главной персоне».

Так замыкается круг...

«ТЕЛЕФОНОГРАММА

принята полицейским комиссаром Эйльнером

13 февраля 1908 г., 10 ч. 25 м. утра

Завтра в большом зале Моабит II судом присяжных будет разбираться дело террориста Мирского. Председательствующий, советник королевского суда доктор Массман просит разместить на местах для публики достаточное число чиновников политической полиции, так как можно предположить, что на слушание дела явятся многие русские студенты и нигилисты; к тому же и Мирский начал разыгрывать буйное помешательство».

Поперек бумаги другим почерком, другими чернилами:

«Немедленно ответить советнику доктору Массману: «Меры для завтрашнего судебного разбирательства по делу Мирского приняты. Внутри зала будут находиться (следуют фамилии), в здании вне зала будут расположены (фамилии), перед зданием суда — на улице (фамилии)».

Начинает разыгрывать буйное помешательство... Утреннюю похлебку и «кофе» запускает в служителя. С ругательствами, воплями рвет на себе одежду. Кидается бить пришедших надзирателей. Его выволакивают из камеры в подвал, нагишом бросают в одиночку с минусовой температурой. Чтобы не простудиться, всерьез не заболеть, узник девять дней, девять ночей кряду бегаёт из угла в угол, прыгает. На десятые сутки возвращают в прежнюю камеру.

Шестого февраля Оскару Кону предоставлена после трудных хлопот возможность навестить своего подзащитного. Среди ночи новый приступ помешательства. Тюремный врач записывает:

«7-го: Буйствовал, стоит в углу, не отвечает. Имел вчера свидание со своим адвокатом. Вызвано ли этим его возбужденное состояние?

10-го: Разделся, не отвечает ни на один вопрос.

12-го: Вздыхает и стонет, отказывается от приема пищи».

С утра четырнадцатого — судебное разбирательство. Зал полон. Не без содействия весьма осведомленной во всех полицейских делах «Берлинер Локаль-Анцейгер». В раннем своем выпуске она оповестила берлинцев:

«В следственной тюрьме с русским террористом Димитрием Мирским вчера вечером случился буйный припадок. Дело Мирского слушается сегодня перед судом присяжных... В качестве экспертов приглашены

медицинский советник доктор Гоффманн, доктор Мюзам, химик доктор Германн Каст, полицейский советник шеф политической полиции Хеннигер, комиссар по уголовным делам фон Арним и ряд чиновников уголовной полиции... По ходатайству представителя Мирского последний должен прежде всего быть передан в соответствующее учреждение для наблюдения над его психическим состоянием. Если процесс при таких условиях откроется, то можно ожидать много волнующего».

Поначалу ничего выходящего за рамки обычного. Единственно, что Мирский временами стонет, хватается за голову. При содействии переводчицы Ольги Харшкамп объясняет, что ему 26 или 27 лет, он русский подданный, временно жил в Тифлисе, по профессии — газетный корреспондент, занимался также переводами, по политическим взглядам социал-демократ. Размещенные на судейском столе взрывчатые вещества и капсулы видит впервые. Ничего такого в его чемодане быть не могло — он в армии никогда не служил, не любит!

Председательствующий повторно спрашивает, кто родители Мирского, в каком городе живут, там ли, где он родился? Ничего не отвечая, Мирский кладет голову на спинку скамьи. Не то засыпает, не то теряет сознание. Так же неожиданно вскакивает, громко мычит. Объявляется перерыв. Мирский успокаивается. На лице нечто похожее на виноватую улыбку.

Новые вопросы председательствующего: «Нет ли в России разных течений в рядах социал-демократов? Имеется ли там левое и правое крыло, крайнее, менее крайнее и другие течения?»

Ответ: «Черт пусть знает!»

Еще вопрос: «Знакома ли подсудимому разница между немецкими и русскими социал-демократами?»

Крик Мирского: «Больной! Совсем больной!»

В зале движение. Обеспокоенно переглядываются присяжные. У кого-то из них вырывается: «Шреклик! — Ужасно!» А Мирский снова впадает в протрацию. По оценке одного из судебных репортеров, «производит впечатление пришедшего в упадок человека». Адвокат требует немедленной медицинской экспертизы. Прокурор ограничивается коротким: «Согласен».

Доктор Гоффманн начинает осторожно, с общего рассуждения: «Составить окончательное суждение о психическом состоянии человека всегда очень трудно. Вдвойне трудно в отношении иностранца, который мало или вовсе не владеет немецкой речью...

Шестого февраля Мирский беседовал со своим защитником. Через несколько часов у него случился буйный припадок. Возможно, что эта

беседа нарушила психическое равновесие Мирского. Может быть, ему было сказано, как обстоит дело с его процессом, что он может быть осужден на десять лет каторги и тому подобное. Обвиняемого пришлось переместить в камеру для буйных. Там я ни на один вопрос не получил от него никакого ответа. Когда я его вновь посетил на следующий день, он сидел раздетый, в одной разодранной рубашке, с совершенно бессмысленным видом. При моем третьем посещении он лишь непрерывно кричал: «Наказание! Наказание! Наказание!»

До сих пор обследование ничего абсолютно не могло установить, а при сегодняшнем положении вещей склоняешься к мнению, что, по-видимому, имеешь дело с больным человеком. Правда, сегодняшняя картина не очень согласовывается с тем, что наблюдалось в тюрьме. Когда сторожа там предлагали Мирскому сказать «спокойной ночи», он это делал. Затем он отказался от пищи. У нас такое обыкновение: в случае если арестованный отказывается от еды, мы спокойно даем ему проголодать два-три дня; от этого никто голодной смертью не умирает. Только после этого обычно переходим к искусственному питанию. Когда перед Мирским поставили сосуд с молоком и он увидел, что собираются пустить в ход зонд для глотания, он быстро закричал: «Пью, пью!» И потом, а также в дальнейшем он пищу принимал. Тут налицо столько несогласованностей, что я сегодня не прихожу к окончательному заключению и только могу сказать: у меня большие сомнения насчет возможности участия Мирского в слушании дела. Возможно, он позднее поправится, сейчас надо ждать».

Возникает перепалка между прокурором и защитником. Председательствующий не очень скрывает свое недовольство. Мирский, напротив, совершенно безучастен. Голова опущена на грудь... На исходе четвертого часа решение суда: «Процесс отложить на неопределенный срок. Мирского подвергнуть длительной медицинской экспертизе с обязательным содержанием в тюрьме».

Послесловие пятнадцатого числа в газете «Форвертс»:

«Наша пресса и высокое государственное правительство еще один раз лишились прекрасного представления. Все уже было инсценировано. Арест террориста! Бомба в чемодане! Подлинная бомба в настоящем чемодане! Склад оружия на Панкштрассе в доме социал-демократа! Нет, не только оружия, а еще 19 тысяч листов бумаги. По ней сразу видно, что она предназначена для изготовления фальшивых банкнот. Предназначена? Конечно! Русские государственные власти говорят это, а они ведь понимают толк в фальшивках!..

Предварительное следствие. Государственный прокурор и

политическая полиция все время вмешиваются со своими инструкциями, но защитнику систематически возбраняется ознакомление с документами. Да и к чему. Обвиняемому нечего воображать, будто он является стороной в предварительном следствии. Он служит более высоким целям, определяемым политическими интересами правящих кругов.

Обвиняемому грозят десять лет каторжной тюрьмы, но ему дается только 3 дня для дачи ответа на обвинение. Между прочим, обвиняемый не понимает немецкого языка, и дружелюбный немецкий язык государственного прокурора ему становится доступным лишь после перевода. Требуется специальное ходатайство защитника, его обращение в высокие инстанции, чтобы добиться 14-дневного срока для ответа на обвинения. Примерно по полтора дня на каждый угрожающий ему год каторги.

Странно, почему такая спешка? Или опасаются, что великолепно возбужденное настроение обывателей поутихнет? А быть может, процесс против Мирского, русского подданного, обязательно должен состояться под председательством советника Массмана, из русских остзейских провинций родом, много раз уже испытанного в ведении политических процессов?

Странная спешка! Она проявилась и вчера на судебном разбирательстве. Непредвзятый человек не мог не вынести впечатления, что перед присяжными стоит больной, который либо вообще не мог следить за ходом дела, либо только урывками был в состоянии это сделать. Судебный врач еще до назначения дела к слушанию сомневался, в состоянии ли обвиняемый принять участие. И все же в течение четырех часов продолжалось заседание, и лишь потом уступили сомнениям врача и всех присутствовавших, заявив об отсрочке.

Ах! А как чудесно все было инсценировано!..»

Нетрудно заметить — на судебном разбирательстве, в обмене посланиями между высокими полицейскими чинами разных стран, в газетных сообщениях уже несколько недель: «Русский террорист», «Русский подданный... не знающий немецкого языка...» А помнится, на первом допросе субботним утром, двадцать седьмого октября прошлого года, Мирский настойчиво требовал безотлагательного вызова австрийского консула. Протокол допроса тогда подписал латинскими буквами «Димитриус Мирский», чтобы как в паспорте. Было и сообщение Гартинга директору Трусевичу: «Соображениям агентуры назвал только фамилию Мирского».

Было, было... Покуда из Тифлиса не прибыл секретный пакет от

консула фон Фельтхейма, «арестованный в Берлине индивидуум, фотокарточка которого препровождается обратно, не является австрийским подданным Димитриусом Мирским, а, по всей вероятности, это занимающийся революционными происками армянин, русский подданный».

На новом допросе тридцатого декабря: «Именуемый себя Мирским признал, что именем Мирского, страхового агента, уроженца округа Рохатино, австрийского подданного, он воспользовался, не имея на то права. Ему был необходим чужой паспорт, так как его знали в России как социал-демократа и отказали бы ему в выдаче русского заграничного паспорта. Но настоящего своего имени он не желает назвать, чтобы не причинять огорчения своей семье. Он состоит репортером одной грузинской газеты, название которой не должно фигурировать. Захватив с собой чемодан, он без всякой вины со своей стороны стал жертвой Петрова».

Так что уже в новом году Дмитрий Мирский — вполне признанный подданный царя Николая. Еще через небольшое время департамент полиции, с благопристойной ссылкой на центральную газету добропорядочных меньшевиков «Голос социал-демократа», приоткроет своим немецким коллегам профессиональную тайну — Мирский — это Камосомехи. А большего, извините, сами не знаем. Агентура рыщет по всей империи, по всей Европе. Старается по-всякому...

Немцам про то не написали, чтобы неприятного не ворошить.

Вскоре после ареста в Берлине Мирского, (теперь уже можно — Камо), начальник особого отдела департамента Васильев из источника совершенно секретного узнал, что Камо в действительности — надо же подумать! — сын пристава города Гори Давришева — Сосико (Иосиф).

От большой своей радости Васильев поспешил к директору Трусевичу. Тот сразу с личным докладом к министру внутренних дел. Ночью в Тифлис отбыл фельдъегерь. С фотографией Камо. С приказом жандармскому полковнику Бабушкину в строжайшей тайне опросить пристава Давришева, служащих полиции и благонадежных жителей Гори на предмет засвидетельствования тождественности Сосико с Камо. Быстрее, чем можно было ожидать, прибыл ответ: «Отец Давришева карточке Камо не признал сына, который, по заявлению, ныне находится Париже с женой, где оба слушают лекции Сорбонне точка Опрошенные жители также подтверждают ответ пристава Давришева».

Как утопающий хватается за соломинку, так департамент за Гартинга. Третьего декабря в одиннадцать часов восемнадцать минут ночи от

Гартинга четыре убийственных слова: «Давришев Камо разные лица...»

...Давно напрашивавшийся в тайные агенты арестант Арсений Карсидзе ни с того ни с сего сочиняет в кутаисской тюрьме «чистосердечные признания». Переправляет свои «признания», надо же, прямо генерал-губернатору.

«Ради Вашего Высокопревосходительства я ставлю свою жизнь полностью на риск. В теперешнем моем положении эта жизнь мне без пользы. Сообщаю, Вы прикажите проверить, и ручаюсь, что убедитесь вот в чем. Главарь шайки, совершившей разбойничье нападение 13 июня 1907 года в городе Тифлисе, на Эриванской площади, похитившей 250 тысяч казенных рублей, есть Камо Сомехи (имя — Камо, Сомехи — значит армянин). А святой церковью данное ему имя совсем не есть Камо. Его родной дед священник ТерПетросянц избрал ему христианское имя Симон. По-русски благозвучно Семен. Отец его есть Аршак ТерПетросянц. Из уважаемых горийских торговцев и воинских поставщиков, однако жертва злого божества Бахуса, от которого много страдаю лично я, дворянин Арсений Давидович Палавандашвили, в темном мире Карсидзе.

В Тифлисе на второй Гончарной улице в восьмом участке живет Варвара Бочоришвили, старуха... служит для посетителей гостеприимной хозяйкой. Туда же привез Камо Сомехи 250 тысяч рублей 13 июня. Там же собираются грабители и, кроме грабителей, революционеры. Под квартирой подвал, а в подвале хранится оружие... Во время обыска нужно обращать внимание на стену, если она завешена ковром. Под ковром стена бывает вырезана и опять замазана известным образом, а там хранятся револьверы и бомбы, оставленные Камо. Также нужно обращать внимание и на кушетки, их нужно переворачивать вверх дном, сорвать обойку и пощупать сено, в сене бывают револьверы и бомбы».

Управляющий канцелярией генерал-губернатора Покорный, не слишком торопясь, отправляет «признание» в Тифлис, таким же чиновникам наместника. Те адресуют жандармскому полковнику Бабушкину. Туда-сюда — месяца как не бывало. Трусевич весьма гневается. Для престижа департамента, конечно, заметный в Санкт-Петербургских сферах ущерб. Во всем другом ничего. Немцы до окончания медицинского обследования рассматривать требования о выдаче Камо не станут. Лицемерная склонность блюсти какую-то формальную законность. Сами ничего не имеют против того, чтобы быть обманутыми, но требуют хороших манер и исполнения условностей со стороны своих русских заказчиков.

В Берлине не бездействуют. Старший прокурор королевского суда I полагает, что время медицинским экспертам дать свое заключение,

«причем отдельно должны быть рассмотрены вменяемость Мирского, возможность для него участвовать в разборе дела на суде и возможность привести по отношению к нему в исполнение наказание, которое ему будет назначено. Заключение должно также дать ответ на вопрос, имеется ли налицо и в каком объеме симуляция или преувеличение болезненного состояния».

Высшие авторитеты доктора медицины Гоффманн и Леппман во всеоружии отвечают десятого мая:

«Выдающий себя за Дмитрия Мирского, несомненно, душевнобольной. Характерные черты его поведения не могут быть симулированы в течение продолжительного времени. Так держит себя лишь настоящий больной, находящийся в состоянии умопомрачения. Впечатления внешнего мира не проходят совершенно бесследно мимо него, но в его мозгу запечатлеваются лишь поверхностно и мимолетно; притом иллюзии и галлюцинации отклоняют его мысли в другую сторону. К этому присоединяется еще факт отказа от принятия пищи, который не мог бы проводиться здоровым человеком с такой настойчивостью.

Мы имеем в данном случае дело с видом душевного расстройства, которое правильнее всего отнести к истерическим формам. Это душевное расстройство встречается у лиц, находящихся в тюремном заключении по приговору суда, либо еще и под следствием, при том в большинстве случаев — у лиц, нервы которых не совсем здоровы и которые либо имеют наследственное предрасположение; либо уже страдали нервными болезнями или истерией; либо, наконец, уже раньше обнаруживали дефекты в своем духовном развитии, а именно так называемые явления дегенерации.

Душевная болезнь в точном смысле этого слова представляется уже продуктом тюремного заключения, выросшим на благоприятной для этого почве.

Ввиду изложенного мы приходим к следующему заключению:

Называющий себя Дмитрием Мирским представляет собой в настоящее время душевнобольного человека и останется таковым в будущем, насколько это можно предвидеть.

Неизлечимой его болезнь назвать нельзя. Болезнь его, однако, не допускает обратного вывода, что он уже в момент совершения наказуемого деяния был невменяемым в смысле § 51 имперского уголовного кодекса».

Любезность старшего прокурора — или отзывчивость другого власть имущего лица — без промедления вводит в курс Гартинга. «По полученным мною секретным сведениям, германская врачебная

следственная комиссия, производившая изучение состояния здоровья Мирского, признала его душевнобольным, вследствие чего он подлежит перемещению из тюрьмы в лечебницу для умалишенных, между тем я хорошо знаю, что он совершенно здоров и только симулирует сумасшествие с целью по переводе в лечебницу бежать из таковой.

...Опасаясь, чтобы Мирскому, заключенному в лечебницу, на чем усиленно настаивает его защитник адвокат Кон, не была предоставлена возможность бежать оттуда при помощи сочувствующих ему германских социал-демократов».

От Гартинга ускользает одна подробность, весьма существенная. Оскар Кон не просто защитник. Суд именно в эти дни утвердил его единственным опекуном душевнобольного Мирского. Сам больной переведен из тюрьмы в психиатрическую больницу в Герцберге.

По больничному обязательному правилу в день поступления на больного Мирского заводится «скорбный лист».

«4 июня 1908 года^[36]. Весь день распевает песни.

5-го. Больной говорит неустанно и непонятно, на вопросы не отвечает. Очень боязлив, пугается при малейшем прикосновении, убегает, когда его хотят исследовать.

Травматическая катаракта правого глаза.

6-го. Находится в павильоне № 8. Держит себя очень шумно, пел берлинские песни. Заявил, что он Наполеон, что он доктор, что он выпил 10 миллионов литров водки.

8-го. Заявил служителю Фогту, что его зовут Соломоном Петровским.

9-го. Требуется, чтобы привели девушку, целует изображения женщин в журналах.

10-го. Расцарапал себе лицо и размазывает кровь.

15-го. Отказывается от принятия пищи. Безостановочно производит левой рукой однообразные движения.

16-го. Жалуется на головные боли. Ударял себя кулаком, приговаривая: «Мертвым быть, не жить».

21-го. Разговаривал со старшим служителем. Говорил, что отец его из Кракова, мать — русская, умерла; он сам родом из Баку. Недавно ночью здесь был его отец, обнял его, позвал: «Дмитрий» — и стоял ночью около его постели. У ног кровати стоял казак и бил его нагайкой. Он хотел бы иметь около себя товарища, революционера, социал-демократа, чтобы разговаривать с ним.

23-го. Вырвал себе часть усов, желая послать волосы на память своим товарищам. Ночью держал себя шумно, ходил по палате, разговаривал с

самим собой. Жалуется на головные боли.

27-го. Рассказывал вчера служителю, что он приехал в Берлин, чтобы полечить глаз у доктора Гиршфельда. Чемодан с двойным дном — это полицейский вымысел; он вовсе не апархист, а социал-демократ; ему 26 лет.

При посещении врача, он сам заявляет, что вчера он разговаривал, но сегодня чувствует себя опять хуже и не может говорить. На обращенные к нему настойчивые вопросы он наконец начинает плакать и ругает полицию на немецком и русском языках. Он не знает, почему он арестован и почему находится здесь. Он вовсе не преступник, он ничего не сделал плохого. Он не знает, как долго находится в Берлине, он все забыл, он душевно болен. Его повсюду били. Здесь протестуют против всех его поступков, против того, чтобы он пел, чтобы он гулял, даже чтобы он пользовался клозетом. Повсюду здесь находятся инквизиторы, испанские инквизиторы. Начинает ругаться по-русски. Он хочет вернуться в Россию, хотя бы даже в Сибирь, там у него по крайней мере найдутся товарищи, здесь же никого нет.

Во время разговора он смотрит в окошко, осматривает стены, ощупывает лежащие на столе предметы.

На обращенный к нему вопрос по поводу его отца он повторяет, что видел его здесь ночью; отец спросил его, как он себя чувствует.

29-го. Переведен в Бух».

Бух — тоже психиатрическая больница. Единственное отличие от прежней лечебницы — в новом месте Мирского можно поместить в «укрепленный дом». По рассуждению полицей-президента Берлина и министра внутренних дел Пруссии, это будет более соответствовать видам петербургских коллег. На днях те, уже во всеоружии, поведали:

«В настоящее время личность Мирского благодаря обследованиям и изысканиям установлена, а именно, он является жителем кавказского города Гори, называется Семен Аршаков ТерПетросянц, а среди революционеров он носил кличку Камо-Сомехи. Он опаснейший преступник, террорист, главное лицо в похищении 250 тысяч рублей в Тифлисе. Неоднократно бежал из тюрем. В настоящее время намеревается использовать свое пребывание в больнице для нового побега. Учитывая вышеизложенное, покорнейше просим...»

«Немедленно перевести в Бух, под строжайшую охрану!» — прусский министр уже достаточно напуган.

В Бухе заново заполняется «скорбный лист».

«30-го июня 1908 года. Манерничает. В правой руке держит цветок, левую руку не вынимает из кармана. Говорит отрывисто.

Имя? — Мирский.

Сколько лет? — Много лет, мало лет, двадцать.

Откуда родом? — Не понимаю.

Болен ли? — Здесь не хорошо, — показывает на голову. — Тепло здесь.

Вероисповедание? — Да, я помню, православный. (По-видимому, он части вопроса не понимает.)

Он много поет на приеме.

Рассказывает о Моабите с не вполне понятной жестикуляцией.

На укол головы иголкой реагирует.

12-го июля. Отказывается от принятия пищи. Пусть полиция не посмеет пикнуть.

Помещен в лазарет, лежит в постели.

15-го. Выпил сегодня молоко, когда ему сказали, что оно содержит яд.

16-го. Находится в плаксивом состоянии. Насколько его можно понять, остальные больные его обижают, называют его «бомбометателем» и т. п. Не желает ни молока, ни шоколада, желает лишь маленькую комнату, здесь он не может оставаться.

25-го. Отказывается уже третий день от приема пищи. На вопрос: «Почему вы не едите?» — отвечает: «Умер».

4 августа. Расцарапал себе кожу у сустава руки при помощи маленькой говяжьей кости.

22-го. Говорит, что его зовут не Мирским, а Аршаковым. Не знает, как его зовут.

За последние дни он несколько более возбужден.

24-го. Пытался 23 августа перекусить себе артерию левой руки. Из раны сильное кровотечение.

Отказ от принятия пищи с 22-го. Отказался принять веронал. Переведен в лазарет павильона № 9».

С января 1908 по август 1911 года, сначала в Берлине, затем в Тифлисе, идет невозможное, по всем законам психиатрии, а также человеческой природы, сопротивление. На условиях чудовищно неравных. Загнанный в угол, по рукам и ногам связанный, часто в самом буквальном смысле, Камо выступает против общепризнанных медицинских знатоков, бесчисленно экспериментирующих не медицинскими — полицейскими методами. Запросто под ногти булавки, в спину иглы, гигиены ради стерильные. Камо не реагирует, ни один мускул не дрожит на лице, тогда прижигание бедер докрасна раскаленными металлическими стержнями — покуда по всему помещению не разнесется запах паленого мяса. Шрамы от выжженных ран — на всю жизнь.

Нисколько не переигрывает, не перебарщивает — абсолютно в норме. После каждого свидания Кон заново удивляется, говорит нетерпеливо ожидающему Мартыну Лядову:

«При посторонних он так держится, что я с ужасом думаю: «Бедный Камо действительно сошел с ума». Только когда мы остаемся вдвоем и убедившись, что за ним не следят, он сразу сбрасывает маску сумасшедшего, лицо его делается совершенно другим, даже и приблизительно непохожим на только что бывшее при свидетелях. У него воля и талант, каких я никогда не встречал».

Больному, должно быть, то лучше, то хуже. То крайнее буйство, то предельный упадок, навязчивая потребность покончить с собой. Однажды служители вынимают его из петли, посиневшим, без сознания. Еще попытка — вскрывает вену. Лужи крови на кровати, на полу. Новая перемена настроения — абсолютное безразличие ко всему. Смирение.

«29 сентября 1908 года. Держит себя в лазарете тихо. Рана заживает. Беспокойство постепенно исчезает.

25 октября. Держится в общем спокойно. Относительно душевного его состояния трудно установить что-либо с уверенностью, так как больной говорит лишь ломаным немецким языком, да, по-видимому, и не понимает его в достаточной степени. Несколько времени тому назад, когда ему снимали шов на левой руке, он пошатнулся и, шатаясь, возвратился в палату. Производил впечатление больного истерией.

15 декабря. Держится непринужденно. Изредка жалуется на боли в желудке и на головную боль. Читает русскую литературу.

27 января 1909 года. Без изменений. Врачу не заявляет никаких желаний.

21 февраля. Скромен и вежлив. Не установлено никаких галлюцинаций или иллюзий.

15 марта. Сон вновь хуже. Получает усыпительное. Вследствие головных болей помещен в лазарет».

Справедливости ради. Что бы там ни писали в «скорбных листах», лучше здоровье Камо или хуже, своих о нем постоянных забот не оставляют полицейские чины, судебные деятели, даже министр внутренних Дел Пруссии.

Десятого марта девятьсот девятого года министр: «Доктору юриспруденции Оскару Кону.

По поводу задержания душевнобольного Симона Аршакова в психиатрической лечебнице в Бухе покорнейше сообщая, что сделанные господином полицей-президентом по этому поводу распоряжения при данных обстоятельствах должны быть признаны оправданными. Вследствие этого я не считаю возможным вмешиваться в порядки служебного надзора».

Двадцать третьего того же месяца. Ответ директора больницы Рихтера на запрос прокуратуры:

«Аршаков обнаруживает в настоящее время длительно ясное сознание, держится уравновешенно, а также прилежно занимается. Впрочем, он по вечерам получает усыпительные порошки.

Если в подследственной тюрьме будут считаться с тем, что Аршаков находится в состоянии выздоровления, то врачи не могут ничего возразить против перевода его в тюрьму. Во всяком случае, в настоящее время он в состоянии принять участие в судебном разбирательстве».

Старший прокурор королевского суда I не медлит с выражением признательности советнику Рихтеру. Поздравляет его с успехом в лечении столь опасного пациента. Теперь очередь за полицией и судом продемонстрировать такое же высокое профессиональное мастерство. «По имеющимся сведениям, — предупреждает прокурор, — существует организация, ставящая себе целью насильственное освобождение арестованного Аршакова... Перевод из Буха в Альт Моабит и рассмотрение дела в суде должны иметь место с соблюдением чрезвычайной осторожности».

Еще одно не менее доверительное послание.

Полицей-президент фон Ягов, свидетельствуя свое глубочайшее почтение господину директору департамента полиции, просит «почтить

официальной информацией, затребованной Королевским Ландгерихтом I». Королевскому суду угодно знать: а) На чем основано утверждение, что Дмитрий Мирский идентичен с анархистом Симеоном Аршаковым, в) Какие результаты дало расследование относительно участия Мирского-Аршакова в ограблении Государственного банка в Тифлисе и с) Имеются ли, и какие именно, факты и доказательства в пользу того, что существуют или существовали тайные связи в целях насильственного освобождения Мирского-Аршакова..

Ответ обескураживающий. Высокий департамент «располагает конфиденциальными сведениями, которые не могут быть представлены суду, из коих видно, что Мирский фактически находился среди грабителей, совершивших указанное ограбление в Тифлисе. Из того же самого источника следует, что живущие за границей русские революционеры составили план освобождения Мирского из тюрьмы в Берлине».

Обо всем уже позаботился сам Камо. Так оно всего надежнее..

Экстренное сообщение главного медицинского эксперта советника Гоффманна прокурору: «Сегодня с Мирским-Аршаковым произошел припадок буйного помешательства: он разрушил помещенные в его камере предметы, хотел наброситься на надзирателя, так что его пришлось связать и поместить в камеру для буйных заключенных.

Безусловно, нельзя предположить, чтобы Мирский-Аршаков к 3 мая поправился настолько, чтобы принимать участие в судебном разбирательстве.

Я тоже считаю совершенно несомненным, что рассмотрение дела, насколько можно предвидеть, будет и впредь невозможно. Как только Мирский-Аршаков будет возвращен в тюрьму, это состояние, находящее себе благодарную почву в истерии, вернется вновь. Необходимо, чтобы душевное здоровье Мирского-Аршакова сперва значительно и прочно укрепилось, но этого можно ожидать лишь по истечении многих лет.

24 апреля 1909».

Назад в Бух. Крепко связанным.

«2 мая. Относительно того, что произошло в подследственной тюрьме, нельзя указать никаких деталей.

8 мая. Ночью галлюцинирует, видит полицию и т. д.

14 мая. Все снова жалуется, что полиция навещает его ночью и бьет его, он хочет застрелиться. Ругает полицию. Плохо спит.

16 мая. Насколько можно было проверить, с позавчерашнего дня ничего не ел.

17 мая. По приказанию директора переведен в павильон № 9.

Жалуются на беспокойство, постоянно причиняемое ему полицией».

Далее «собственные наблюдения» доктора Вернера:

«С некоторых пор возбуждение Аршакова уменьшается, так что днем он может вставать с постели... Он часто уверяет, что он не преступник, что он «врач, учитель для народа», что он приверженец социал-демократической партии, что он лучше, чем русская полиция, состоящая из «разбойников, убийц и мошенников».

...Когда я однажды возразил ему, что русская полиция называет его не социал-демократом, а анархистом, он пришел в такое состояние возбуждения, что не мог даже говорить, сделал лицо, на котором была написана скрытая злоба, а затем не желал вовсе разговаривать.

...Одному служителю он заявил, что, когда он явится в Россию, его, вероятно, повесят, русская полиция знает его; если его сошлют в Сибирь, то он этого не боится, Сибирь — его мечта.

4 июня 1909 года. Аршаков был настолько спокоен, что я мог вести с ним при участии переводчицы более продолжительную систематическую беседу. Протокол ее следует ниже.

1. Как вас зовут? — Семен Аршакович Тер-Петросианц. «Тер» — означает происхождение семьи, члены которой принадлежат к духовному званию. Мой прадед и мой дед были священниками.

2. Какого вы вероисповедания? — Я армянин, наша религия лишь немногим отличается от православной.

3. Когда и где вы родились? — В городе Гори на Кавказе, в мае или июне. Мне приблизительно 27 лет.

4. Живы ли еще ваши родители? — Когда я был в России, мои родители были еще в живых.

5. Были ли здоровы ваши родители? — Мой отец был купцом, поставщиком для войск, он сильно пьет, может выпить ведро вина; рано утром он пьет водку. Моя мать умерла 6–7 лет тому назад. Она умерла еще совершенно молодой, я присутствовал при ее смерти.

6. Были ли в вашей семье случаи душевной болезни, алкоголизма, нервных заболеваний и т. п.? — Когда я был ребенком, я был горячим патриотом. Одна тетка, сестра моей матери, была очень нервная.

7. Какие болезни перенесли вы в детском возрасте? — Когда я был маленьким, я очень охотно пил уксус и сильно кашлял. Я имел специального врача, так как отец мой был очень богат.

.....

11. Хорошо ли вы учились и легко ли давалось вам учение? — Чему хотел, тому и учился, по географии и истории я всегда учился прекрасно,

арифметику же я не любил.

.....

13. Что вы делали после того, как покинули школу? — Я хотел продолжать учиться дома. Иногда я читал по 14–15 часов в сутки, беря все, что меня интересовало, например, социалистические книги.

14. Имели ли вы привычку пить водку, пиво и т. д.? — Водки я не пил, пиво мне не нравилось, а любил я вино и коньяк^[37].

15. Служили ли вы на военной службе? — Я не желаю вовсе служить, так как не хочу служить ни разбойникам, ни убийцам, ни палачам.

.....

18. При каком случае и кто нанес вам те раны, рубцы от которых имеются на вашей голове? — Все это от полиции. Я был агитатором. Повреждения на голове нанесены мне отчасти ударами шашки, отчасти ударами приклада. Я упал без сознания, мои товарищи оттащили меня.

.....

21. С каких пор вы страдаете болями в желудке? — Шесть, семь лет тому назад произошла большая стачка. Я был агитатором. При этом было убито 15–16 человек, и я хотел умереть вместе с ними и потому принял сильный яд (азотную кислоту). С тех пор я страдаю болями в желудке и в нижней части живота. У меня в России много приятелей среди аптекарей.

22. Каким образом произошло повреждение вашего правого глаза? — Я этого не желаю рассказывать.

23. Почему вы были так возбуждены в подследственной тюрьме? Говорят, вы там буйствовали? — Я лишь один раз там был возбужден, потому что там желали, чтобы я пошел на прогулку, а я этого не хотел. У меня в голове были различные мысли. Меня арестовали совершенно беспричинно. Я никогда не желал совершить ничего дурного. Если меня теперь освободят и я смогу нанять себе комнату, то у полиции не будет никаких оснований для того, чтобы меня арестовать. Я приехал сюда лишь для того, чтобы посмотреть Берлин.

24. Как же обстоит дело с чемоданом с двойным дном? — Это все проделки полиции; тут очень много русской полиции, и она на все способна, чтобы заслужить орден.

25. Вы так же здесь были часто возбуждены и говорили, что полиция приходила сюда, чтобы вас фотографировать? — Одной ночью я спал очень крепко, как вдруг почувствовал, что кто-то хочет побрить мне бороду и придать ей остроконечную форму. Я открыл глаза и успел заметить, как полицейский убежал прочь. Я еще бросил ему вслед кружку.

26. Что вас заставляет думать, что это был полицейский? — Я знаю

этого полицейского в лицо.

27. Сколько составит восемью девять? — Представьте себе, вы этому не поверите, но я это забыл.

.....

37. Назовите мне русского государя, за которым числятся заслуги. — Такого быть не может.

38. Ходили ли вы прежде в церковь? — Нет.

39. Почему же нет? — У меня есть свой бог. Я не признаю полицейского бога. Я верую в истинного бога.

40. Кто основал вашу религию? — Я не принадлежу больше к религии, моей религией является социалистическое государство. Я верю в Карла Маркса, Энгельса и Лассалья.

.....

В конце он сказал, чтобы ему дали маленькую комнату, что он уже сам лишит себя жизни. Никого в этом не придется винить».

И недвусмысленный, категорический вывод из наблюдений, разговоров, «экспериментов», ничем не отличающихся от пыток:

«...Все многочисленные констатированные у Аршакова болезненные явления, с одной стороны, чрезвычайно типичны, с другой стороны, настолько сложны, что всегда верная симуляция их едва ли вообще возможна, в особенности для профана. Наконец, такие физические явления, как ускорение сердцебиения, дрожание век вообще не могут быть симулированы.

...Аршаков представляет собой человека, который под влиянием сильных возбуждений и продолжительного заключения под стражей легко теряет душевное равновесие и тогда переходит в состояние явного помешательства.

О преднамеренной симуляции или преувеличении болезненных явлений со стороны Аршакова не может быть и речи.

Аршаков в настоящее время не способен к участию в судебном разбирательстве и не будет к тому способен в будущем, насколько это можно предвидеть. Сомнительно, будет ли он вообще к тому способен по данному уголовному делу. Более вероятным представляется, что такое улучшение никогда не наступит.

Аршаков в настоящее время не способен к отбыванию наказания и не будет способен и в будущем...

Бух, 7 июня 1909 года.

Доктор Вернер,
главный старший врач

при Берлинской городской больнице
для умалишенных в Бухе».

Приходится тревожить еще одного министра. На этот раз юстиции. К нему обращается главный прокурор королевского суда I герр Шениан тринадцатого июля девятьсот девятого года. «Таким образом, уголовное дело против Тер-Петросянца закончено быть не может... При бесперспективности дальнейшего ведения дела я полагал бы ненужным возражать против высылки и покорнейше прошу полномочий сделать господину полицей-пре-зиденту соответствующее заявление».

Будут полномочия. Во времени самом недалеком...

...Здесь подходящее место разговору Горького с Камо. В двадцатом году. Запись Алексея Максимовича.

«...Больше всего хотелось мне понять, как этот человек, такой «простодушный», нашел в себе силу и умение убедить психиатров в своем будто бы безумии?»

Но ему, видимо, не нравились расспросы об этом. Он пожимал плечами, нехотя, неопределенно:

— Ну, как это сказать? Надо было! Спасал себя, считал полезным для революции.

И только когда я сказал, что он в своих воспоминаниях должен будет писать об этом тяжелом периоде своей жизни, что это надобно хорошо обдумать и, может быть, я оказался бы полезен ему в этом случае, — он задумался, даже закрыл глаза и, крепко сжав пальцы рук в один кулак, медленно заговорил:

— Что скажу? Они меня щупают, по ногам бьют, щекотят, ну все такое... Разве можно душу руками нащупать? Один заставил в зеркало смотреть; смотрю: в зеркале не моя рожа, худой кто-то, волосами оброс, глаза дикие, голова лохматая — некрасивый! Страшный даже. Зубы оскалил. Сам подумал: «Может, это я действительно сошел с ума?» Очень страшная минута! Догадался, плюнул в зеркало. Они оба переглянулись, как жулики, знаешь. Я думаю: это им понравилось, человек даже сам себя забыл!

Помолчав, он продолжал тише:

— Очень много думал: выдержу или действительно сойду с ума? Вот это было нехорошо. Сам себе не верил, понимаешь? Как над обрывом висел, а за что держусь — не вижу.

И, еще помолчав, он широко усмехнулся.

— Они, конечно, свое дело знают, науку свою. А кавказцев не знают. Может, для них всякий кавказец — сумасшедший? А тут еще большевик.

Это я тоже подумал тогда. Ну, как же? Давайте продолжать: кто кого скорей с ума сведет? Ничего не вышло: они остались при своем, я — тоже при своем. В Тифлисе меня уже не так пытали. Видно, думали, что немцы не могут ошибиться.

Из всего, что он рассказывал мне, это был самый длинный рассказ. И, кажется, самый неприятный для пего. Через несколько минут он неожиданно вернулся к этой теме, толкнул меня тихонько плечом, — мы сидели рядом, — и сказал вполголоса, но жестко:

— Есть такое русское слово — ярость. Знаешь? Я не понимал, что это значит — ярость? А вот тогда, перед докторами, я был в ярости, — так думаю теперь. Ярость — очень хорошее слово! Страшно нравится мне. Разъярился, ярость! Верно, что был такой русский бог — Ярило?!

И услышав — да, был такой бог — олицетворение творческих сил, — он засмеялся».

На всем пути от Берлина до Тифлиса нигде не оставлен без наблюдения, должной заботы русский подданный, попавший на чужбине в беду.

«Секретно
Начальник Калишского губернского
жандармского управления
Отделение 2
30 сентября 1909 г.
Город Калиш^[38]

Начальнику Тифлисского
губернского жандармского управления
Тер-Петросянец (он же Тер-Петросов и Мирский) сегодня под строгим конвоем отправлен в г. Варшаву в распоряжение начальника Варшавского губернского жандармского управления для дальнейшего препровождения.

Он 21-го сего сентября передан был германскими властями через Ленженский переходной пункт Калишской губернии.

Приложения: мое постановление от 23-го сего сентября о заключении Петросянца под стражу в Калишскую тюрьму; печатные произведения, переданные германскими властями вместе с Петросянцем, отобранные у него в г. Берлине, и в отдельном открытом пакете его фотографическая карточка в трех видах.

Полковник Крыжановский».

В Варшаве опекает другой полковник — Бельский. Отводит подходящее помещение в X павильоне крепости. В Полтаве — третий полковник, в Новочеркасске — четвертый, во Владикавказе на Тереке — пятый. Здесь долгожданного земляка принимает особая команда, присланная из Тифлиса по Военно-Грузинской дороге. С еще ни разу не бывшими в употреблении ручными и ножными кандалами.

Незадолго до полудня девятнадцатого октября кортеж въезжает в ворота Метехского замка. Засвидетельствовать благополучное прибытие являются следователь по особо важным делам коллежский советник Малиновский и отдельного корпуса жандармов ротмистр Пиралов. Сегодня как бы ознакомительное собеседование. По двадцати впрок заготовленным

вопросам. В этот же самый день в Берлине социал-демократическая «Форвертс» яростно обрушивается на полицей-президента, на министра внутренних дел. На лиц, постоянно проявлявших первостепенное участие в судьбе Мирского-Аршакова.

«Недавно «Берлинер тагеблатт» похвалила решение баварской палаты депутатов потребовать от правительства отказа от баварско-русского договора о выдаче преступников. Статья констатирует, что и наше прусское правительство, и наша берлинская полиция на протяжении десятков лет отдавали в руки палачей революционеров, и добавляет, что «в последнее время положение как будто улучшилось». Эта либеральная надежда была очень скоро разбита. Мы только что узнали: берлинский полицей-президиум доставил на русскую границу и передал заранее предупрежденной русской полиции «для дальнейших распоряжений» русского подданного Мирского, подлинное имя которого — Симеон Аршаков ТерПетросян. Таков новейший номер прусского угодничества.

Нет никакого сомнения в том, что берлинский полицей-президиум передал Симеона Аршакова-Мирского русским разбойникам в полицейских кителях не без согласия министра внутренних дел. Депутатам ландтага, близко стоящим к исполненному радостных надежд «Берлинер тагеблатт», таким образом, предоставляется возможность вместе с нашими товарищами в ландтаге привлечь к ответственности столь услужливого по отношению к русским полицейским министра».

Еще адвокат Кон учиняет переполох в берлинском магистрате. Замахивается на репутацию санитарного советника Рихтера, директора лечебницы Бух, где необычно долгий срок Мирский-Аршаков пользовался повышенным вниманием медицинского персонала. Малейшее колебание в его состоянии немедленно отмечалось. Теперь адвокат разрешает себе...

«...Я констатирую печальный факт, что психиатрическая больница в Бухе намеренно воздержалась от извещения опекуна. Через несколько дней после выписки больного я получил письмо следующего содержания: «Вы не были до сих пор извещены по указанию президента полиции». (Громкие возгласы возмущения со скамей социал-демократов.)

Я четыре или пять раз подробно беседовал с санитарным советником доктором Рихтером о положении и возможной судьбе больного, обращал его внимание на то, что этот человек заявляет, будто он стал жертвой одного агента-провокатора. Уже тогда я убедился, что директор Буха отличается отсутствием должной врачебной человечности. Этот господин с самого начала занял позицию, что больной является тяжелым преступником, должен содержаться в строжайших условиях, так как его

подозревают в желании бежать. Этот господин, повторяю я, чувствовал себя не врачом, а полицейским. При его содействии больной как «обременительный иностранец» передан русским властям, и те ничего не хотят и слышать о том, что Мирский-Аршаков в течение двух лет здесь был умалишенным.

Директор Буха обязан был предоставить мне последнюю возможность, которая недавно еще была. Он этого намеренно не сделал. Такое поведение я вынужден объявить абсолютно недопустимым и недостойным. Вот обвинение, которое должно быть вынесено. (Аплодисменты на скамьях социал-демократов.)»

А заботливо доставленный в родные Метехи ТерПетросян?.. Ни протестов, ни беспокойства, во всяком случае видимого. С готовностью участвует во многочасовых обстоятельных сидениях со следователем. В ноябре сам добивается внеочередной встречи «для ознакомления с подлинным делом». При малейшей возможности упоминает доктора Житомирского. Выставляет злым искусителем, источником всяких тягостных недоразумений. В протоколе «октября 19 дня:

Через несколько дней по приезде в Берлин я познакомился с проживавшим там доктором Яковом Житомирским. Он русский и социал-демократ; я имел рекомендацию к нему от социал-демократической партии. Кто именно дал мне эту рекомендацию, я сказать не желаю. По поручению этого Житомирского я через некоторое время по партийным делам ездил в Париж и оттуда в Вену, а из Вены возвратился в Берлин. Зачем ездил? Отвечаю: Житомирский поручил мне отвезти постановления международного социалистического съезда, переведенные на грузинский язык, в Париж, в Вену тамошним группам социал-демократической партии, состоящим из кавказских грузин, и просить у означенных групп денег в пользу кавказской организации социал-демократической партии. Поручение было исполнено мною в течение приблизительно трех недель или одного месяца...»

«Ноябрь 5 дня в гор. Тифлисе:

Когда я и Житомирский в Берлине пошли к доктору лечить мой глаз и я хотел сказать этому доктору, что поранение глаза у меня произошло от взрыва патрона, то Житомирский возразил мне, что так объяснить поранение глаза неудобно, а надо сказать, что вот я проходил по улице в городе Тифлисе, в это время везли деньги, в них бросали бомбы и меня случайно осколком ранило. Так Житомирский и сказал доктору, когда тот спросил о причинах повреждения глаза у меня; причем с моих слов сказал ему, что это было 10 мая 1907 года. Затем германские власти допрашивали

этого доктора, и тот им объяснил мое поранение глаза так, как ему сказал Житомирский. Меня же лично не спрашивали в Берлине власти о причинах поранения глаза».

Что касается собственных «злодеяний», то после того, как коллежский советник Малиновский напоминает об их прошлых встречах в батумской тюрьме, — тогда он в роли товарища прокурора присутствовал при допросах Камо, — подследственный с достаточной готовностью признает все то, что превосходно известно. Да, он социал-демократ, большевик, поставил своей целью свержение существующего в России государственного строя. Распространял нелегальную литературу в Тифлисе, Баку, Батуме, Грозном, вплоть до отъезда за границу в 1907 году. Совершил побег из батумской тюрьмы. И ничего другого. К экспроприации на Зриванской площади — никакого отношения. При всем приглушенное, пунктиром, напоминание о болезни, о провалах памяти. Палец сам упирается в голову: «Тут болит». Такая же жалоба тюремному врачу: «Больно, в голове горячо!» Несколько чаще после свидания с сестрой Джаваирой.

Свидания долго не разрешают. Первые дни просто-напросто ее обманывают: «О Тер-Петросове сведений не имеется». Потом, когда Джаваира предъявляет телеграммы от Оскара Кона, опекуна, подтверждают: «Петросов доставлен... Без свиданий... Наведывайтесь, барышня!»

Наконец милостивое согласие. При чрезвычайных мерах. В долгожданный день по обе стороны высоких, до потолка, решеток, перегораживающих поперек комнату свиданий, внезапно появляются всполошенные надзиратели. Хватают, уводят заключенных, нетерпеливо выпроваживают посетителей. Возмущенные крики: «Время не истекло... Не смеее!.. Будем жаловаться прокурору...»

Вместе с другими негодует жена Сурена Спандаряна Ольга Вячеславовна.

«Все мои резоны повисают в воздухе. Помощник начальника тюрьмы твердит с перекошенным лицом:

— Никак невозможно продолжать свидание, пришла сестра Петросянца.

— Ну так что ж?

— Мы должны привести сюда его самого!

— Ведите! В чем же дело?

— Нельзя. Приказано, чтобы один на один с сестрой.

— Ну так устройте им свидание где-нибудь в другом месте, хотя бы в

своём кабинете.

— Это совсем невозможно! Нужно специально приспособленное помещение... Не отнимайте у меня времени...

— Вы не имеете права, сегодня официальный день свиданий... Тут две решетки, между ними ходит вооруженный надзиратель, по обе стороны тоже надзиратели. Петросян наверняка в кандалах. Что он может сделать? Чем он может вам угрожать? В чем тут опасность для вас?!

— Прошу оставить разговоры. Быстрее освободите помещение!.. Вы не знаете Петросянца... Это такой человек!..

С порога я бросила быстрый взгляд назад. Камо я не увидела — одних только надзирателей и солдат. Нарастал, приближался звон кандалов...»

Строгости Джаваире не препятствие. Разговоры, она хорошо знает, дозволены только о здоровье близких, о домашних заботах. Здоровье как раз плохое. У нее не прекращаются сильные головные боли, затылок наливается свинцом. Опекун дядя Кон... Внезапный приступ сильного кашля мешает закончить. Приходится повторить: «Дядя Кон... стантин велит: берегись, как бы от постоянных болей мозги не помутились». Помощник начальника Метех внимательно прислушивается. На всякий случай покрикивает: «Запрещено! Прекратить!»

Можно и прекратить. Ничего больше не требуется. Камо сам домыслит, вернувшись в одиночку. Поймет: «Несуществующий дядя Кон... (долгий кашель Джаваиры) Кон... стантин, опекун — это берлинский друг Оскар Кон. За ним Ленин, Красин... Помнят. Не оставляют... Головные боли, от них как бы мозги не помутились — совет и дальше изображать ненормального. Наверное, немецкие врачи хорошо написали экспертизу... Повторить сначала? Приказать себе найти силы? Поможет? Кон сам говорил, царское правительство бешено мстит за пережитое потрясение, казнит больных, инвалидов, беременных женщин. Почему надеются, что посчитается с умственным расстройством Симона Тер-Петросяна? Может, сам Николай скажет: «Вай ме! Сильно жалко Камо. Такой человек, где найдешь?!»

Хорошо надо думать. Сильно постараться узнать, что следователь может предъявить суду. Какие доказательства участия в эксе? Только доносы провокатора? («Выйду, убью!..») Самое первое надо тянуть время...

Прокурор потом напишет в Санкт-Петербург: «ТерПетросянц, живо интересуясь производимым о нем делом, обращал на себя внимание выдержанностью, осторожностью и особой предусмотрительностью, с которыми он давал ответы на уличающие его вопросы».

Ни малейшего противоречия. Наоборот, в полном согласии с заключением берлинских врачебных экспертов: «Теряет равновесие, переходит в состояние явного помешательства под влиянием сильных душевных возбуждений и продолжительного заключения под стражей». Вне этих печальных обстоятельств рассудителен, вежлив, прилежен. Все добрые человеческие задатки. А удлинится срок пребывания в Метехах — пойдут отсидки в ледяном карцере, надвинется весьма-весьма нежелательная медицинская операция, — и все решительно переменится. Опять помешательство. Сильнее прежнего.

Великолепно продумано. Когда быть совсем здоровым, когда слегка больным, когда провалы памяти, когда полная невменяемость. Возможно, допущен один небольшой просчет.

То ли по собственному наитию, то ли по подсказке берлинских бумаг, присланных фон Ягомом, следователь Малиновский упорно добивается узнать происхождение шести плотных бугров на кисти и пальцах левой руки Камо. Давняя, постоянная версия: «Разрезывал ножницами небольшой патрон, он разорвался в руке, мелкие осколки прощупываются». Тот самый патрон, повредивший и глаз! В его существование немецкие и русские следователи почему-то одинаково не верят. Подозревают — осколки от взрыва бомбы.

«Патрончик или бомба?» — снова энергично обсуждается пятого ноября у следователя. При участии ординатора Тифлисского военного госпиталя доктора Внукова. Камо узнает в нем хорошего знакомого своего отца, громко приветствует. Следователь не препятствует, заносит в протокол: «При виде Василия Васильевича Внукова ТерПетросянц сильно оживляется, напоминает доктору Внукову некоторые мелочи из своего отрочества, как, например, то, что он, ТерПетросянц, носил от отца доктору Внукову хорошие фрукты, когда он служил в Гори, и указывает, что для удостоверения того, какие осколки внедрились в его руку, лучше всего изъять из руки эти осколки и осмотреть их».

Явный призыв: «Василий Васильевич, милый человек, будьте на высоте! От вас одного сейчас зависит, скажите: извлекать осколки лишнее, без того совершенно ясно, что никакой бомбы быть не могло. Небольшой патрон, поэтому мелкие осколки. Пустяки!»

Вместо этого сухое, безразличное: «До извлечения осколков определенного суждения не имею».

Следователь тут же выносит постановление произвести операцию в военном госпитале. Судьба чуть приметно улыбается. Госпиталь отказывается принять «подследственного Тер-Петросянца за отсутствием

достаточных условий для устранения возможного побега».

В конце концов соглашается своя тюремная больница. Результат операции достаточно выразительный.

«ПРОТОКОЛ

1909 года, декабря 24 дня, г. Тифлис. Судебный следователь по особо важным делам Тифлисского окружного суда Малиновский при нижеподписавшихся понятых производил осмотр осколков, препровожденных при отзыве врачебного отделения Тифлисского губернского правления за № 7213, при чем оказалось:

Осмотренные кусочки есть осколки красной меди. Характер поранения и присутствие такой массы мелких осколков, как до 40, проникших с силой глубоко внутрь руки, должно объяснить исключительно взрывом близ руки какой-либо оболочки из красной меди и с сильно дробящим составом, каковым был капсюль гремучей ртути, при взрыве только которого и получают предьявленные эффекты. Воспламенение какого-либо патрона ни в коем случае, благодаря меньшей силе пороха против гремучей ртути, не может дать столь много мелких осколков, как обнаружено в кисти Тер-Петросянца».

Впервые в руках следователя весомая улика, из тех, что можно предьявить суду. Не «конфиденциальные сведения агентуры», Житомирского стало быть, не «чистосердечные показания» провокатора из тюремных завсегдаев Карсидзе, а нечто действительно неоспоримое. К тому же, в подтверждение правила беда никогда не ходит одна, обнаруживается, что в начале лета девятьсот седьмого года Камо лежал в частной лечебнице врача Соболевского, залечивал рану на руке. По времени полное совпадение. Перед экспроприацией, когда готовились бомбы...

Торжествующий следователь размашисто большими красными буквами:

«1) Донести прокурору судебной палаты об окончании дела и о направлении его генерал-губернатору;

2) Дело согласно требованию генерал-губернатора препроводить к последнему 4 января».

Генерал-губернатор распорядится — не задержит. Судить по законам военного времени — Кавказ который год на военном положении. «Военно-окружному суду иметь суждение Семена Аршаковича Тер-Петросова по обвинению его в преступлениях, предусмотренных статьей 102 уголовного уложения, статьями 13, 1627, 1630, 1632 и 1634 уложения о наказаниях и статьей 279 книги XX 11-го свода военных постановлений».

Для какой надобности такое множество статей — не очень понятно.
По любой, на выбор, смертный приговор гарантирован.

Обстоятельство почти загадочное. От начала января до середины апреля девятьсот десятого года в Тифлисе к Камо ни малейшего интереса. Ни у военных судей, ни у властей предрержащих. Ни одного запроса о его самочувствии, никаких новых предначертаний о его содержании в Метехском замке. Обрывается также переписка между генерал-майором Афанасовичем и берлинским адвокатом Коном.

Обрывается переписка... не те, наверное, слова. В общепринятом понятии, какая же это переписка, когда все в одну сторону? Из Берлина телеграммы, письма, обращения через прессу — немецкую, английскую, французскую. Из Тифлиса одно неприступное генерал-прокурорское (Афанасович — прокурор Кавказского военного округа) молчание.

Оскар Кон: «7 февраля я получил задержанную на некоторое время в Тифлисе, телеграмму сестры Терпетросова. Она спрашивала, на каких условиях ее брат был выдан русскому правительству, не предусмотрено ли заранее, что он будет осужден военным судом? Мой ответ гласил, что об «условиях выдачи» вообще не может быть речи. Терпетросов возвращен России, чьим подданным он является, как душевнобольной, лишенный средств к существованию. Я намеренно держался в рамках официальной немецкой мотивировки.

Одновременно я самым срочным образом обратился к прокурору кавказских войск, напомнил, что после того, как берлинский суд назначил меня опекуном Терпетросова, на мне по закону лежит обязанность заботиться о подопечном и ставить суд в известность о его местонахождении. По этим причинам я не могу не потребовать выслушать показания экспертов, советников медицины доктора Гоффманна, и доктора Леппмана и директора городской психиатрической больницы Бух под Берлином.

Никакого ответа я не получил. Подумал, возможно, по русским правилам надлежит указать фамилию прокурора. Прокурор зовется, как я узнал, генерал Афанасович. Я написал ему заново и повторил еще несколько раз. Ответа снова не последовало. Но письма вручены адресату, как об этом свидетельствуют расписки в получении. С начала марта в руках генерала находятся и засвидетельствованные копии экспертизы, снятые по разрешению прокурора Королевского суда. Немецкий прокурор не был обязан это сделать, но, по его словам, он не хочет содействовать тому,

чтобы человек, ввиду своего психического заболевания не понесший кару в Германии, был казнен по приговору военных судов в России. Это высказывание прокурора также было доведено до сведения тифлисского генерала.

Невозможно было представить себе, чтобы кавказский военный суд согласился вести дело. Однако же от сестры Терпетросова прибыла ужасная телеграмма: «Брата не считают душевнобольным. Он сидит в тюрьме в кандалах, ожидая смертной казни».

Часть депеш на имя Кона цензор конфисковывает. Ненужные действительно подробности: «Положение Тер-Петросова ухудшается, он посажен в холодный карцер»...

А дальше тот же цензор почти беспрепятственно, всего с несколькими вымарками, позволяет настырной девице Тер-Петросовой телеграфировать: «Суд состоится 26 апреля русского стиля, больному арестанту грозит смерть».

Сразу шум на всю Европу. В Берлине, Лондоне, Париже, Вене «зlobствуют» газеты: «Русская виселица и прусская полиция...», «Русские гнусности с немецкой помощью...», «Душевнобольной перед русским военным судом...», «20, 25, 30 смертных приговоров каждую неделю. Десятки тысяч сосланы в полярные пустыни Северной Сибири...» Запрос в прусском ландтаге социал-демократа Пауля Гирша, ответное выступление министра внутренних дел Фридриха фон Мольтке, большая речь Карла Либкнехта... Открытое письмо депутата доктора Кона русскому послу в Берлине:

«Я обратился к господину президенту Государственной думы Гучкову и ко многим депутатам Государственной думы, а также намереваюсь подать жалобу на генерала Афанасовича высшим военно-судебным властям в Санкт-Петербурге. Но так как до слушания дела в военном суде Тифлиса осталось слишком мало времени, чтобы ожидать благоприятных результатов, то я вынужден адресоваться к Вашему превосходительству и просить Вас тотчас же повлиять в том направлении, чтобы воспрепятствовать судебной процедуре, а тем более выполнению наказания по отношению к душевнобольному...

Вам представляется счастливая возможность доказать, что Вы являетесь также представителем культуры и человечности».

Еще из Парижа. Его высокопревосходительству Столыпину:

«Лига защиты прав человека и гражданина считала бы оскорбительным для Председателя Совета министров России даже предположение о том, что он способен употребить во зло неслыханный акт

прусской полиции по отношению к Тер-Петросову».

В первые минуты Петр Аркадьевич во гневе крупно начертал: «Что за чепуха?» Но по рассуждению более спокойном требует у министра иностранных дел Сазонова обзор сообщений русских посольств и заграничной прессы. Затем в тонах предельно дружеских сочиняет наставление наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

«Милостивый государь граф Илларион Иванович!

Министерство иностранных дел сообщило мне^[39], что за последние дни демократическая печать Европы с особенной страстностью обсуждает судьбу Аршакова (он же Мирский и ТерПетросянц), привлеченного к ответственности в г. Тифлисе по делу о разбойном нападении на казенный денежный транспорт в 1907 году.

...Нападки прессы не преминут усилиться в случае, если Аршаков-Мирский будет приговорен к смертной казни, и это может оказать неблагоприятное для русских интересов влияние в вопросе о выдаче анархистов.

Пользуюсь случаем выразить Вашему сиятельству уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

П. Столыпин».

Граф Илларион Иванович достаточно искушен в чтении государственных бумаг. С полуслова понимает, что требуется ответить и в тон, и достаточно уклончиво, чтобы рук себе не связывать.

«...В настоящее время Тер-Петросов содержится под усиленной стражей в тифлисском Метехском замке, где числится за прокурором суда военного округа. Что же касается опасений министерства иностранных дел, что неминуемые в случае присуждения Тер-Петросова к смертной казни нападки прессы могут оказать неблагоприятное для русских интересов влияние, то соображение это мною будет принято во внимание при представлении приговора военного суда о Тер-Петросове на мою конфирмацию».

Уж куда милосерднее! А Камо почему-то не ждет приговора. Опять берется за старое, да еще как решительно. Даже самые близкие ему люди, увидав его утром двадцать шестого апреля в зале военного суда, в ужасе. Ничего более страшного представить нельзя. Живые мощи в рваной одежде тюремной больницы. Не узнает ни сестер, ни тетку, ни на кого не обращает внимания. Время от времени вынимает из-за пазухи прирученного им в Метехах воробья, кормит его кусочками хлеба, что-то нашептывает, быстро шевеля губами. Привязанность к воробью Ваське, желторотым несмышленьшем занесенному порывом ветра в тюремную одиночку, —

это на всю жизнь. О Ваське рассказывает Камо бойцам своего отряда в критический час, когда осенью девятнадцатого озверевший Каспий добивал их рыбницу.

— Понимаешь, подрост Васька. Жалко стало — выпустил на волю. Долго не было, опять прилетел. Спрашиваю — что хочешь? Кушать хочешь, пить хочешь? А он меня клюет в голову, в лицо. Накормлю, напою. В камере холодно, сам лезет под куртку. Помогал мне жить. Понимаешь?

Так что при желании и некоторой доле воображения можно представить, что Камо, на короткие минуты отрываясь от воробья и с широкой улыбкой протягивая мякиши и хлебные крошки генералу и обер-офицерам, вовсе не хотел уронить достоинство высокого суда. Наоборот, выражал симпатию, признательность за внимание к нему и Ваське. А суд в полном составе порывисто отшатывался, крупно раздражался.

Со стороны, конечно, впечатление достаточно необычное. Особо важный следователь Малиновский потрясен переменой, в полной растерянности: «По наружному виду ТерПетросянц сумасшедший: глаза его блуждали, на вопросы он или не отвечал, или давал несоответствующие ответы, хохотал...»

Бог с ним, со следователем, его к делу Камо больше не подпустят, отыщут другого мастера, чином покрупнее. Но эксперты! Четыре эксперта из военных и гражданских врачей, притом разных национальностей: Чудновский, Орбели, Монсе и Гедеванов. Одно и то же огорчительное: «Несомненно психически больной».

Раздосадованный генерал вопросительно поглядывает на своих подполковников. По воинской давней традиции первое слово младшим по чину, возможно, чтобы старшие сопоставили мнения, успели поразмыслить. Подполковники князь Вачнадзе и Пентко впервые — это подчеркнуто в совершенно секретном представлении прокурора — приведены к присяге, никогда раньше в судебных заседаниях не участвовали. Понятие о чести у них еще не потускнело, не обтрепалось. Высказываются твердо: «Раз эксперты находят...» Генералу и самому не хочется слишком подличать. Определение суда, в сущности, старое, берлинское: «Дело слушанием приостановить. Подвергнуть ТерПетросянца освидетельствованию и длительному наблюдению в специальной больнице».

Сложная система субординации лишает начальника губернского жандармского управления, даже самого военного прокурора, возможности достаточно прямо высказаться о судейских формалистах и чистоплюях. «Освидетельствование... Длительное наблюдение... Тьфу!» Хорошо, что

хоть в Петербурге выходит газета «Русское знамя». Всю истинную правду режет в глаза. Пройдет немного времени — напишет:

«БОЛЕЕ ЧЕМ СТРАННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО!

Настоящая оперетка в тифлисском суде... Петросянц ободрен необычным вниманием к своей особе... Кто покровительствует?.. Конеч нити, который даст возможность раскрыть удивительные вещи...»

Здесьним тифлисским правдолюбцам такого нельзя. Только по начальству совершенно секретно.

Жандармский полковник Пастрюлин — департаменту полиции: «По имеющимся у меня точным негласным сведениям, Семен ТерПетросянц симулирует свою ненормальность, добиваясь этим путем возможности быть помещенным в больницу в надежде на осуществление побега».

Прокурор округа — коллегам вышестоящим: «...В Тифлисе нет таких психиатрических заведений, в коих побег Петросянца, являющегося выдающимся революционным деятелем и пользующегося большой популярностью в среде как российских революционных организаций, так и международных, мог бы, по меньшей мере, быть предупрежден.

О строжайшем же и неослабном надзоре за Тер-Петросянцем в месте его нынешнего содержания мною предложено начальнику метехской тюрьмы 28 апреля за № 7973».

На сей счет философский пассаж метехского начальника: «Держать там же, где сидит, и под двумя замками и уведомить, что у меня Петросянц был совершенно здоров — это он в суде сделался психически больным».

Размышления... Размышления... Теперь до сентября. Тифлисское летнее пекло — в сносный день под сорок градусов жары и на небе матовая дымка — тоже не способствует умственным занятиям.

Рукою Камо на листках в клеточку, сбереженных его теткой Елизаветой Андреевной Бахчиевой:

«Прокурор приказал: «Начинайте!» В спину под лопаткой воткнули большую иглу и пустили электрический ток. Боль была невыносимая, вся спина горела, тошнило от крепкого запаха паленого мяса. Прокурор не верпл врачам, сам делал опыты, а я смотрел ему в глаза бессмысленным тупым взглядом и хохотал идиотским смехом. Прокурор сплюнул, обругал и ушел».

Чтобы никаких сомнений насчет скрупулезности:

«ПРОТОКОЛ

1910 года, сентября 20 дня, я, исполняющий должность судебного следователя по наиболее важным делам Русанов Б. Л., в присутствии нижеподписавшихся понятых, через старшего ординатора психиатрического отделения тифлисской больницы Орбели Д. И. произвел освидетельствование обвиняемого Семена Тер-Петросова, причем оказалось:

болевая чувствительность совершенно отсутствует, при прокалывании булавкой кожи совершенно не чувствует боли, а также при неоднократном прикладывании к телу на спине под левой лопаткой зажженной папиросы; в руках наблюдается дрожь, дрожь наблюдается и в языке... Выражение лица безразличное, никаких желаний свидетельствуемый не высказывает, индифферентное отношение к своему положению и к окружающей среде; ослабление памяти, не ориентирован во времени и месте; не дает ясного отчета, по какому поводу вызван из камеры, держит в пазухе воробья, которого по временам кормит мякотью хлеба, между прочим, заявляет, что у воробья служитель оторвал ножку и он вызван к следователю, чтобы рассказать об этом. Не помнит года, месяца и числа; по временам без видимой причины бормочет, напевает и смеется. На вопросы большей частью дает ответы бессвязные. На заданные вопросы дал следующие ответы.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

1. Где вы родились? — Не знаю, разъезжаю за границей, теперь хочу кандалы убить, построить памятник, наложить все кандалы и сверху — кирпичом; где я ни был, нигде кандалов не видел. (При этом играет с воробьем и добродушно смеется.)

2. За что вы сидите в тюрьме? — За мое величие, что я разъезжаю много, везде я ездил, пусть им останутся их партии.

3. Кто около вас стоит? — Солдат, он меня охраняет, чтобы ничего у меня не украли из кармана.

4. Хотите ли выйти из тюрьмы? — На автомобиле хочу поехать за границу. У меня теперь хорошая комната в тюрьме, покрашенная. Меня скоро выпустят. Это сказал Усов, один арестант, он брат старого черта. Я ему дал десять патронов, он свистнул и улетел. Ястреб хотел унести птичку.

5. Давно ли вы сидите в тюрьме? — Всего несколько месяцев.

6. Отец есть у вас? — Я не знаю, долго не видел его, его звали Аршаком.

7. Сестры у вас есть? — Три или четыре, одна даже сейчас здесь была, папиросы принесла, я ее забываю спрашивать, где четвертая сестра, я трех видал.

8. Звали ли вас Камо? — Звали, давно, а за границей звали господин Петросянц, и в тюрьме помощник начальника называет — господин Петросянц. У меня служитель хороший человек. Я его хочу кучером к себе взять, у меня много лошадей в горах.

9. Сколько пятью пять? — Двадцать пять. Я знаю. Еще бы я не знал! У меня пятьдесят миллионов есть, где я жил за границей.

10. Учились ли где-нибудь? — В Петербурге бывал в актовом зале.

11. На каком факультете? — Я любил историю.

12. Кто вам ее читал? — Он был рыжий.

.....

15. Сколько будет тридцать семь отнять сорок восемь? — Семьдесят, тридцать и сорок, а тридцать семь отнять сорок восемь равно семидесяти восьми. Мне сказали, что всего в России миллион кандалов, я хотел считать, но бумаги не дали, и нельзя было считать.

16. Вчера что вы за обедом ели? — Я чай пил, мясо не ел, потому что, говорят, от мертвых вырезают и на кухню посылают.

«Г. Петросов. Г. Семен Петрусев. Ателерисский Григада».

(Вышеприведенные слова написаны Тер-Петросовым под диктовку.)

17. Вы женаты? — Я не женат, сколько времени пост держу, к женщинам за границей не ходил, не хочу, только курю и вино пью. Только мало дают, стакан, а я хочу четыре бутылки в день, я говорю тому, кто приносит, чтобы сразу принес, а он мне не несет.

Понятые: Степан Егоров, Николай Мельхиорович Пончик.

Доктор Давид Иосифович Орбели.

Исполняющий должность судебного следователя Русанов.
Присутствовал товарищ прокурора (подпись).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании вышеизложенного и данных объективного исследования я заключаю, что Семен ТерПетросянц в настоящее время страдает истерическим психозом с переходом в слабоумие.

Старший ординатор тифлисской Михайловской больницы.
Д. Орбели».

Все опять на усмотрение генерала Афанасовича. Куда ни кинь, всюду сплошная опасность: хитрости Петросянца, подвохи Кона, поношение европейских газет, кляузы соглядатаев из жандармского управления, ухмылки наместника. Разве что прибегнуть к стратегии неоднократно проверенной — повременить. Сколько удастся.

Удается до конца ноября. До созыва «Смешанного присутствия 2-го уголовного отделения Окружного суда». Долгая, трудная процедура. Чтение «скорбных листов» за полгода, затребованных из тюремной больницы; опрос девяти врачей — военных, тюремных, гражданских, показания свидетелей также весьма несхожих — доставленного из Гори Аршака Тер-Петросяна, тетки подследственного Бахчиевой, сестры Джаваиры, следователя Малиновского, прокурора Федорова, жандармского ротмистра Пиралова, надзирателей и служителей Метехского замка, артиллерийских специалистов и пиротехников — это насчет бомб и осколков в руке... В заключение новые «эксперименты» — истязания, пытки Камо зажженными папиросами, электрическим током, раскаленными стержнями, иглами, загнанными под лопатки.

Решение как бы ничейное. Смешанное присутствие «не находит возможным высказать какое-либо категорическое суждение, а посему арестанта Семена Аршакова Тер-Петросова подвергнуть наблюдению в психиатрическом отделении Михайловской больницы, сроком заранее не ограниченным».

Немного — один месяц проволочек. Двадцать первого декабря на рассвете конвой в Метехах принимает Камо. Вместе с неразлучным воробьем Васькой. Предусмотрительно меняют кандалы. Шагать неблизко. Не миновать Армянского базара, сомнительных переулков, пустырей...

В изоляторе для буйнопомешанных готова особая клетушка. С двойным запором, с частой решеткой на окне, со специально приставленным для наблюдения служителем. Снаружи у двери наряд городских по ежедневному назначению пристава девятого участка.

Подробнейшим образом разработан порядок содержания номера

тридцать восьмого — Семена Тер-Петросова. Совместными рассуждениями прокурора военного округа, прокурора судебной палаты, начальника губернского жандармского управления, полицеймейстера города Тифлиса. Посему нескромным дилетантством признается вмешательство главного врача Михайловской больницы Гурко. Не вникая, торопливо — всего лишь на третий день после водворения Петросова — доктор обращается к прокурорскому надзору, к тюремному ведомству:

«В отделение умалишенных вверенной мне больницы доставлен арестант Тер-Петросов, закованный в кандалы. Ввиду того, что это производит удручающее впечатление на больных и смущает врачей, прошу сообщить, должен ли назначенный Тер-Петросов все время испытания находиться в кандалах, и если да, то на каком основании, а ежели могут быть сняты, то прошу прислать кого следует для снятия оных».

Доктору Гурко на его опрометчивую бумагу ничего не отвечают. Даже не ставят в упрек, что действует он грубо не по правилам — через голову непосредственного начальника своего — управляющего медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе. Увы, послабление понимается превратно.

Четырнадцатого января новая дерзость. Официальный протест прокурору окружного суда. Кандалы-де препятствуют производству надлежащего освидетельствования... Звяканье кандалов раздражает других больных, приводит их в возбуждение. И вовсе неуместное обращение к помощнику наместника по гражданской части. Неблагодарный ответ через тифлисского полицеймейстера: «Прежнее распоряжение прокурора военного суда полностью остается в силе. Содержать в кандалах, под строжайшим надзором».

Врачи ноль внимания на резоны хранителей державных устоев. Глухи и немы к призывам: «Не цепляйтесь за профессиональные мелкие формальности. Раскаленные стержни, воздействие электрическим током небось применяете... Не суть важно, в каком состоянии Тер-Петросов сейчас. Опаснейший революционер, он совершал свои многочисленные преступления на редкость умно, продуманно, с поразительной находчивостью — за это и спрос. Престиж государственного строя требует, чтобы раз навсегда с Петросовым было покончено».

5 февраля, 12 марта, 22 апреля — напоминания, призывы, увещевания: «Когда же, наконец?!» После всей тянучки гора рождает крохотного, хиленького мышонка. Особое присутствие тифлисского окружного суда весь день двенадцатого мая так и эдак рассматривает присланные из больницы «скорбные листы», заключения психиатров. Ничего решительно

не вытянуть. Может быть, инстанция более высокая? Тем более что генерал Афанасович добивается личного доклада командующему войсками Кавказского округа. По военной иерархии лицу наивысшему.

Нельзя не добиваться. В берлинском «Форвертс», в парижской «Юманите» снова отвратительные поношения. Бог знает откуда кем добытые^[40] «протоколы» о терзаниях и пытках, будто бы учиненных над Петросовым в Михайловской больнице. Новые интервью с Коном...

Не считаясь с июльским адским зноем, двенадцатого числа на распорядительное заседание кавказского военноокружного суда прибывают генералы Семашко, Долгинский, Грановский. С превеликим вниманием выслушивают соображения лица наиболее осведомленного — неутомимого прокурора Афанасовича. В конечном счете все генералы постановляют: «Ни по какому случаю ТерПетросянц из-под стражи освобожден быть не может; что касается наложенных на него кандалов, то вопрос о снятии их зависит от тифлисской администрации; если же содержание ТерПетросянца в Михайловской тифлисской больнице представляется неудобным, то не имеется препятствий к переводу его в больницу Метехского тюремного замка или тифлисский военный госпиталь. В этих заведениях вполне возможно сохранение прежнего состояния, то есть кандалов».

Начальник военного тифлиского госпиталя в скором времени сообщает управляющему медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе, что препятствий к приему душевнобольного Тер-Петросянца не имеется...

Тогда же, с разницей в один или два дня, в дом № 15 на Экзаршской площади, Джаваире ТерПетросян неизвестный человек приносит крохотный лоскуток. На нем микроскопическими грузинскими буквами:

«Не думаете ли вы, что я действительно сумасшедший? Я симулирую, меня мучают, страдания дальше становятся невыносимыми. Спасение в побеге, не хочу умирать в тюрьме, постарайтесь организовать побег, хочу еще поработать».

На этот раз посрамление властей происходит далеко от Эриванской площади — на левом берегу Куры. Уже после того как пушка на Арсенальной горе известила, что в присутственных местах — магазинах тоже — пора опускать жалюзи и тифлисцам приниматься за обед.

Более желательно Камо было полностью управиться до полудня. Непредвиденно вмешался дрессировщик — не то циркач, не то самодеятельный любитель. Мелькала даже мысль, не агент ли из охраны... Надо же! Едва Котэ Цинцадзе взмахнул белым платком — подал сигнал: «Я здесь, приготовься!..» — возник этот тип. Принялся купать собаку, обучать всяким-разным фокусам. Полчаса, три четверти, полный час. Забава в разгаре. А может, не забава, служба? Для филера вроде слишком много старания. Два часа, два с половиной — возне нет конца. Котэ не скупится на соответствующие пожелания. В душе, конечно. При всех обстоятельствах выдавать себя нельзя.

К реке спускаются шумливые люди в валяных конических шапках. Тулухчи — продавцы воды. Весь день на тифлисских улицах их голоса: «Ай, вада-а! Интересный вада-а-а!» Оставить в покое, без внимания собачьего дрессировщика тулухчи себе ни за что не позволят. Град советов, шуточек, пересмешек. Тип подхватывает собаку, гордо удаляется. Тулухчи, сразу забыв о нем, набирают воду. Время дорого...

Крутой правый берег Куры свободен. А что там, на левом, там, у Камо?

Котэ что есть силы трижды машет большим белым платком. «Ну, полной тебе удачи! Приступай!»

Из крайнего слева окна на втором этаже изолятора для буйнопомешанных повисает веревка. Раскачивается. Или все только кажется? Веревка не из самых толстых, скорее шнур. Лишь бы Камо схватился рукой за эту веревку! До земли три сажени. Он измучен. Брагин сказал: худой, слабый... С собой еще надо унести кандалы. Одежду он оставит там — казенная собственность.

Последние минуты...

А начиналось так. Невольные признания не выдержавшего пыток Игната Брагина, служителя изолятора, из крестьян Пензенской губернии:

«Месяца за полтора до побега как-то раз, когда в отделении не было никого, кроме меня, Тер-Петросов сказал мне, что надо отнести одно

письмо его сестрам. Я согласился. Он зашел в свою камеру и написал там письмо на грузинском, как мне кажется, языке. Карандаш и бумага у него имелись, они были выданы ему надзирателем еще раньше, но кем — не помню. Письмо он передал мне и на словах объяснил, что надо отнести на Экзаршскую площадь, в дом № 15, на углу и передать сестре его, Джаваире. Я в тот же день отлучиться не мог, а, кажется, через день или два пошел в отпуск и взял с собой письмо. Разыскав дом, я часов в двенадцать Дня позвонил в подъезд. Открыла мне барышня лет семнадцати и спросила, что мне нужно. Я сказал, что я из больницы и что мне нужно Джаваиру. Меня провели на второй этаж в комнату и попросили подождать. Джаваиры не было дома. Через несколько времени пришла барышня старше первой: сухощавая, брюнетка, в очках. Это была Джаваира. Я передал письмо. Она что-то написала, и я отнес ответ обратно Тер-Петросову.

В промежуток до следующего отпуска Тер-Петросов открылся мне, что хочет бежать и скрыться за границу. Говорил он серьезно, и я верил, что он все это может исполнить. Он при докторах и некоторых надзирателях вел себя иначе, чем без них; при них он говорил бог знает что, а без них рассуждал, как здоровый^[41]. Про то, что он бывал за границей, он часто рассказывал при всех служителях. Со служителями и некоторыми надзирателями, которые ему по душе, он играл часто в коридоре в карты, в «дурачка»; играл он осмысленно, так что иногда оставлял других дураками, не так, как другие больные — сначала сядут играть, а потом вдруг изорвут карты.

Заручившись моим согласием на бегство, Тер-Петросов сказал мне, что когда я пойду в отпуск еще, то схожу к сестрам Джаваире и Арусяк и возьму у них пилки для распила решетки. Он даже говорил, что пилки должны быть английские, а я о таких пилках и понятия не имел. В следующий отпускной день я пошел опять к сестрам Тер-Петросова с письмом от него. Передав письмо, я немного посидел у них, а затем втроем — я, Джаваира и Арусяк — пошли на Верийское кладбище близ Иоанно-Богословской церкви. Там ожидал, видимо, заранее явившийся туда неизвестный мне мужчина лет двадцати семи, рыжий, роста выше среднего, одетый в штатский костюм и в соломенную шляпу, без бороды, с усами. Сестры Тер-Петросова подошли к нему и стали о чем-то говорить с ним по-грузински. Он дал мне четыре пачки пилок, в каждой, вероятно, было по дюжине пилок, веревку и еще какую-то дугообразную вещь и сказал мне по-русски, на чистом языке, чтобы я все это передал Тер-Петросову.

Тер-Петросов хранил эти вещи у себя в камере, там постель не осматривали, не обыскивали, и никто этого не приказывал делать.

Тер-Петросов приступил к пиленю; он пилил в мое дежурство, но иногда, как сам мне говорил, пилил и на дежурстве других. Чтобы не было заметно распиленное, он заклеивал эти места хлебом. Сколько времени пилил Тер-Петросов решетку, я точно не знаю, но думаю — дней пять, шесть. Он и кандалы себе распилил на ногах, пропилил нижнее кольцо и скрепил его проволокой. Я спросил, где он взял проволоку, он ответил, что дал служитель, но кто именно — не назвал. С пропиленными кандалами он ходил приблизительно неделю.

11 августа я понес письмо опять на квартиру к Джаваире и Арусяк. Там было условлено между нами, что 14-го я приду в Александровский сад, встречу с Арусяк и она поведет меня туда, где будет приготовлен костюм для меня, чтобы я скинул больничную форму. Побег был назначен на 15 августа.

Утром 14-го Тер-Петросов опять дал мне письмо к Арусяк и сказал, чтобы я в тот день обязательно ехал в Кутаис. Я купил отпуск у служителя Жданкова и после обеда, который бывает в 12 часов, понес письмо к сестрам Тер-Петросова. Я высказал ему опасение, что побег может не удался, если служители или надзиратели заметят. Тер-Петросов на это сказал, что ничего, они, если и увидят, ничего не скажут...»

Для новичка Брагина все задуманное Камо покоится на зыбкой почве. Для него все одинаково захватывающе, тревожно, сомнительно. От Брагина-«советчика» сестрам и друзьям Камо нетрудно отмахнуться. Но не от Котэ Цинцадзе, от Барона Бибинейшвили — многоопытных подпольщиков. Камо не передают, от него скрывают, что при обсуждении плана побега Тифлисским комитетом большевиков преобладало чувство беспокойства, опасения. Насколько искренен Брагин — почему так легко согласился, не подставлен ли охранкой?^[42] Вполне ли в здравом уме Камо? Все-таки четыре года среди сумасшедших... Заключение немецких экспертов, их тифлисских коллег... Впечатление тех, кто видел его в суде...

Опасение более естественное, чем оскорбительное. Как-то много лет спустя Камо, уступая настояниям бывших узников Шлиссельбургской крепости, вкратце рассказывает им о своем противостоянии психиатрам. Николай Александрович Морозов, виднейший русский революционер, ученый, почетный член Академии наук, восклицает:

— Я предпочитаю вновь просидеть двадцать один год в Шлиссельбургской крепости с ее ужасами, чем испытать то, что пережил Камо в психиатрических лечебницах.

Не просто стерпел. В полной мере сохранил свою индивидуальность, свой характер, душевный склад. Превосходный конспиратор, беспощадный при нужде, он абсолютно не заражен мрачной предубежденностью, подозрительностью заранее на все случаи жизни. Наоборот, легко сходится с людьми. Без нажима, как нечто естественное, вызывает их симпатии. Окружающие готовы ему помочь даже во вред себе. И тифлисский парень Шаншиашвили в Метехах. И русский крестьянин Брагин в Михайловской больнице. И еще несколько служителей, которых также упрячут за решетку.

...Ну что ж, выбран день — пятнадцатое августа 1911 года. Брагин уже в Кутаисе. В изоляторе дежурят Жданов и Григорьев. На откосе за Курой — Котэ Цинцадзе. В десять утра взмах белым платком: «Приготовься!»

У зарешеченного окошка клетушки Камо. Не отрывает глаз, ждет. Сейчас Котэ подаст второй сигнал: «Поблизости никого нет. Можно!»

Сейчас... Сейчас!..

Минута, две, пять... Пятьдесят минут!.. Сейчас... Сейчас!.. Сто минут, сто пятьдесят, сто восемьдесят! Стоит, ждет. Сейчас... Сейчас!!

Нет, нет! Не самообман, не кружащий голову мираж! Три будничных взмаха большим белым платком: «Приступай!»

Обычный шаг до двери. Вызов стуком служителя[^]. Чтобы совместно совершить весь узаконенный церемониал — по коридору буйнопомешанных проследовать в уборную. Перед тем как прикрыть дверь, немногие прощальные слова.

Дальше все так просто. Сбросить больничный халат, носки, шлепанцы. Отогнуть перепиленную с трех сторон решетку, снять кандалы — завязать в узелок. Закрепить конец веревки. Еще маленькая дань человеческому суеверию — перед дорогой присесть на мгновение. Молча.

Веревка повисает за окном. Раскачивается, натягивается. Котэ не ошибается — по веревке спускается человек. Уже можно разглядеть: он с бородой, в одной нательной рубахе, прижимает какой-то узелок.

Наверное, пора Котэ бежать навстречу, помочь взобраться на береговую осыпчатую кручу, набросить плащ и фуражку. Передать припасенные одежду, туфли.

Не успевает. Ноги наливаются свинцом. Из груди рвется крик: «Вай, ме!» Конец! Нету больше Камо. Он сорвался с веревки, тяжело шлепнулся на землю... Всмотриваться некогда. Скорее к нему!

Камо поднимается сам. Сначала пошатываясь, потом ничего — довольно твердо идет к реке, все так же прижимая узелок с кандалами. Направляется к островку посредине Куры. Где брод, мелководье, он знает. По пути топит кандалы.

Восторгов, объятий пока не будет. Сначала Камо полностью воздаст Котэ Цинцадзе за то, что веревка оказалась гнилой — не выдержала, лопнула. К счастью, до земли оставалось меньше половины расстояния. Безупречно обязательный, не по-кавказски педантичный в делах, он не в состоянии пройти мимо упущения, небрежности.

Чтобы побыстрее отвлечь внимание от злосчастной веревки, Котэ спрашивает сугубо деловое:

— Возьмем фаэтон?

— Куда ехать?

— Дом полицеймейстера знаешь? Там остановимся.

— Хорошо шутишь. Молодец, научился!

— Зачем шучу?! — искренне обижается Цинцадзе. — Дом полицеймейстера на Вельяминовской. Там будешь жить!

Камо заключает в объятия полностью прощенного Котэ.

— Ва, какой хитрый!

В дом полицеймейстера едут сначала на фаэтоне, затем две остановки на трамвае. Последний квартал проходят пешком. Камо, отвыкший от солнца, нахлобучивает пониже фуражку, Котэ уверяет, что сегодня день выдался слишком жаркий...

Терпения с трудом хватает до вечерних фонарей. Необходимо пройти по улицам. Просто так, как все тифлисцы. У караван-сарая бог посылает навстречу Арчила Бебуришвили, приехавшего из Петербурга защитником на очередной политический процесс.

«Я разобрал его за излишнюю, по моему мнению, смелость, — записывает в дневник Арчил. — Он, по обыкновению, принялся смеяться и попросил проводить его. Повел он меня с Зриванской площади на Вельяминовскую улицу, где помещалось управление тифлисского полицеймейстера. Тут Камо объяснил мне, что поселился в одном из подвальных помещений управления. По всему чувствовалось, что выбором местожительства он крайне доволен. «Понимаешь, всюду будут искать, весь Тифлис перевернут, а я в полицейском доме себе отдыхаю. Смешно, да?» В этом весь Камо».

За далекое будущее трудно поручиться, а в ближайшие дни и ночи в трехэтажном доме полиции отдыхать, смеяться способен будет один Камо, квартирант отнюдь не званый. Хозяева же надолго сникнут, потеряют спокойствие, сон. Без видимой нужды станут вспоминать, что после катастрофы на Эриванской площади в седьмом году покончил самоубийством исполняющий должность тифлисского полицеймейстера подполковник Балабанский. Спасибо, было на кого списать. Тогда и бомбы,

и пальба из маузеров, и террористы-анархисты... Теперь — ничего, никаких обстоятельств. Одно желание Петросянца...

Что докладывать наместнику Кавказа, чем оправдываться перед своим департаментом, перед министром внутренних дел? А еще над всеми Петр Аркадьевич Столыпин. Их высокопревосходительство, известно, к неудачникам питает отвращение.

Все и всё против неудачников.

И служители в отделении буйнопомешанных — до шести часов вечера они ни слова своему начальству о том, что «Тер-Петросова, отведенного по его требованию в отхожее место, впоследствии не оказалось...». И девятинадцатилетний тифлисский домовладелец Иван Глахов Квешадзе, бог знает почему среди ночи доставленный на допрос, не жаждет старец «открыться» ротмистру Розалион-Сашальскому. «По предъявлении мне фотографической карточки Семена Тер-Петросова заявляю, что этого человека я ни в лицо, ни по фамилии не знаю и на своем веку ни разу с ним не встречался, равным образом этот человек ни разу не заходил в мой дом...» И доживающая свои дни слепая бабушка Камо Кеке. При обыске она злонамеренно не показала, где прячет внука Симона. Более того, утверждала, что в последний раз он навестил ее восемь лет тому назад...

Даже розыскные собаки и те...

«СЕКРЕТНО

От начальника тифлисского сыскного отделения

В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ

Его высокородию господину тифлисскому полицеймейстеру

РАПОРТ

Я совместно с другими чинами, взяв сыскных собак и дав им обнюхать вещи Тер-Петросова, направился на розыски.

Собаки взяли направление через сад «Кружка» на Кирочную, затем через ворота «Кружка» на улицу, свернули налево и направились к Верийскому мосту, потом направо по набережной, довели до вновь строящегося здания реального училища и вернулись назад. Другая собака прошла по берегу реки Куры, но в общем собаки шли неуверенно, видимо не взяв правильного следа. Благодаря чему ТерПетросянц не был задержан, несмотря на энергичные меры мои и чинов. Об изложенном доношу вашему высокородию.

Подписал начальник сыскного отделения *Гагиев*».

Что самое печальное — находятся охотники погреть руки на общей

беде, недостойно сделать карьеру. Ротмистр Карпов шлет тайный донос на начальника губернского жандармского управления полковника Пастрюлина. Якобы полковник имел возможность предотвратить позорный побег, но по мотивам весьма неясным нисколько не постарался. Приходится полковнику стряпать объяснение, не лишенное познавательного интереса.

«В Женеве проживает один из наиболее активных деятелей партии, Мелитон Филя, который имеет общение с Лениным и другими лидерами большевиков. Этот Филя носит партийную кличку «Жорж» и был арестован в 1908 году в Тифлисе при ликвидации 7-го района, а затем бежал из окружного суда во время процесса. В настоящее время «Жорж» прислал копии своего письма к Ленину и ответ последнего, из коих видно, что «Жорж» просил у Ленина денег, необходимых для устройства побега неизвестных лиц из тифлисских тюрем, а Ленин отказал, говоря, что поступившие от экспроприации в Тифлисе деньги имеют своим назначением общепартийные цели и не могут служить на нужды частные, какими в данном случае является освобождение некоторых арестованных.

Из содержания приведенного агентурного сообщения явствует, что в нем нет ни прямых, ни косвенных указаний о подготовке побега Тер-Петросяна. Речь шла не об арестанте, находящемся в Михайловской больнице, где Тер-Петросян в действительности содержался и о чем, несомненно, знали заинтересованные в его судьбе лица, а о каких-то преступниках из тифлисских тюрем, вопрос об освобождении коих является частной нуждой, а не общепартийной, что, по моему разумению, ни в коей мере не могло относиться к Тер-Петросяну, если принять во внимание его значение для партии, коей он оказал выдающиеся услуги».

Тем более чины самые высокие жаждут схватить, заковать теперь по рукам и по ногам Тер-Петросяна. Больно уж велик скандал. Шум на всю империю, на всю Европу. В берлинских, парижских, лондонских, венских, софийских газетах оскорбительные описания бегства, ядовитые заголовки: «Бежал от палачей!», «Кто страдает слабоумием?!», «Реванш Мирского-Аршакова!» Сам полицей-президент Берлина герр фон Ягов среди ночи пишет пространный запрос в Санкт-Петербург: «Имею честь покорнейше просить Вас сообразоваться сообщить, соответствуют ли действительности сообщения газет о том, что анархист, страховой агент Симеон Аршаков Тер-Петросянец, мнимый Димитриус Мирский, якобы недавно бежал. В положительном случае имеются ли данные, указывающие на то, что Петросянец бежал в Германию?»

Ответ несколько задерживается, но содержание вполне искупает: «Учитывая, что Тер-Петросянец до последнего времени тайно находился в

Германии, вполне можно предположить, что он и сейчас направился туда».

Зачем же сразу так далеко? Есть еще дела на Кавказе. Необходимо съездить в Баку, повидать доктора Сегала. Он был тогда в Берлине, наверняка встречался с Житомирским, что знает о нем?

Передумывать, откладывать не в натуре Камо. Единственная его уступка чрезвычайным обстоятельствам — грим и вместо прямого поезда Тифлис — Баку несколько старомодный способ путешествия — конным и пешком по дорогам и тропам не слишком проторенным. В какое-то сентябрьское утро он будит Сегала в его квартире на нефтепромыслах в Романах под Баку.

Сегал, неопубликованная рукопись:

«Открываю глаза, кричу:

— Аршак! (Аршак Зурабов — бывший член Государственной думы, бежавший с каторги.)

— Не узнал? Я Камо!

Вглядываюсь... Действительно живой, настоящий Камо.

— Думаешь, все-таки сумасшедший? Нет... Можно было сойти, но не сошел.

Очень нелестные замечания насчет Житомирского: Предполагает, что тот его выдал. «Приеду в Париж — убью!»

Расспрашивает о Житомирском долго, придирчиво. Требуется подробностей самых мелких. Я почему-то умалчиваю об открытке, полученной от Житомирского на венском почтамте, в которой он предупреждал: «Камо Вас оговорил». Я ее порвал, Красин сказал, что так и следовало поступить. Не ошиблись ли мы оба?

При следующей встрече Камо снова спрашивает о Житомирском. Чувствую, что сейчас для него нет ничего важнее.

В подходящий момент спрашиваю, что он собирается делать дальше.

— Я решил уехать за границу, научиться управлять аэропланом — хорошо бомбы бросать.

Шутит или вполне серьезно? Поди пойми у Камо».

Шевки-бей, несомненно, из самых удачливых подданных турецкого султана. Молод, эффектен — ослепительно черные пушистые усы по-особому закручены кверху; не стеснен в деньгах — оптовая торговля табаком, фруктами, пряностями. Заключив выгодные контракты в русских столицах, он возвращается домой в Константинополь. Преуспевающему негоцианту благоприятствует даже погода. Лишь вчера отбушевал, отгремел жесточайший шторм. Ветер безудержно гонял потоки по батумской набережной, забавляясь, повредил склады, смыл несколько кофеен. Сегодня — солнце, легкая зыбь. Путешествие обещает быть вполне приятным.

В порт Шевки-бей приезжает ко второму гудку. У трапа русские полицейские, пограничники, какие-то штатские с пронизывающим взором. Шевки-бей они мало интересуют. Так же, как и он их. Не до турок, много их ездит туда-сюда — торговые люди... Успеть разобраться со своими, которые с российскими паспортами. Заглянуть каждому в лицо, тут же быстро свериться с карточкой Петросянца, заботливо размноженной, распространенной по всей империи. Главное не пропустить с бельмом на глазу — этих сразу брать!

Слава аллаху! У Шевки-бея оба глаза черны, как его усы. Только сегодня утром в Батуме доктор Шатилов постарался — тщательно закрасил белесое пятно. Чтобы никаких «особых примет», куда Камо не выберется за пределы империи. Не надо только заключать, что почтенный Шевки-бей никогда больше не появится. Обязательно объявится. Навестит Константинополь, вступит в деловые отношения с начальником полиции, с министром внутренних дел. Произведет на них весьма благоприятное впечатление. Хотя и в несколько иной роли. Это уже в следующем, девятьсот двенадцатом году.

Пока что Камо двигается на запад. В Брюсселе у Александра Александровича Богданова он заручится адресом «Ильичей» — Ленина и Крупской. Поспешит в Париж. В первый же день отыщет окраинную тихую улочку Мари-Роз. На ней серый дом с тесными балкончиками по фасаду. На заднем дворе садик, ярко расцвеченный лукавой парижской осенью.

Дата приезда точно неизвестна. Существуют лишь несколько несхожих версий. Две крайности: «29 августа 1911 года Камо уже был в Париже»... «16 декабря Камо приехал в Батум. Через три дня отплыл... В конце месяца

прибыл в Брюссель. Отсюда с А. А. Богдановым направился в Париж. Там встретился с В. И. Лениным, Н. К. Крупской и Серго Орджоникидзе».

Котэ Цинцадзе, бывший с Камо все дни до отплытия парохода, в свое время напечатал в грузинском журнале «Революциас матиане» — «Летопись революции»: «Точно помню, что мы выехали в день убийства Столыпина, только не могу вспомнить число. «Я огорчен по поводу смерти Столыпина», — сказал мне Камо в вагоне. Когда я спросил: «Почему?» — он ответил: «Я хотел его убить, чего бы это мне ни стоило». В Батуме мы остановились на квартире у Анеты Сулаквелидзе. Корабль должен был отплыть на второй или на третий день...» Столыпин был смертельно ранен провокатором-эсером Богровым в Киевском оперном театре в понедельник, первого сентября. Умер пятого. Сообщения в печати — шестого. Каким же чудом Камо, выехав из Тифлиса никак не раньше пятого сентября, «29 августа уже был в Париже», да еще некоторое время проведя в Батуме и Брюсселе? Неправдоподобно еще и потому, что до Батуми, до заграницы Камо побывал у доктора Сегала на Каспии. Добирался туда окольными путями, большей частью не на поезде...

Также не подтверждается и поздняя декабрьская дата. Хотя бы потому, что Серго в это время принимает в Праге делегатов VI Всероссийской конференции РСДРП. Известно, что и Владимир Ильич приехал в Прагу заблаговременно. Ну а первое заседание конференции пятого января двенадцатого года.

Все за то, что встреча лукавой парижской осенью. Из окна «приемной» Ильича виден ярко расцветенный садик. У этого окна и устраиваются для душевных разговоров.

«Камо попросил меня купить ему миндалю, — запомнила Надежда Константиновна. — Сидел в нашей парижской гостиной-кухне, ел миндаль, как он это делал у себя на родине, и рассказывал об аресте в Берлине, придумывал казни тому провокатору, который его выдал, рассказывал о годах симуляции, когда он притворялся сумасшедшим, о ручном воробье, с которым он возился в тюрьме. Ильич слушал, и остро жалко ему было этого беззаветно смелого человека, детски наивного, с горячим сердцем, готового на великие подвиги...

Было решено, что Камо поедет в Бельгию, сделает себе там глазную операцию».

Поездка в Бельгию ничего путного не дает. В Брюсселе, Антверпене, Льеже ни один врач не берется убрать бельмо. Камо возвращается в Париж. Уверяет, что большой беды нет, из-за «несчастливого пятна» задерживаться ему нельзя. Пора за дело. Все же уступает настояниям Владимира Ильича

— соглашается пойти с ним к известному профессору-хирургу. Авось тот возьмется сделать пластическую операцию — до неузнаваемости изменить лицо Камо. Рекомендательным письмом снабжает Жан Жорес, лидер левых французских социалистов.

Профессор в состоянии помочь лишь советом, как благополучно... уходить от собак-ищеек. Надо, говорит он, постоянно иметь при себе пузырек с эфиром, в нужный момент щедро обрызгивать им подошвы. Эфир быстро испарится и унесет с собой отличительный запах человека. Совету профессора не было б цены, если бы с помощью эфира или какого другого медицинского средства удавалось уйти от Житомирского, от прочих провокаторов.

Новый директор департамента полиции Белецкий — министру внутренних дел Маклакову: «По полученным подполковником Эргардтом от агентуры сведениям, бежавший из Тифлисской тюрьмы Камо-Мирский (ТерПетросян) приехал в Париж совместно с Богдановым, настоящая фамилия коего Малиновский. Мирский посетил Бурцева и предъявил ему требование поместить на страницах «Будущего»^[43] его обличительную статью против провокатора, якобы выдавшего его в Берлине полиции. Но Бурцев сомневался в полном психическом здоровье Мирского. Такое же впечатление о Мирском как будто вынес и Ленин.

Из Парижа Богданов увез Мирского и, как говорят, поместил его в какую-то лечебницу для умалишенных в Бельгии».

Это Житомирский выдает свое сокровенное за чистую монету. Высоким чинам в Петербурге также соблазнительно поверить. И с Камо-Мирским-Петросяном покончено, вроде бы списан по болезни. И ценная агентура сохраняется. Во всяком случае, в платежном журнале секретного отдела департамента. По-прежнему две тысячи франков ежемесячно. Иудины сребреники во французском исчислении. Поскольку королевская прусская полиция сочла за профессиональное благо выслать нежелательного более «доктора». Сразу после речи Оскара Кона в берлинском муниципалитете, будто все нашумевшее дело Мирского плод провокации. Да и герру фон Ягову совсем неплохо иметь своего верного Якоба во французской столице.

Докопаться до правды, выставить вкрадчивого, необыкновенно почтительного, заглядывающего в глаза Житомирского из круга революционеров Камо не удастся. Самые серьезные подозрения еще не бесспорные доказательства. Существуют и невероятные стечения обстоятельств... Не удастся. А неограниченного, былого доверия ловкому

провокатору уже нет. Не вернется больше. От многолетней близости к большевистскому центру постепенно ничего не остается. Теперь до самой войны четырнадцатого года придется «Андрэ» и «Дантэ» — во Франции Житомирский под этими кличками — довольствоваться сведениями из вторых рук, случайно перехваченными разговорами, слухами. Промышлять по мелочам.

Подобие возрождения наступит лишь с началом войны. По рекомендации департамента он совершит «патриотический акт» — вступит добровольцем-врачом в русский экспедиционный корпус. Примется с возрастающим рвением доносить о «пораженческих противоправительственных» настроениях солдат. Продержится до революции. Тогда поспешит посыпать голову пеплом. Пошлет трогательное признание из парижского далека — из благоприобретенного собственного дома на бульваре Рашпай: дьявол-де попутал, пятнадцать лет сотрудничал с тайной полицией.

Слишком поздно. Камо, во всяком случае, к признанию Житомирского отнесся с интересом минимальным. Для него давно пережитое, выстраданное. А сейчас, поздней осенью одиннадцатого года, тяжело. Порой непосильно.хлопоты, разъезды — Женева, Копенгаген, Брюссель в третий раз, снова Париж — радости не приносят. Отступить, смириться — с его-то характером!.. Из головы почему-то не уходит: «Скоро круглая дата. Тридцать лет. Будущее представляется весьма туманным».

Надежда Константиновна, которой Камо снова, как в добрые времена на даче «Ваза», поверяет свои тайны и сомнения, замечает: «Он страшно мучился тем, что произошел раскол между Ильичем, с одной стороны, и Богдановым и Красиным — с другой. Он был горячо привязан ко всем троим. Кроме того, он плохо ориентировался в сложившейся за годы его сидения обстановке. Ильич ему рассказывал о положении дел».

О том же со слов Камо Мартын Лядов. Пометки на рукописи Барона Бибинейшвили при ее редактировании: «Ильич всячески убеждал основательно отдохнуть за границей, но Камо очень не понравилась обстановка, царившая в то время в заграничных колониях: постоянные склоки, отход многих бывших большевиков в чисто обывательскую жизнь, несомненная наличность провокации где-то близко от руководства большевиков и за границей и в России».

Камо решил ехать обратно, поставив себе на этот раз основную цель: раскрыть при помощи своих боевиков провокаторов, очистить от них партию. Он говорил мне, что хочет применить такой вот метод: он вместе со своими боевиками, нарядившись жандармами, пойдет арестовывать

виднейших товарищей, работающих в России. «Придем к тебе, арестуем, пытать будем, на кол посадим. Начнешь болтать: ясно будет, чего ты стоишь. Выловим так всех провокаторов, всех трусов». Вот именно для такой партийной «чистки» Камо поспешил в Россию.

На расходы по этому делу он взял в партийной кассе оставшиеся неизменными пятисотрублевки. Значительная часть этих пятисотрублевок была арестована, а другие были подвергнуты «операции». Очень тщательно были переделаны на них номера (объявленные правительством), и они довольно спокойно обменивались (без единого провала) и в России, и за границей. Но некоторое количество этих денег еще не было переделано. Вот их-то и взял с собой Камо. Вез также немного оружия».

В канун отъезда последнее напутствие Владимира Ильича, просьба быть поосторожнее, смотреть на вещи более реалистично, помнить, что буря — это движение самих масс. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на глазах...

Кажется, все сказано, все обговорено. Транспорты литературы (и оружия, мысленно добавляет Камо)... Константинополь — центр. Оттуда в Батум, Одессу через революционно настроенных моряков... Надежная сеть явочных квартир...

Время прощаться. В дверях Владимир Ильич окликает. Неожиданный строгий осмотр пальто Камо.

— А есть у вас теплое пальто, ведь в этом вам будет холодно ходить по палубе?

Выясняется, что никакого другого пальто и вообще ничего теплого у Камо нет. Ильич приносит свой мягкий серый плащ — подарок матери, любимая вещь. Никакие протесты предельно сконфуженного Камо не помогают...

Прощай, Париж! Больше встреч не будет. Впереди Балканы, Турция. Заботы, хотя не из новых.

Год девятьсот двенадцатый весь в поисках, метаниях, противоречиях. С последствиями самыми драматическими.

Стремительный бросок из Парижа в Константинополь. Не в самый город. В монастырь грузин-католиков Нотр Дам де Лурд. Появляется некий Марко из «Инициативной группы» черноморских моряков. Вместе им налаживать транспорты нелегальной литературы, еще кое-какие взрывоопасные перевозки. Навещает болгарский социалист Никола Трайчев. Он подружится с Камо. Будет занесен в список «арестантов Тифлисской тюрьмы № 2, привлеченных к дознанию по делу разыскиваемого Семена Тер-Петросянца». Притом почти за двадцать лет до своего действительного приезда в Грузию. Заслуга Камо. С паспортом Трайчева он снарядил на Кавказ своего неизменного помощника Гиго — Григория Матиашвили. За Гиго увязываются филеры...

В советские годы в Тифлис на жительство отправится и подлинный Трайчев. При содействии Георгия Димитрова. Его письмо к Миха Цхакая: «Я уже вам лично говорил о т. Николе Христове Трайчеве, болгарском коммунисте. Долгие годы работал в Константинополе, был сподвижником грузинских революционеров Камо, Гиго, Гуриели, Джапаридзе и др.

...Тов. Трайчев является прекрасным революционером и чрезвычайно способным работником. Я вполне поддерживаю его просьбу.

С тов. приветом *Г. Димитров*. 7.IX.28 г.».

И маленькая, также неизвестная^[44] записка от Николы Трайчева:

«...Я тот болгарин с бородой — делегат III конгресса Коминтерна 1921 года, который посредством вашей помощи встретился с тов. Камо, жившим в то время в Москве».

До будущей встречи Камо с Трайчевым в Москве еще много лет, событий. Пока что монастырский дом на участке Папас-Куспри незаметно становится явочной квартирой, добрым пристанищем для беглецов с Кавказа. Камо весьма желательно, чтобы там же обосновалась, взяла на себя часть забот умелая Джаваира. Сейчас она в заключении за «пособничество при побеге Тер-Петросянца».

«Дорогая сестра! Шлю тебе привет и желаю всего хорошего. Джаваира! Попроси начальство, чтобы разрешили тебе выехать за границу; хорошо было бы, если б разрешили жить в Константинополе. Там имеется женский монастырь грузинских католиков, где меня хорошо знают и где

тебе будет житься хорошо; кроме того, ты можешь при старании изучить иностранные языки, так как там имеется очень хорошее, образцовое училище, в котором специально изучаются иностранные языки. В монастыре жизнь очень дешевая: на всем готовом тебе будет стоить 9 рублей в месяц.

Если правительство разрешит тебе отбыть наказание за границей, будет очень хорошо. Когда будешь просить, сообщи мне.

Жаждающий тебя видеть *Семен*».

Неожиданный отъезд Камо в Болгарию с документами едва ли не мифического Семена Савчука. На вокзале в Софии арест. Обвинение незамысловатое — «турецкий шпион». Под достаточным конвоем доставлен к градоначальнику. Камо устраивает скандал. Оскорблено его достоинство, честь социалиста. Да, если узнает его хороший знакомый господин Благоев...

Имя популярного общественного деятеля, депутата болгарского парламента производит должное впечатление. Градоначальник становится несравненно любезнее. Готов довольствоваться поручительством высокочтимого Димитрия Николаевича. Еще небольшой нажим, и два полицейских агента в штатском ведут «Савчука» к его хорошему знакомому Благоеву. Не беда, что Камо его в глаза не видел. Что-нибудь сообразит.

Дома Благоева не оказывается. Приходится возвращаться без толку. Недалеко от почтамта один из агентов простодушно восклицает: «Вон он, господин Благоев!» Камо бросается навстречу человеку с окладистой бородой. Обнимает. Шепчет. «Приехал от Ленина... Я Камо!» Затем ровным голосом, как нечто естественное, просит подтвердить, что он Семен Савчук — русский социалист, никак не может быть турецким шпионом.

Кривить душой Димитрию Николаевичу вовсе не приходится. Чуть погода, когда можно будет побеседовать без посторонних, Благоев, к немалому удивлению Камо, скажет: «На копенгагенском международном конгрессе социалистов я слышал, как немецкий делегат доктор Кон рассказывал о вас русским товарищам... Читал в газетах. В Болгарии о вас много писали...»

Не обойдут вниманием и в завтрашних выпусках. Поместят сообщение полиции: «Двое приезжих из Константинополя были арестованы: один русский офицер, а другой социалист Семен Савчук, за которого поручились депутаты Благоев и Кирков. Потому приносим свое извинение господину Савчуку за причиненное беспокойство».

Извинение извинением, а служба службой. Тут же предписание в двадцать четыре часа покинуть Болгарию через румынскую границу. Что нимало не устраивает. Теперь на подмогу призываются влиятельные в Болгарии деятели Македонской военной организации.

Камо (нечто вроде отчета, написанного позже, уже в Метехах, и перехваченного администрацией тюрьмы): «Решили завтра же одному из воевод пойти к градоначальнику и сказать, что «Савчук», правда, социалист, по в то же время член международного комитета для помощи турецким христианам и приехал по делу, к нам, а потому ему должно быть позволено когда угодно и куда угодно поехать. Градоначальник позволил и даже извинился еще раз. На второй день вечером все было готово, я и мой воевода поехали без всякого препятствия в Бургас; там он купил мне билет на Константинополь, так как в Трапезунд не было прямого сообщения. Мои вещи^[45] устроил хорошо.

Приехал в Константинополь. Пароход был маленький и не пристал к берегу. Я не вышел, а послал лодочника к моему хорошему знакомому, бывшему тифлисскому беглецу. Поручил для меня разузнать что и как... Знакомый долго ждать не заставил. Пришел и сказал, что через четыре дня пароход австрийский отходит и можно прямо, не имея дела с турецким берегом, пересечь. Когда пересаживаются с парохода на другой, не выходя на берег, то не смотрят таможенные чиновники. Я не знал местных условий, согласился с опытным человеком.

Мы взяли все наши вещи и сели в лодку. Через несколько саженей нас догнал таможенный чиновник. Мой знакомый энергично протестовал. Было много совсем бесполезного крика — и привезли в таможеню. Я попросил, чтобы они вещи не вскрывали и отправили нас к главному полицейскому начальству.

...Президенту константинопольской полиции объяснил, что я приехал сюда, чтобы познакомиться с лидерами их господствующей партии и предложить от имени грузин-федералистов сыграть в кавказском освободительном движении ту же роль, какую Россия и Австрия играли в Македонии и Албании... Мы хотим, чтобы вы продавали нам все нужное оружие, имели свободный пропуск в Турцию и некоторое маленькое содействие с вашей стороны. Это нужно сделать теперь, пока не поздно, а когда вспыхнет война, тогда вы будете предлагать вашу не маленькую, а большую помощь, но тогда мы принуждены будем отвергнуть... Что сейчас задержали, это я вез не сюда, а хотел пересечь на пароход, шедший в Трапезунд, а там с помощью известного вам бека А. выгрузить и отправить в Батум...

На все мои объяснения был только один изумленный ответ: «пеки-пеки», то есть «хорошо-хорошо». После был допрошен лодочник: он сказал, что вез к отходя тему через 3–4 дня пароходу на Трапезунд — Батум, и более ничего... После допроса объявили, что вечером освободим, а до того времени мне отвели хорошо обставленную квартиру, принесли очень хороший обед. Вечером к 9 часам, попросили подождать до утра. Ночевать приказали одному из своих тайных агентов, между прочим армянину, отвести в ближайший отель... Утром встали в 8 часов. Мой армянин-караульщик спросил, что я желаю на завтрак, так как от начальства ему приказано всем удовлетворить, что потребую... После пошли обратно в полицию в специально для меня отведенную комнату, а в 12 часов вызвал меня к себе президент полиции и сказал: «Ваши показания подтвердил полковник, к которому вы имели рекомендательное письмо, и потому я должен вас попросить, чтобы вы не обижались и жили у нас при таких условиях, как вчера, еще 7 дней, пока в газетах перестанут говорить о задержке какого-то русского анархиста, не знающего ни имени, ни фамилии. В газеты случайно попало, мы более сведений не дадим. Если сейчас выпустим, то русское правительство может придраться^[46] и будут некоторые неприятности. Потом вас тайно отправим через 7 дней в Афины».

Я согласился, и в этом правительственном аресте было одно несчастье — то, что они два раза в день давали очень аристократический обед и водили на ночлег в самые первоклассные отели... все на мой счет. Я так и ахнул, так как это удовольствие обходилось более 3–4 рублей, и хотел попросить перевести в тюрьму ради экономии, но этим я мог потерять авторитет перед ними, которые меня чуть-чуть не считали будущим кавказским Шевки-беем или Шевки-пашой... Я подумал: «Ладно. В будущем пригодится». Только притворился нездоровым и начал наполовину голодать, но и это не помогло, так как было особым распоряжением заказано все заранее, разумеется, на мой счет. Так или иначе через 8 дней такого небывалого ареста я был отправлен в Афины; во 2-м классе и опять на мой счет...

Я забыл одно интересное обстоятельство. Как говорится, «нет худа без добра», и это было бы так, если бы наши дела пошли удачно. Перед отправкой министр внутренних дел позвал меня и сказал: «Вы уже скоро будете свободны, и потому вас спрашиваем, как частного знакомого, насколько сильны русские революционеры вообще и в частности на Кавказе?» Я описал все очень радужно... Министр вернул мой паспорт, поклонился: «Вы можете обратно приехать и провозить что угодно, но

осторожно, и при приезде покажитесь, чтобы мы могли распорядиться и вас случайно не задержали. Если вы и ваша организация проявите чем-нибудь себя, то мы будем тайно оказывать всевозможные услуги, какие вам понадобятся».

Одну тайную услугу турецкий министр уже оказывает, сам того не ведая. Помогает осуществить давнюю-давнюю, еще школьную мечту — увидеть Грецию, обойти места, где разыгрывалась многоликая история — самый любимый предмет горийского школьника Симона. Будет и в недописанной автобиографии: «Попав в 1912 году в Грецию, я с бесконечным интересом осматривал ее. И несколько раз посетил Парфенон...»

Возможно, что в обществе той самой певицы-гречанки, готовой бросить сцену, уехать в любую страну, разделить с любимым его судьбу, какой бы страшной она ни была. Камо любит не менее горячо. Первая любовь в тридцать лет! Счастье в его руках. Его руки счастье разбивают вдребезги. Нельзя себе позволить... Чтобы любимой было легче перенести удар, всячески доказывает ей, что он бессердечен, жесток, «совсем плохой».

В «отчете», написанном в Метехах, об этом ни слова. Там только заслуживающее внимания: «Познакомился с эмигрантами-армянами. С большим уважением отнеслись. Выбрал среди них подходящих людей. Открыл им цель приезда. С охотой согласились помогать. Познакомили с одним человеком, который достал все нужное. Здесь установил такую связь, что можно снабжать не только Кавказ — всю Россию.

Собрался выехать. Закрылись Дарданеллы. Пришлось ждать целый месяц. После направился в Царьград^[47]. Вещи оставил в надежном месте. Я визитовал полицейскому президенту. Он обрадовался и обещал, что меня никто не тронет...»

Чего никак не скажешь о своем российском департаменте полиции. Камо еще с тоской поглядывает на закрытые Дарданеллы, а из Петербурга строжайший приказ начальнику тифлисского губернского жандармского управления: «Соблаговолите немедленно уведомить о мерах, принятых в связи с предполагаемым побегом Шаумяна и прибытием для указанной цели Камо (ТерПетросян)».

Полковник Пастрюлин сам мчится в Баку. Во главе целого отряда чинов и агентов. Полтора месяца усиленных размышлений, надежд и разочарований. Только шестого июня пишется успокоительный ответ в Петербург: «Семен ТерПетросян (Камо) в Баку не разыскан».

Камо появится позже, на исходе лета. Сначала в Тифлисе, потом у

Мартына Лядова на Каспии. От него поедет в Москву к Красину, вернется в Тифлис, заглянет в Эрпвань. Оттуда снова в Грузию. Камо не находит себе места.

Понимает, видит, обстановка круто изменилась. Давно закопчена партизанская война. В прошлое безвозвратно ушли годы распада и шатания. Пражская конференция проложила между борцами и отступниками. Повсеместно идет трудная, тяжелая работа по воссозданию и укреплению безгранично дорогой его сердцу революционной партии. В Тифлисе — в Главных железнодорожных мастерских, на большинстве фабрик — действуют большевистские группы, пропагандисты занимаются с рабочими. Во многих тысячах экземпляров выпущена, распространена по всему Кавказу прокламация: «Товарищи рабочие! Организуйтесь в единую нелегальную революционную партию!» Немедля радостный голос Ленина: прокламация отпечатана в собственной типографии тифлисских большевиков. А его, Камо, участие, его роль? Словами Надежды Константиновны — его полочка где?

В письме, предельно доверительном, Александру Богданову, человеку, в котором Камо привык видеть много трудно совместимых достоинств — еще в девятьсот пятом году он восторженно рассказывает Степану Шаумяну: «Никитич познакомил меня с большим человеком, вместе они нашим военно-техническим центром руководят. Понимаешь, все человек знает, все умеет. Ученые книги пишет, бомбы делает, порох, динамит... Больных лечит, знаешь какой доктор!» Так в письме к Богданову:

«...Дело в том, что, как вы лучше знаете, данный момент в России очень важен и наше течение, несмотря на то, что оно более жизненное и верное, может благодаря безденежью остаться за бортом или же не будет иметь столько влияния, сколько заслуживает... Если мы хотим фактически, на деле иметь влияние и идти своим правильным путем к социализму, то мы должны сначала добыть денег, организовать и заниматься не только политической революцией, как это было в 1905–1907 годах, но и умственной на началах, которые исходят из революционного марксизма. Теперь должны работать усиленно над первым в России, над вторым — везде, где существует пролетариат. Работая над вторым, будем чувствовать большой успех, так как исчезнет среди пролетарской организации буржуазная мещанская зависть, неискренность, лицемерие и тому подобные вещи, которые губят и тормозят великую практическую работу.

...Очень трудно всякое завоевание голыми руками и пустой головой. Для начала нужно взять 100 тысяч, миллион, а для этого необходима прочная и преданная организация, как и для всякого завоевания, то есть

эксковская группа... Всякое завоевание есть известного рода экспроприация у врага, хотя бы свобода печати, 8-часовой рабочий день. Но завоевание 100 тысяч или миллиона будет отличаться от свободы печати тем, что в одном случае дается готовая форма, а в другом — сырая глина в руки скульптора.

...Так как деньги нужны, то непременно будут. Не меньше 100 тысяч. Это дело уже значит за нами, и тогда организуем вторую группу в России и за границей, чтобы концентрировать свои силы и бомбардировать врагов. Мы опять продолжим свое!»

— Нет, дорогой Камо, продолжать экссы нельзя! — останавливает Тифлисский комитет большевиков. Противится, запрещает после нелегкого обсуждения.

Впервые в жизни Камо оспаривает партийное решение. Искренне считает, что бросить задуманное им будет непоправимой ошибкой. Ищет поддержки у Лядова. «Познакомил его с моим планом. Он обрадовался. Посоветовал ехать в Москву».

В Москву — это к Красину. Все другие, с кем бы очень надо посоветоваться, недоступны: Миха Цхакая в эмиграции, Серго арестован в Петербурге, Иосиф Сталин и Степан Шаумян в ссылке, где-то в заключении Алеша Джапаридзе. Один Красин. Для Камо не существенно, что Леонид Борисович в эту пору от революционной деятельности отошел, увлечен исключительно делами инженерными.

Принимает Никитич самым сердечным образом. И на неоспоримых правах давнишнего друга, наставника также, выдает по первое число. «Ты действительно сумасшедший, если берешься сейчас за экспроприацию!» Увы! Камо и упорен и упрям. «Я не послушался, выехал обратно, — это уже в письме из Метех. — Я приступил к делу. Ко мне явился один боевик, которого я знал раньше. Он был меньшевиком. Согласился работать с ним, он и выдал всех. Скорее он был подослан меньшевиками. Они мне предлагали оставить Россию, а в противном случае пригрозили принять свои меры. Мера их выразилась в провокации. Это я докажу на партийном суде. Сделаю им скандал на всю Россию. Я докажу этим болотным лягушкам, как трудно бороться с большевиками...»

Если чуть более обстоятельно...

После встречи с Красиным возбужденный — обласканный и обруганный одновременно — Камо возвращается. Лихорадочно ищет денег в Баку, в Тифлисе. Минимальную сумму, необходимую для подготовки экска. Использует все старые связи, знакомства. Обращается к богатому купцу Африкяну — в Тифлисе тот слывет либералом, иногда жертвует в

пользу семейств политических заключенных. Купец обещает подумать, сулит что-то «выкроить», велит прийти завтра. Назавтра, подходя к дому Африкяна, Камо замечает филеров, изобретательно уткнувших носы в родную полицейскую газету «Тифлисская речь». Купец не счел за труд заблаговременно известить ротмистра фон Гоерца — начальника охраны: «Камо в Тифлисе!»

Знают, следят, уже пытались взять на вокзале. Камо со смехом рассказывает Лядову: «На перроне собака-ищейка бросилась на меня. Я ответил полной взаимностью — стал ее обнимать и говорю окружающей толпе: «Вот эту собаку у меня украли, когда она была трехмесячным щенком. Она меня узнала, видите, какая хорошая, благодарная собака, как любит она своего первого хозяина...» Сочиняю любопытным подробности, как украли собаку. Околоточный уши развесил, возможно, растерялся... Я вскочил в отходящий поезд».

В конечном счете динамит добыт у рабочих медных рудников в Алавердах, изготовлены бомбы. Двадцать четвертого сентября на Коджорском шоссе за Тифлисом, в шесть с половиной часов утра, нападение на повозки с денежной почтой. Вопреки запрещению Тифлисского комитета. Полностью на свою ответственность. Вся тяжесть неудачи на свои плечи. Результат предопределен. Единственная внезапная помощь — разразившийся ливень. Помог уйти почти невредимыми. В перестрелке ранен лишь Гиго. Камо помогает ему добраться до квартиры большевика-журналиста Саркиса Касьяна. Саркис — человек достаточно решительный. Пренебрегая тем, что в городе повальные обыски, аресты мало-мальски подозрительных тифлисцев, он десять дней укрывает у себя и Камо, и раненого Гиго...

Только еще не понимает, не признает Камо, что год девятьсот двенадцатый не повторение седьмого. То, что было необходимо и блестяще удалось на Эриванской площади, по всем статьям невозможно сейчас. Должно было кончиться провалом. Даже потому, что люди в дружине не так преданны, не так выучены. Четверо из восьми опаздывают. Кто-то позабыл снять прокладку-предохранитель — бомба не сработала. Полиция, наоборот, опытнее, натасканное — вполне достаточно годами иметь такого противника, как Камо.

Не может или не хочет понять?

Весьма заинтересованный в судьбе Камо поэт Акоп Акопян:

«Войдя ко мне в кабинет, жена сказала:

— Тебя хочет видеть некто Степанов.

Кто это может быть... Кому не лень в одиннадцать часов ночи пересчитать сто две ступеньки и подняться на пятый этаж?

Подхожу к двери.

— Кто там?

— Это я, — отвечает затерявшаяся в темноте тень и, не называя себя, проходит вперед, направляясь к моей комнате.

Удивленный уверенностью незваного гостя, я машинально следую за ним и, лишь когда мы попадаем в освещенную комнату, узнаю переодетого Камо.

На сей раз он похож на духанщика. На голове картуз, на ногах кустарные чусты и белые чулки. Он опоясан белым фартуком, в руке большая плетеная корзина.

Минуту мы смотрим друг на друга, и оба раздражаемся веселым смехом. Целуемся. После побега из больницы я не встречался с ним ни разу. Он появился очень не скоро, лишь после неудачно проведенной на Коджорском шоссе вылазки.

— Что случилось, Камо, почему так поздно? — стараюсь побороть тревогу, спрашиваю я.

— Подумай, какой-то сукин сын изводит меня, ходит по пятам... А я давай бог ноги — к вам во двор... Сперва зашел к Буду, но не застал его дома. Дай, думаю, загляну к старым товарищам, а то так долго прячусь, что протух.

Как хорошо я понимал Камо! Свободолюбивая душа его жаждала воли... Невиданные мучения в период изоляции родили в нем неугасимое желание быть всегда среди друзей. Это стало для него настоящей необходимостью, неукротимой потребностью.

...Впервые его попытка нападения на денежную почту на участке Коджоры — Манглпс прошла неудачно. И Камо, доньше не знавший неудачи, был заметно огорчен...

— Покажи руки, — потребовал я.

— Что тебе до моих рук?

— Матушка Аничка рассказывала, что, прыгнув со скалы, ты сильно поранил руки о щебень и потерял много крови.

Он протягивает свои широкие, мозолистые ладони. Кожа рук покрыта рубцами, похожими на глубокие следы оспы.

— Да, — говорит, — упал на обе лапы, как кошка, сброшенная с крыши.

Мы оба смеемся.

— Эх ты, глупый, — с дружеским укором говорю я, — не довольно ли

с тебя? Когда прекратишь?

— Я смазываю колесо революции, убыстряю его вращение, ускоряю наступление революции, — наседая на меня, горячился Камо.

— Индивидуальными вылазками революции не ускоришь!

— Не хотелось бы тебе в феврале — марте съесть свежий огурец из теплицы? Или ты считаешь, что надо обязательно дожидаться летнего с грядки?

— При чем тут огурцы, Камо?

— Вот как раз то, что я делаю, — это и есть ранние огурцы. Я хочу ускорить наступление революции.

Убедить столь упорного в своих убеждениях Камо в том, что-де «всякому овощу свое время», было невозможно. И если из уважения не хочешь раздражать и сердить его, то лучше молчи. Так поступали мы, все беспредельно любящие его товарищи. Обаяние Камо было в оригинальности его мышления, в его самобытности».

Экстренное сообщение:

«Совершенно секретно
ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ
(по особому отделу).

В дополнение к № 12548 имею честь донести Вашему превосходительству, что 8-го сего ноября на спектакле в театре тифлисского грузинского дворянства, устроенном социал-демократами в пользу высылаемого административным порядком Буду Мдивани, присутствовал разыскиваемый Семен Аршаков Тер-Петросов, в организации — Камо. Он со многими здоровался, но ходил преимущественно один. По сведениям агентуры, Камо сказал члену большевистского руководящего кружка Тавдишвили, что он в театре не был уже в течение 12 лет.

Сведения эти заслуживают доверия. Направив агентуру ^{на} выяснение местопребывания Тер-Петросова, я приказал начальнику охранного отделения для этой же цели усилить наружное наблюдение за старыми связями этого лица. Кроме того, ныне тифлиссский полицеймейстер ведет наблюдение за установленной им женщиной, покупавшей в аптеке для нападавших на транспорт, следовавший по Коджорскому шоссе, перевязочные средства, а также за конспиративной квартирой; причем есть основания предполагать, что в сферу этого наблюдения вошел Тер-Петросов.

Полковник *Пастрялин*».

Еще дополнительное сообщение:

«Камо находится в Тифлисе. Его видели на Солдатском базаре с его старым знакомым Георгием Азнауровым и на Верийском спуске. Он часто переодевается и был раз в черной накидке.

По предъявлении фотографической карточки Семена Тер-Петросова агентура признала, что изображенная на карточке личность является именно тем Камо, который 8 ноября присутствовал на спектакле в театре грузинского дворянства».

Не так уж чтобы день за днем испытывал Камо судьбу, безвыездно оставаясь в Тифлисе. Полностью неприемлемы для него лишь советы оставить Кавказ на длительное время — перебраться подальше в Россию, еще лучше — в эмиграцию. А на короткие сроки в Петербург, в Москву, на

Дон ездит охотно, с немалой пользой для заново создаваемых им нелегальных типографий. В пути как в пути — расстояния неблизкие — всякое бывает. От Москвы до Новочеркасска приходится изображать бойкого коммивояжера, демонстрировать образцы мануфактуры, галантереи. В Ростове взяться за обязанности носильщика — форменную рубашку, фартук и бляху припас заблаговременно, чуть ли не в Петербурге...

Своим чередом сыплются, сыплются рапорты филеров, доносы провокаторов. Тем более что нынешний директор департамента полиции Белецкий в отличие от своего прижимистого предшественника Трусевича денег не жалеет. Штатным сотрудникам и доброхотам сыска оплата завидная, конверт каждую неделю.

Развязка уже в новом, девятьсот тринадцатом году. В плотных сумерках десятого января у «Северных нумеров» в Тифлисе. Полицейский надзиратель Шульц едва дотерпел, покуда князь Константин Микеладзе, закончив беседу, распрощался, отошел в сторонку. В ту же минуту чины и агенты набрасываются, скручивают, увозят. Обоих сразу — Камо и того, кто по паспорту болгарский подданный Никола Христов Трайчев. Гиго, стало быть.

Дальше все, в сущности, формальности. Особенно девятого февраля, когда закованного в кандалы и наручники Камо на фаэтоне под конным конвоем — почти таким, как у самого наместника, — доставляют в уголовное отделение окружного суда. На предмет «освидетельствования умственного состояния». Играть в сумасшедшего слишком бессмысленно, ответы поэтому небрежны, резки, не без издевки. «Откуда вы прибыли? — Оттуда, из полиции. — А как вы попали в полицию? — Сказали «стой!», «руки вверх!» — и взяли. — Не принадлежали ли вы к какой-нибудь партии? — Я революционер. — Чем вы занимаетесь? — Путешествую... — Не помните ли вы, что вы распилили себе кандалы на ногах? — Я не помню и помнить все невозможно. — Так вы и не помните, что раньше содержались в больнице? — Совершенно не помню... — Вы говорите по-итальянски? — Знаю по-итальянски... — Какой теперь месяц? — Какой месяц не знаю. Посадили в такую камеру, что ни дня, ни месяца человек знать не может...»

Всей процедуры меньше чем на час. «Смешанное присутствие согласно заключению прокурора постановило: признать, что обвиняемый Семен Аршаков Тер-Петросов в настоящее время не страдает расстройством умственных способностей».

Доставив Камо назад в Метехи, его помещают в одиночку на этаже приговоренных к смерти. «Особый надзор, особый режим был установлен

для него, — описывает Котэ Цинцадзе. — Волею судеб я раньше его очутился в Метехах, в камере под ним. Дни его были сочтены. Дней через десять или через две недели его должны были казнить. Спасения как будто ждать неоткуда. И я, и он это чувствовали. Нужно было списаться с ним, подумать. Может быть, удастся опять сбежать и еще один раз посмеяться над смертью?

Списаться было нелегко. Десятки глаз смотрели за всякой передачей. Наконец я решил рискнуть. Склонил на нашу сторону уголовного, который раздавал по вечерам керосиновые лампы. Уговорил его отнести Камо мою лампу и сказать, что я прислал свою хорошую лампу. В колпаке лампы лежало письмо. Я знал, что Камо поймет — лампа прислана неспроста. Действительно, он понял, передал ответ, дословно следующий: «Я нашел письмо. Со смертью я примирился. Совершенно спокоен. На моей могиле давно бы могла вырасти трава вышиною в три сажени. Нельзя же все время увиливать от смерти. Когда-нибудь да нужно умереть. Но все-таки попытка — не пытка. Постарайся что-нибудь придумать. Может, еще раз посмеемся над врагами. Я скован и не могу ничего предпринять. Делай, что хочешь. Я на все согласен». Товарищи принялись разрабатывать грандиозный план, но, когда почти все было готово, дело наше провалилось. Засыпался и я. Перевели меня в другую, рядом с ним, камеру. Лучше стало. Перестукивались через стену. Строили новые планы побега. Камо был спокоен самым подлинным образом. Приближался день суда. Тень смерти опять витает в нашем «смертном коридоре»...»

Если не теперь, то уже никогда. Во дворце наместника известно доподлинно: ожидается высочайший манифест в ознаменование трехсотлетия царствования дома Романовых. Быть амнистии!

Вызовы на допросы в любое время суток. То к следователю по наиболее важным делам, то в военную прокуратуру. Нетрудно уловить, что процедуру стараются побыстрее свернуть, закончить. Камо всячески идет навстречу, становится необыкновенно словоохотливым. Берется все злодеяния описать собственной рукой. На что, конечно, требуется время. Первый набросок, второй — все не то...

Помощник генерала Афанасовича — полковник Голицынский принужден представить сведения разочаровывающие: «Обвиняемый Тер-Петросов дает показания очень обширные и крайне сбивчивые, по многим пунктам противоречивые. У следствия нет возможности проследить партийные связи, выявить и привлечь его соучастников».

По субординации вверх. На усмотрение командующего войсками Кавказского округа. Приказ быстрый, категорический, как на театре

военных действий. Противника упредить, начать немедленно!

Затемно первого марта на дворе Метех Камо, закованного по рукам и ногам, заботливо усаживают в экипаж. Вокруг казаки. Лошадь к лошади вплотную. Карабины наизготовку: чуть что — огонь без предупреждения. На всем пути к зданию судебных установлений также конные патрули, наряды полиции. Внутри здания караулы из старослужащих и унтеров Тифлисского гренадерского полка.

Около одиннадцати часов утра конвой вводит Камо в зал заседаний военноокружного суда. На местах для публики особо приглашенные офицеры и высшие чиновники. Допущены корреспондент Петербургского телеграфного агентства и судебный репортер любезного наместнику «Кавказа». В совместном отчете они с немалым изумлением отметят:

«Гер-Петросов сбрил бороду и подстриг усы. Лицо полное и жизнерадостное. Бойко и с улыбкой рассказывает он защитнику (помощнику присяжного поверенного А. Г. Бебуришвили) о чем-то забавном».

Для суда, репортеров, они — помощник присяжного поверенного и подсудимый, ничего больше. Только в дневнике Арчила:

«Из взаимоотношений наших ясно, как и кем я был приглашен защищать Камо в суде. Это было моей прямой обязанностью, как личного друга и партийного товарища, но это была печальная обязанность. Никакая защита не могла его спасти. Власти злорадствовали открыто. Целью моей было не столько придумывать «смягчающие обстоятельства», сколько, пользуясь правом защитника, облегчить ему заключение и быть возле него. Я мог навещать его и беседовать с ним наедине. Я думал, что мне придется его успокаивать. Но он был совершенно равнодушен к нависшей над ним угрозе. Был весел и живо интересовался партийными делами.

Во время двухдневного заседания военного суда он держал себя необычайно гордо и смело, как будто не его судили, а он судил. Он не отрицал фактов, которые касались его лично, и не давал судьям, точно так же, как раньше следователям, никаких реальных данных о других лицах. Защита моя поневоле была очень бледной».

По крайней настойчивости Камо Бебуришвили выполнит и обязанность вовсе не юридическую — отправится к генералу Афанасовичу, сделает ему джентльменское признание. За долгую службу военному прокурору ничего подобного слышать не приходилось. Он напишет коллеге в Петербург:

«Анархиста Петросянца, выданного России Германией, я должен был обвинять еще в 1911 году. Однако какой-то адвокат из Берлина — Кон

забросал меня телеграммами, доказывая ненормальность умственных способностей преступника. Я мало этому верил, так как считал Петросянца здоровым и разумным. Представьте, на суде три врача психиатра очень внимательно проделали над ним целый ряд опытов и почти убедили меня в его ненормальности. Когда же его поместили для обследования в больницу, то он очень ловко удрал оттуда...

Вообразите, его адвокат пришел недавно ко мне и сообщил, что Петросянец однажды ехал со мной в одном купе по железной дороге. Я, конечно, не узнал его, потому что он был загримирован. Этот же адвокат передал мне слова Петросянца: «Скажите ему (то есть мне), что он умный человек, по крайней мере он единственный, который не верил в мою болезнь».

Обмен мнениями закончен. Произнесено последнее слово подсудимого: «Я все сделал для революции, что мог. Дальнейшее не в моей власти». Сейчас приговор. Председательствующий генерал-майор Абдулов в полный голос: «К смертной казни через повешение». Четырежды.

За вооруженное восстание в 1905 году...

За экспроприацию на Зриванской площади в 1907-м...

За побег в 1911-м...

За нападение на Коджорском шоссе в 1912-м...

К смертной казни через повешение... Повешение... повешение... повешение!..

Дальше по версии расхожей: случилось, что прокурор суда Голицынский, изучая дело Камо и имея возможность несколько раз лично с ним беседовать, проникся таким восхищением и симпатией к этому необыкновенному человеку, что ради спасения его решился на беззаконие. Приближалось торжество трехсотлетия дома Романовых — и неожиданный покровитель Камо медлил с посылкой приговора на утверждение до тех пор, пока не обнародован был манифест. За эту уловку Голицынский поплатился выговором и карьерой, а Камо по манифесту смертная казнь была заменена двадцатилетней каторгой.

Правда естественней, красивее. Жизнь Камо сохраняет его победа в трудном противоборстве. Диспозиция известна обеим сторонам. 21 февраля трехсотлетие царствования Романовых. Пышные торжества с непременно манифестом об амнистии. На то и весь расчет. Управятся военные судьи до получения и опубликования манифеста в Тифлисе (против Петербурга лишних день-два) — неминуемый смертный приговор будет исполнен. Промедлят — Камо сохранит жизнь. Потому и допросы в любое время суток — ночные вызовы к следователю, визиты полковника Голицынского в

камеру. И неодолимая потребность Камо дать обширные показания, порадовать чрезвычайными признаниями, написанными обязательно собственной рукой. На много ходов вперед рас-«считанная борьба за бесценное время.

Покуда схватятся, раскусят, что «показания по многим пунктам противоречивые... нет возможности проследить партийные связи, выявить и привлечь его соучастников», тактика Камо сработает. Отвести душу, четырежды приговорить к смертной казни не поздно и второго марта, но затянуть намертво петлю уже нельзя. Вместо виселицы двадцать лет каторги. Не благородный дар, не милость «неожиданного покровителя» — отнято в борьбе.

Обитателям — весьма невольным — Метехского замка даровано в месяц раз отправлять вести родным. Камо возможности не пропускает.

Начало писем неизменное: «Здравствуйте дорогие, милые сестры!» Так же обязательны строки успокоительные, обнадеживающие: «Я жив, здоров и бодр до невозможности и ни в чем не нуждаюсь, так как даже чересчур заботятся обо мне тетка и сестры...», «У меня железная натура и все для меня нипочем». Лишь один раз после тяжкого желудочного заболевания малое изменение: «Я жив и немножко здоров, но очень бодр и не теряю надежды на лучшее будущее».

В одном из ранних писем — ноябрь тринадцатого года — неожиданное обращение к Джаваире, должно быть, в продолжение каких-то своих раздумий: «Больше же всего прошу тебя вести жизнь честную и нравственную, не увлекаться минутными наслаждениями, так как человека ничто так не разрушает и физически и морально, как безнравственность. Чтобы ты не подумала, что я проповедую аскетизм, я приведу примеры светских людей: Огюста Бланки, М. Бакунина, Н. Морозова и т. д. — все они томились по двадцать, тридцать лет в мучениях, но опять-таки благодаря своей воздержанности и нравственности они перенесли все и жили еще долгое время с юношеской бодростью и энтузиазмом».

Дозволенная семейная переписка — малые радости вперемежку с тревогами, опасениями; приветы, поклоны. Так до самого девятьсот пятнадцатого года. До письма совершенно особого, доставленного Джаваире отнюдь не тюремным ведомством.

Листок без подписи, почерк едва-едва похож. Вполне достаточно нескольких строк, чтобы никаких сомнений — Камо есть Камо.

В автобиографии Джаваиры: «После получения письма от Камо, в котором был изложен план освобождения его во время перевода из Тифлиса в Харьковскую каторжную тюрьму, мне поручил Тифлисский подпольный комитет выехать в Баку. Этап задерживался в Баку только два дня, времени для подготовки к побегу было очень мало».

Как назло, в эту мартовскую ночь в Баку неистовствует холодный, насквозь пронизывающий ветер. Тысячи острых гвоздиков-льдинок в лицо. Промерзшие улицы безлюдны. А Джаваире шагать двенадцать верст до нефтепромыслового поселка Балаханы. Там среди хаоса нефтяных вышек отыскать прижавшуюся к земле, наскоро сложенную из рыжеватых

и серых неотесанных камней рабочую казарму. Ту, в которой снимает закуток учительница Нушик Заварян. Своя, тифлисская, она давно связана с большевистским подпольем, отсидела в Метехах, лишена свидетельства о благонадежности. В Баку кое-как перебивается частными уроками, в этот вечер, усталая, разбитая, она вернулась домой совсем незадолго до того, как кто-то нервно забарабанил в окно. Выскочила, ахнула.

«Вай ме, Джаваира! Почему ты здесь?»

Уговоры отдохнуть, согреться, категорически отвергаются. Нельзя, некогда. «Камо везут в Харьков, в тяжелую тюрьму... Надо освобождать!»

Далеко за полночь, по оценке Нушик — скорее на рассвете, «мы вдвоем явились к Степану Шаумяну, разбудили его и посвятили в план Камо. Товарищ Степан выслушал нас спокойно, оделся и отправился сейчас же добывать деньги — своих не было совершенно. Ему удалось достать сорок рублей. Он поручил нам исполнить все в точности и не сомневаться в успехе начатого дела. Объяснил и где найти Бесо Геленидзе, участника одной из боевых дружин Камо.

Бесо сразу предложил свою помощь. Тут же распределили обязанности. Мы с Джаваирой на квартире доктора Елизаветы Сарумовой пекли пирожки с вареньем, с мясом, одинаково щедро начиненные снотворным порошком (порошок раздобыла у знакомых врачей Сарумова), Бесо приобрел костюм, белье, ботинки, пальто, шляпу — все, что необходимо для человека, сбросившего серый арестантский халат. Хуже с поисками тонких маленьких пилок — без них от кандалов не избавиться. Кто отказывает, кто говорит: «Приходи завтра», «Через два дня...» Кое-как добыта одна-единственная пилка. Ее мы запекаем в домашний хлеб. А в коробок спичек вкладываем несколько рублей и аккуратно оклеиваем акцизной бандеролью.

Втроем отправляемся на вокзал. Перрон оцеплен жандармами, переполнен шпиками. Все из-за Камо. Я обхожу кассы. Безднадежно — ни одного билета. Все наши просьбы к кассирам и публике уступить один билет для несчастной, потерявшей мать и сейчас не имеющей возможности попасть на похороны тщетны. Сочувствие выражают многие. Но всем необходимо ехать, билет никто не отдает.

Время уходит. Уже ведут заключенных. Камо шагает легко, бодро. Позванивают цепи от тщательно, до блеска начищенных кандалов. Конвойные солдаты всеми силами пытаются оттеснить публику. Это им не очень удается. Кавказцы — народ горячий, энергичный, главное, небоязливый. Я бросаю в Камо цветы, привлекаю внимание. Джаваира тем временем прорывается, сует брату сверток с хлебом и пятьюдесятью

пирожками.

Билета по-прежнему нет. Медный станционный колокол отбивает три удара. Свистит обер-кондуктор. Мы впихиваем насильно — с боем и плачем — Бесо в вагон, соседний с арестантским. Кондуктор пытается вытолкнуть его обратно. Поезд скрывается из глаз. Проходит неделя, на исходе вторая. Никаких известий».

Бесо делает все, чтобы как можно дольше отсутствовать. Слишком тяжело на душе. Невыносимо прийти сказать: «Удача отвернулась от нашего Камо. Совсем отвернулась самым обидным образом». Верно, очень смахивает на вмешательство злого рока из трагедии Софокла, неумолимо сводящего на нет, перечеркивающего усилия героя в момент, когда цель совсем-совсем близка.

Конвойные, отдав должное пирожкам, безмятежно спят. Камо отправляется в уборную. Без затруднений перепиливает кандалы на одной ноге, принимается освобождать другую. Треск. Единственная пилка переломилась! Все. Конец... В кандалах не спрыгнешь на ходу, не сойдешь чинно на остановке. Кое-как объяснив Бесо, стоявшему на площадке между вагонами, что произошло, Камо плетется к своим сладко спящим конвоирам. Они не скоро пробудятся. Полная возможность без помех, без окриков прижаться лбом к холодному железу оконной решетки. Думать, думать...

Уходит ночь. Отдаляются горы. Сменяется караул. В арестантском вагоне никаких происшествий. Отмененный порядок. В назначенный срок государственный преступник Семен Тер-Петросов будет доставлен в губернский город Харьков. Водворен в камеру номер пятнадцать второго отделения главного корпуса каторжной тюрьмы.

Подробностей никто никогда не узнает. Лишь то, что однажды услышит от Камо Софья Васильевна Медведева:

«Режим был ужасный. Что ни день, разыгрывались омерзительные сцены, свидетельствовавшие о свирепости нравов и духовном убожестве каторги... Постоянно приходилось опасаться начальства, ибо на всякое столь обычное при каторжном режиме оскорбление непременно ответил бы смертельным ударом, в ответ на который также получил бы пулю или веревку... Чтобы избежать столкновения с начальством из-за неснимания перед ним шапки и не поступиться в то же время своим самолюбием, выходил на прогулки всегда, даже в большие морозы, с непокрытой головой».

Тревожит Камо — все больше, серьезнее — судьба некоего Андрея,

жаждущего окончить университет с помощью Джаваиры. Действительно, готова ли она оказать всемерную денежную поддержку? В письме от пятого июля пятнадцатого года: «Я особенно просил бы вас постараться устроить дела Андрея как можно скорее, так как он любит все скоро или же начинает печалиться. Итак, чем скорее сдаст государственные экзамены и заработает денег».

Полгода спустя: «Получил, дорогая Джаваира, твое письмо и очень, очень рад твоему решению, что ты хочешь на свой счет дать возможность окончить университет. А что касается времени, то три или четыре месяца не очень много. Но только прошу, чтобы именно через четыре месяца была дана возможность окончить, а то всякое откладывание на учащихя вообще отзывается плохо, а на Андрее в особенности. Дорогая, благодарю за решение и желаю успеха».

Джаваира расшифровывает безошибочно: «Андрей» — сам Камо, «университет» — освобождение из тюрьмы, «денежная поддержка» — связи и деньги, нужные для побега.

В Тифлисе ничего успешного. Джаваира с благословения Кавказского бюро большевиков едет в Харьков. Видится с братом. Камо разочарован, обижен задержкой — «Андрей любит все скоро». В помощи более не нуждается. Сам, сам! По собственному превосходному плану стремится довести себя до состояния... покойника. Несколько раз в сутки пьет крутой настой махорки. Худеет, бледнеет. Когда окончательно достигнет нужного вида — это очень скоро, — он притворится умершим. Его выволокут в мертвецкую, а оттуда убежать легче лёгкого.

Не договаривает Камо чистого пустяка. Прежде чем снести умершего арестанта в мертвецкую, его для верности изо всех сил ударяют большим деревянным молотком по темени. Такую подробность Джаваира узнает от заведующего коробочной мастерской тюрьмы Вайна. Человек он на редкость любезный, сговорчивый. Трудно сказать, где кончаются добрые побуждения и дает себя чувствовать корысть. Так или иначе Вайн соглашается, если риск будет хорошо оплачен, способствовать побегу через его мастерскую.

Теперь Джаваире уговаривать, убеждать всегда трудно поддающегося Камо. Чтобы прекратил пить отравляющий настой, не так тщательно готовил себя в покойники. Довод решающий: «Ты всегда говорил, что наши жизни принадлежат революции...»

Джаваира возвращается в Тифлис, чтобы раздобыть деньги для Вайна. Обещает Камо сразу вернуться. Оба убеждены: время Андрею закончить свой университет. Силы на исходе. Пока что младшей сестре Арусяк после

нескольких попыток удастся узнать женевский адрес Миха Цхакая. Написать ему — давнее желание Камо.

«Дорогой и многоуважаемый друг товарищ Михо!

Во-первых, я извиняюсь, что Вас огорчил своим необычным арестом, но в этом я не виноват...^[48], а во-вторых, простите, что я не писал Вам, хотя я этого очень желаю и много, много хочу Вам сказать, но нет возможности. Я жив, здоров и очень бодр, только не достается свобода. И если выйду, думаю, что удачи будут, так как на воле есть старые преданные товарищи и мы вместе не будем знать неудачи. Кроме того, как я без них не могу делать дело, так и они без меня...

Пока до свидания, целую крепко. Вам преданный
Камо».

Многими усилиями деньги к концу лета 1916 года в Тифлисе собраны. Приобретен билет на пятое августа. За несколько часов до отхода поезда громкий, настойчивый стук в двери: «Вам телеграмма». Первая мысль: «Неужели Камо...» Джаваира торопится открыть. Жандармы, понятые. Обыск. Метехи... Почти в полном составе взят Кавказский центр большевиков, многие из актива. Чтобы никаких проявлений живой мысли в местности, объявленной на военном положении — в ближнем тылу огромного Кавказского фронта, протянувшегося от Южного (Персидского) Азербайджана до побережья Черного моря.

От Камо арест Джаваиры скрывают. Пишут — заболела воспалением легких. Тяжелая форма. Осложнения...

Житейская эта хитрость себя не оправдывает. В болезнь, длящуюся несколько месяцев, Камо не верит. На душе плохо. Как никогда, одиноко, горько.

«5 марта 1917 года. Здравствуйте, дорогие сестры! Вот что, дорогие: старый строй сменился новым. Но я ничего не ожидаю хорошего, так как люди, взявшие власть в свои руки, как мне кажется, неспособны что-нибудь сделать дельного... Дорогие! вы не переоценивайте момента и не волнуйтесь обо мне. Меня еще не выпустили, и я не знаю, выпустят ли, хотя всем известно, что все мои дела сделаны для революционных целей. Если, несмотря на все, меня не освободят, вы не хлопчите и не просите никого обо мне. Если они забудут меня, тем лучше для меня и тем хуже для них.

Только прошу, дорогая Джаваира, приехать ко мне возможно скорее, и если ты будешь обманывать меня обещаниями, как до сих пор, то имей в виду, что от меня более писем не получишь и я порву с вами всякие

сношения. Хотя порвать мне очень трудно будет, но что же делать, когда тебя не уважают как личность и жалеют, как несчастного брата. Эта жалость для меня большое оскорбление. Я замечал ее и до сих пор, но терпел и думал, что свидимся и поговорим. Это до сих пор под разными предложениями тебе не удалось. Я жив, здоров и очень, очень бодр. А денег Андрей не получал и говорит, что и не следовало присылать, так как не было нужно».

Это в понедельник, пятого марта 1917 года. А во вторник шестого, в один и тот же утренний час произойдут два события. Одного, в сущности, плана. На свободу выйдет большевик Камо. Покинет опекаемый им край наместник Кавказа великий князь Николай Николаевич. Рушатся основы. Быть великому смятению...

«Шло собрание. Говорили, что Камо приехал и должен прийти. Вдруг в задних рядах возникло движение. Камо! Ему жали руки, целовали его. Когда он вошел в более светлое место, заплодировали все — весь зал, президиум.

Камо был худ и бледен, голос был едва слышен. Его трудно было узнать даже мне, хорошо знакомой с ним не один год», — запись Ольги Вячеславовны Спандарян.

Близкий друг — Барон Бибинейшвили: «Физически Камо был почти сломлен. Иногда посреди беседы он застывал с недоговоренным словом на губах и с невыразимой скорбью смотрел куда-то вдаль. Особенно изнуряла его тяжелая болезнь желудка. Давал о себе знать настой махорки, который он пил в харьковской тюрьме».

И собственное признание: «Однажды, идя по мосту через Куру, я замедлил шаги. Снова возникла соблазнительная мысль: один прыжок вниз — и все кончено. До того слабым, больным и ни к чему не годным я чувствовал себя».

В один из майских дней Камо садится в поезд Тифлис — Петроград. Багаж необременительный. Несколько баночек с ореховым вареньем, миндаль, душистые травы. В старом доме на Широкой улице, приглушив голос, скажет Надежде Константиновне: «Пожалуйста, возьми. Тетка велела передать».

После встречи в Париже пять с половиной лет, далеко не каждому посильных. Множество событий, круто изменивших судьбу России: возрождение революционной большевистской партии, мировая война, низвержение царя... Камо жадно расспрашивает. Разговор перебрасывается с одного на другое. Владимир Ильич время от времени короткими репликами возвращает к самому существенному.

Ленин улавливает новое, раньше Камо абсолютно несвойственное — неуверенность в себе, сомнение, на каком поприще он может быть полезен в новых условиях. Ильич осторожно, возможно мягче втолковывает: надо восстановить силы, а дел интересных невпроворот, станет еще больше после взятия власти в близком будущем. Полечиться, прийти в норму — партийная обязанность. Манкировать никому не позволено. На Камо воздействовать можно только так — уважительно и непреклонно.

Уговариваются твердо. Немного Камо погостит в Петрограде.

Выступит на рабочих митингах, побывает на Первом Всероссийском съезде Советов. Потом — лечение. На Кавказе целебные воды в избытке.

На этот раз сама жизнь заботится, чтобы Камо сейчас в Петрограде прошел наиболее действенный курс психотерапии. В актовом зале кадетского корпуса, что на Первой линии Васильевского острова, он с наслаждением следит за схваткой на Всероссийском съезде Советов между красноречивым тифлисским меньшевиком Ираклием Церетели и Владимиром Ильичем. Лощеный, пылкий Церетели распинается: коалиция или анархия! В России нет политической партии, которая одна согласилась бы взять в свои руки полноту государственной власти... В то же мгновение Ленин восклицает: «Есть такая партия!» Еще раз повторяет, направляясь к трибуне: «Партия большевиков каждую минуту готова взять власть целиком!»

В день отъезда заключительный, мажорный аккорд. Народное шествие в воскресенье, восемнадцатого июня. Без малого полмиллиона рабочих и солдат неторопливо, с достоинством несут от окраин к Невскому проспекту и Дворцовой площади знамена всех оттенков красного цвета. На кумаче и бархате, золотом, белилами тысячи и тысячи раз, дабы никто не забыл, не спутал, не отступил, повторено:

«Вся власть Советам!»

«Долой 10 министров-капиталистов!»

«Хлеба, мира, свободы!»

«Рабочий контроль над производством!»

Ничего подобного видеть не приходилось. Такого никогда и не было.

Зарядка превосходная. Настроение заметно меняется, да и сил как будто побольше. Это не к тому, чтобы нарушить слово. Такого за Камо не водится. Уж раз обещано Ильичу...

Весь июль, половину августа Камо на минеральных водах в Уцера — в приветливых зеленых горах Рачи, вблизи Военно-Осетинской дороги. Поправился, утихли боли, голос окреп. Очень хочется в таком бравом виде предстать перед Владимиром Ильичем. Сказать ему: «Я снова тот, прежний Камо. Разрешите встать в строй!»

Тишина, безмятежный покой, увы, остаются в горах. Внизу, в долинах Грузии, на равнинах России все бурлит, клокочет. Доходит до точки критической. В полдень четвертого июля на углу Невского и Садовой, на Литейном проспекте казаки и юнкера залпами по рабочему шествию бесповоротно кончили с мирным развитием революции. Разгромлена редакция «Правды». Снова в подполье уходит Ленин. Командующий войсками Петроградского округа, генерал «дикой дивизии» Половцев не

постесняется, напишет: «Офицер, отправляющийся в Териоки с надеждой поймать Ленина, меня спрашивает, желаю ли я получить этого господина в цельном виде или в разобранном... Отвечаю с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу».

На Выборгской стороне, в доме № 37-в по Большому Сампсониевскому проспекту, открылся VI съезд партии. Полулегальный. Ставя на голосование тезисы о политическом положении, написанные рукой Владимира Ильича, Свердлов восклицает: «Ленин незримо участвует и руководит работой съезда».

В своем Манифесте съезд зовет: «Грядет новое движение и настает смертный час старого мира... Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!»

По тем же законам развиваются события, на Кавказе. Сроки только иные, более поздние — промышленных рабочих, за исключением Баку, немного, в деревне почти что феодальные отношения, население пестрое, многонациональное, искусственно разобщенное. К тому же командование Кавказской армии расформировывает большевистски настроенные воинские части, запрещает солдатские митинги, чтение газет, «подстрекающих к политической борьбе». Открыто формируются добровольческие «батальоны смерти», офицерский «Союз защиты отечества»...

Для определения тактики большевиков в этих особых условиях в Тифлисе в первых числах октября собирается Кавказский краевой партийный съезд. Участвуют также делегаты Кубани, Ставрополя, Новороссийска.

Камо с удовольствием слушает сообщение только что вернувшегося из Петрограда члена ЦК, его «узкого» рабочего состава, Степана Шаумяна:

«Наша задача — стать во главе революции и взять власть в свои руки... После 3–5 июля можно говорить лишь о завоевании власти, но не о переходе ее».

Энергично поддерживает резолюцию:

«...Съезд не закрывает глаза на то, что буржуазия и ее приспешники — Керенские, Церетели, бывшие и настоящие так называемые министры-социалисты, не сдадут без боя своих позиций. Но рабочий класс, солдаты, революционные представители крестьянства не должны останавливаться перед трудностями и жертвами и должны смело идти к завоеванию власти и спасению страны и революции от гибели.

...Съезд выражает твердую уверенность, что в ближайшем будущем рабочий класс России и революционное крестьянство своей новой революцией создадут возможность для товарища Ленина выйти из подполья и открыто занять свой пост вождя нашей партии, вождя великой русской революции».

...Первые вести о событиях в Петрограде доносятся до Тифлиса к вечеру двадцать шестого. В те часы, когда в Смольном Владимир Ильич докладывал съезду Советов Декреты о мире и земле. «Необычайная тишина, будто люди даже перестали дышать, — пишет один из участников съезда, — взрывается необузданным восторгом, вихрем и гулом аплодисментов, криками».

Вихри и гул аплодисментов, необузданный восторг царят также на многотысячном митинге рабочих и солдат в самом промышленном районе Тифлиса — Арсенальном. Камо в президиуме. Его подпись одна из первых под единодушно принятой клятвой.

«Установленное в Петрограде правительство Всероссийского съезда Советов депутатов является правительством рабочих, солдат и крестьян, в защиту которого мы клянемся стать железной стеной против всех сил контрреволюционной буржуазии и их вольных и наемных слуг — палачей народной свободы и народной власти».

Каждое слово клятвы отвечает чаяниям Камо — работника и солдата революции. Только действовать всем им, кавказским большевикам, придется наподобие армии, сражающейся в плотном окружении. Далеко-далеко от основных сил. Между Петроградом и Тифлисом возникнут владения украинской «самостийной Рады», контрреволюция захлестнет Дон и Кубань, станицы Терека. Дальше за Эльбрусом, Казбеком «свой» закавказский союз грузинских меньшевиков, азербайджанских мусаватистов, армянских дашнаков, правых эсеров, просто монархистов.

Противоестественный союз, хорошо оплачиваемый английской и французской военными миссиями, оптовым нанимателем и денежным мешком американским консулом Смитом. Его, Смита, деловая депеша в Вашингтон: «Премьер-министр Закавказья сообщил сегодня, что если его правительство^[49] не получит шестьдесят миллионов рублей немедленно, то власть может перейти к большевикам. Это будет величайшим несчастьем... Весьма безотлагательно в качестве предварительной меры следует, чтобы я был уполномочен ответной телеграммой представить в их распоряжение эту сумму. Я полагаю, что смогу обеспечить разоружение войск, возвращающихся с турецкого фронта, которые целиком являются большевистскими».

С конца ноября Тифлис на военном положении. Налеты на редакции и типографии большевиков. Аресты, расстрелы «при попытке к бегству». Совсем как в блаженные времена наместника. Со многими предосторожностями собирается Кавказский краевой комитет. Считает для себя совершенно обязательным честно признать: в обстановке более чем сложной, стремительно меняющейся, допускаются промахи, ошибки. Тактика не лучшая. Возникают расхождения во мнениях. Необходим совет Ленина. Его направляющее слово. Кто-то должен добраться до Петрограда. Взоры в сторону Камо. На молчаливый вопрос ответ немедленный, откровенно радостный:

— Я готов!

Отправляется Камо по Военно-Грузинской дороге, уже плотно забитой льдом и снегом. Во Владикавказе видится с Ноем Буачидзе и Сергеем Кировым. К ним, руководителям подпольной большевистской организации области Терского казачьего войска и Дагестана, особое поручение. Крайне важное для судеб Баку, усмирять который усиленно готовится вновь вынырнувший на поверхность генерал «дикой дивизии» Половцев. Теперь он командует всем «диким корпусом».

От Владикавказа маршрут доступный одному лишь Камо. На поездах, верблюдах, тачанках, санях. Неделю, вторую. И робкий вечерний звонок в квартиру Ленина.

Сейчас в обязанности Камо дополнить скудные строки доставленного письма. Владимир Ильич расспрашивает несколько вечеров. Сыплются самые неожиданные вопросы. Порой Камо виновато разводит руками: «Этого я не знаю, дорогой Ильич!»

Шестнадцатого декабря под председательством Ленина собирается Совет Народных Комиссаров. Доклад о положении на Кавказе наркома по делам национальностей Сталина. Для Камо он просто земляк-гориец Коба. Участников заседания смущает одно немаловажное обстоятельство. Кавказ отрезан, удастся ли доставить в Тифлис документы, деньги, хотя бы оповестить краевой комитет о принятых решениях? Владимир Ильич хитро прищуривает глаза. Произносит одно слово. Магическое. Камо!

Если бы Камо позволил себе ограничиться лишь обратной дорогой в Тифлис!.. Совесть, понятие о долге требуют большего, почти непосильного. Чтобы он, не задерживаясь, ринулся снова в Россию, принял участие в боях с дивизиями кайзера Вильгельма под Нарвой и Псковом. На правах равных со всеми красногвардейцами. Только Камо стреляет более метко, уверенно поражает цели — опыт девятьсот пятого года, обороны Надзаладеви...

«Глубочайшая трагедия!»

Так хорошо осведомленный Мартын Лядов оценивает внезапное решение Камо. «...Измученный, истрепанный каторгой, сумасшедшим домом, всей предыдущей боевой работой, он вдруг почувствовал, что его знаний, его подготовки недостаточно теперь, чтобы приносить революции ту пользу, какую должен был бы принести. Он верил, что при всей своей железной воле сможет подготовиться для более полезной задачи. Но решение его уйти на учебу далось ему нелегко. Всякий, кто встречал Камо в это время, знает, какой затраты сил ему стоила жизнь в Тифлисе в 1918–1919 годах, пожалуй, не меньшей, чем в то время, когда он морочил немецких докторов своим мнимым сумасшествием».

При его характере, беспощадной требовательности к себе иначе поступить невозможно. Нелегко, совсем нелегко придется и приглашенному в учителя старому знакомцу В. Цивцивадзе.

«Начали мы с ним, действительно, с азов. По арифметике — с простых действий, по словесности — с русской грамматики. Письменные работы в первое время ограничивались диктантом. Мы проводили вместе буквально целые дни. Для того, чтобы не терять времени даже на ходьбу, Камо перевел меня к себе почти на полный пансион. Комнату для меня он добыл рядом с тем домом, где жил сам.

Самым трудным для него был первый месяц. По всей вероятности, он это предвидел и потому настоял, чтобы занимался с ним именно я, а не кто-нибудь другой. Действительно, не будь с ним в это время близкого товарища, который уделял ему все свое внимание, он, может быть, и не выдержал бы...

С каждым месяцем Камо все легче и легче становилось работать, и к концу четвертого месяца мы одолели намеченную нами программу.

Труднее всего ему давалась русская грамматика и правописание. Но чем неприступнее была крепость, тем ожесточеннее и упорнее наносил ей удары Камо. Иногда он бывал занят чем-либо одним, а губы его шептали совершенно другое. «Что ты шепчешь, Камо?» — спрашиваю. Он улыбается и отвечает: «Это я склоняю существительное» — или: «Спрягаю глагол». Если ему приходилось куда-нибудь идти, он брал с собой книгу и дорогой повторял урок, Помню, мы до поздней ночи засиживались с ним в его маленькой комнате на Великокняжеской^[50] улице. Когда мне надоедали

сухие предметы, я иногда пытался отвлечься и перевести разговор на какую-либо постороннюю тему. Вначале он вспыхивал и оживлялся, особенно если тема касалась текущей политики или воспоминаний о подпольной жизни, но через несколько минут останавливал меня и, улыбаясь, говорил: «Не растравляй раны. Давай бросим, такие разговоры серьезно отвлекут меня». И мы возвращались к грамматике или к задачку Евтушевского.

Легче всего ему далась математика. Четыре действия арифметики мы прошли легко и быстро. Одновременно с дробями начали проходить геометрию, которую он полюбил больше остальных предметов. Доказывать теоремы стало любимым его занятием. В доказательства он вносил много оригинального и стремился избежать общеизвестных приемов.

Жил он в то время, как всегда, настоящим спартанцем: не курил совершенно, вина не пил, с женщинами не водился. Комната его была расположена на втором этаже над подъездом, в стороне от других комнат. Окна были открыты и днем и ночью. В комнате находились только самые необходимые предметы: стол, два или три стула и жесткая железная кровать. Вставал он задолго до восхода солнца. Занимался гимнастикой по системе Мюллера обливался холодной водой^[51] — только тогда брался за уроки. В середине лета мы прекратили занятия с тем, что он позовет на помощь кого-нибудь другого. Через некоторое время он действительно пригласил преподавателя, с которым позанимался полтора или два месяца. События нарастали с необычной быстротой. Фронт гражданской войны расширялся. И Камо еще раз окунулся в волны революции, мечтая утолить душившую его жажду деятельности».

Дело, как бы специально предназначенное для Камо. После падения Владикавказа в труднодоступных горах вместе с чрезвычайным комиссаром Юга России Серго Орджоникидзе осталось много раненых, обмороженных, больных тифом красноармейцев. Тех, кто выжил, надо успеть вывезти до нового наступления белых. У входа в ущелье Ассы главноначальствующий над Терско-Дагестанским краем генерал Ляхов сосредоточил пятнадцать тысяч отборных войск. Необходимо также доставить оружие, взрывчатку, партизанским формированиям Чечни, Ингушетии, Кабарды.

Камо действует крайне быстро. Его сестра Джаваира немедленно «выходит замуж», получает возможность совершить экзотическое свадебное путешествие. В качестве супруга — князь Чиковани, недавний блистательный командир Эриванского полка. Ангажирован за посильную для Кавказского подпольного крайкома цену.

«Мы с генералом Чиковани, — описывает Джаваира, — хорошо поколесили. Несколько вояжей предприняли в горную Ингушетию, куда меня особенно влекло. Там было много застрявших товарищей. Вывезли вполне благополучно. В одну из поездок, к общей радости, встретили добрых приятелей князя: генералов Шкуро и Мамонтова. Я была представлена как молодая супруга.

Генералы весьма сожалели о том, что из-за нездоровья я не могу вместе с ними отправиться смотреть Казбек. Шкуро, целуя руку, попросил меня спрятать его портфель. «Княгиня, эти важные документы я смею доверить только вам!» После их ухода я открыла портфель, чтобы узнать, какие бумаги так дороги Шкуро. В портфеле находился оперативный план деникинской армии. Сейчас же я перерисовала этот план на пергаментную бумагу. Позднее попросила своего князя просмотреть и проверить, правильно ли обозначены масштабы. За услугу Чиковани попросил дополнительной платы. Пообещала... В заранее условленный день встретилась с Камо в Пасанаурах, приехав туда якобы на пикник. Передала ему проверенный Чиковани план. Нетрудно было заметить, что Камо обрадован. По привычке, для порядка, сказал грозно: «Если план не точен, убью тебя!»

К весне девятнадцатого года через Хевсурский перевал на Северный Кавказ доставлено достаточное количество оружия, патронов, динамита. Серго, с февраля обосновавшийся в зажатом с трех сторон снежными горами ауле Верхний Датых, спустился в долину. Всего в двадцати верстах от Владикавказа — в Галашкинском лесу — собрал почтенных стариков.

— Советская власть прислала вам оружие и деньги. Возьмите и защищайте свой народ. Командиров партизанских отрядов выберите сами. Я верю вам как себе.

Никаких других слов не нужно. Достаточно пережито вместе. Порядок будет полный. По свидетельству генерала Деникина: «Не успели оглянуться, как аулы Северного Кавказа представляли собой кипящий котел». Теперь Серго можно тайными тропами двинуть в Тифлис, оттуда каким-нибудь способом в Москву, где его давно считают погибшим... При их последнем свидании в горах Камо, прощаясь, обронил: «Из Баку наши большевики отправляют в Астрахань лодки с бензином. Понимаешь, да?»

...В мутный, белесый полуденный час, когда Баку окончательно изнемогает от июньской жары и расплавленный асфальт, как пластырь, липнет к ногам, большой парусный баркас принял на борт шумную компанию мужчин и дам. Им не терпелось переправиться на открытый морским сквознякам Баиловый мыс. Предприимчивый хозяин посудины

вообще-то направлялся с грузом бензина и смазочных масел в ближайший персидский порт Энзели — промысел, пользующийся высоким покровительством англичан. Но за хорошую плату можно по пути на минуточку причалить и к Баиловому мысу. Благо дежуривший у баркаса таможенный чиновник, охотно опустив в карман хрустящую бумажку, относится вполне благосклонно. Даже участвует на стороне дачников в оживленном торге о цене за услугу...

Поднят парус. Баркас, провожаемый безразличными взглядами полицейских и тайных агентов, покидает гавань. Смех, шутки предвкушающих удовольствие дачников. Дамы раскрывают пестрые зонтики. Ни к чему! Через несколько минут вся компания окажется упрятанной в тесный трюм. Баркас круто развернется. Поспешит улизнуть в открытое море. Ни пикника, ни Баку... Всего-навсего небольшая инсценировка на ходу. В большой постановке режиссера Камо.

Из Тифлиса они выехали также вчетвером: Камо, Орджоникидзе с женой Зинаидой Гавриловной, бывшей с ним всю гражданскую войну, где, в каких бы положениях ни оказывался Серго. И только что освобожденная из Метех Варвара Джапаридзе. Ною Жордания стало все-таки стыдно держать в тюрьме вдову расстрелянного на бурых песчаных холмах Закаспия Алеши Джапаридзе, бакинского бессмертного комиссара. Благополучно минуют нескончаемые проверки пассажиров в поезде Тифлис — Баку. Без особых происшествий обходится и в самом Баку.

Анастас Микоян, возглавляющий подпольную коммунистическую организацию, знакомит с астраханским большевиком Михаилом Роговым. Тем самым «владельцем» баркаса. Из Астрахани он вместе со своим помощником, таким же отчаянным моряком, Иваном Дудиным доставляет московскую почту, ящики с оружием, инструкторов и деньги для Красной гвардии Ленкоранской Советской республики. Небольшой островок свободы на крайнем юге Азербайджана. По планам подпольщиков может стать базой для высадки десанта советских войск. Провал каждого рейса — смерть, виселица. Такая судьба ждет и Рогова в не очень далеком будущем. Его баркас захватит английский эсминец. Военно-полевой суд, казнь в тот же день. Пока для англичан Рогов стоворчивый, быстро богатеющий делец, постоянно курсирующий между Баку и Энзели — портами, одинаково находящимися под их властью.

Перед самым отплытием две плохие неожиданности. Провалился большевик, державший по заданию подпольного центра бакалейную лавку. Все продукты, запасенные для морской экспедиции, в загребущих руках мусаватистской охраны. С большим трудом заново достают немного риса,

черной икры и сухарей.

Второе еще более серьезно. У баркаса установлено круглосуточное дежурство таможенных чинов. Наведываются тайные агенты. Человек, вызывающий малейшее подозрение, исчезает бесследно. По такому поводу небольшая импровизация Камо...

Еще некоторое время баркас идет курсом на Энзели. Затем забирает мористее — на север к Астрахани. К своему, советскому берегу.

Радость приносит лишь день тринадцатый. До него мучительно трудно даже Камо. Должно быть, старый злой рок останавливает баркас в таком месте, где грозит наибольшая опасность нарваться на английские или деникинские сторожевики. Беспомощно повис на рее парус. Ни малейшего ветерка. Камо, взявший на себя обязанность каптенармуса и кашевара, ограничивает суточный рацион двумя стаканами пресной воды. Люди лежат молча, в полузабытьи, кто в трюме, кто на палубе.

По счету тринадцатый день пребывания в море. Ближе к вечеру. Безысходную тишину испугивает внезапный громкий крик Камо: «Всем ужинать!» Немногие головы слегка приподнимаются. Неудачная шутка или очередная галлюцинация? — небольшая, в сущности, разница...

Снова, снова властный приказ: «Всем встать на ужин!»

Особенно слабых сам выносит на верхнюю палубу. Усаживает вокруг котелка над таганом.

Сквозь неплотные еще сумерки видно — парус развернулся. Трепещет. Сильнее, сильнее. Ветер! Долгожданный попутный ветер.

Не раздумывая, не откладывая дальше, Камо из остатков риса варит некое блюдо, торжественно названное им «шилоплов». Угощает чаем без всякой нормы.

К полуночи ветер совсем крепнет. Гонит баркас на Астрахань. Еще несколько часов — и покажутся рыбацьи лодки. Подойдет катер, возьмет на буксир. Снабдит водой, хлебом, свежей рыбой. Обед будет и того шикарнее — в походном штабе командующего волжской флотилией.

Свою миссию Камо считает законченной. Сдав спутников Сергею Кирову, втискивается в первый поезд на север. С поезда, по привычке называемого пассажирским, пересаживается в воинский эшелон. Из эшелона просто на паровоз.

Нетерпение переполняет Камо. И уж никак невозможно, добравшись до Москвы, согласиться с дежурным в бюро пропусков у Троицких ворот Кремля: «Придется подождать до утра. Сейчас поздно. Товарищ Ленин закончил прием посетителей». Впоследствии Камо сам расскажет друзьям-кавказцам: «Я очень просил позвонить, сказать Владимиру Ильичу, что

приехал Камо. Дежурный — матрос-балтиец — тоже разволновался, вызвал по телефону секретаря Ленина и после небольшой паузы услышал голос самого Ильича: — Попросите ко мне товарища Камо сейчас же, немедленно!»

Ленин — Реввоенсовету республики:

«Я знаю одного товарища *досконально*, как человека **совершенно исключительной** преданности, *отваги* и энергии (насчет взрывов и смелых налетов особенно).

Предлагаю:

(1) дать ему возможность поучиться командному делу (принять все меры для ускорения, особенно чтения лекций и проч.).

что можно сделать?

(2) поручить ему организовать особый отряд для взрывов *etc. в тылу противника*»^[52].

Единственно, что Владимир Ильич начисто отклоняет, — это намерение Камо формировать свой отряд из опытных подпольных работников, коммунистов с дореволюционным стажем. «И не думайте — не дадим. На таких людях, как вы просите, работа в целых губерниях держится. По всем резонам надо бросить клич к партийной молодежи, детям рабочих».

Тут же решение. Первый предварительный отбор добровольцев за секретарем Московского городского комитета партии Владимиром Михайловичем Загорским. После с каждым беседует секретарь ЦК Елена Дмитриевна Стасова. Тех, кого она признает наиболее подходящими, знакомит с Камо. Запись добровольцев в количестве небольшом дозволяется и на Кремлевских пулеметных курсах.

С глазу на глаз в неприметном, скрытом в глубине сада флигельке при третьем ДOME Советов или просто прогуливаясь в тихом переулке, Камо ошарашивает вопросами: «Говорил о вызове кому-нибудь?.. Пил ли когда-нибудь вино?.. Что такое любовь?.. Кем хотел бы стать?..»

Комсомолке Анне Литвейко:

— Безобразие! На кого ты похожа? Зачем подстриглась?

Анна, более всего уповающая на то, что ее боевой вид убедит командира отряда в пригодности для опасного дела, выпаливает:

— Все теперь ходят так!

Камо, загораясь:

— Кто ты, женщина или мужчина? Какая глупая мода!.. — Потом участливо: — Работа опасна. Почему дала согласие? Может, одумаешься? Не поздно еще отказаться.

— Я давно просилась на фронт. Считаю, что там мое место.

— Подумаешь, фронт! Фронт — это просто. Тут стреляют, там стреляют. Может, не попадут. А тут среди врагов надо жить. Уметь держаться, чтобы никто не понял, да еще вредить им... Запомни адрес, где меня найти. Записывать ничего нельзя!

Разговор с более старшим годами Романом Разиным-Аксеновым:

«Камо долго беседовал со мной о моей родословной, подробно расспрашивал о революционной деятельности в Октябрьские дни. Но когда он узнал, что единственным родственником у меня является мать, он многозначительно покачал головой:

— Ай-яй-яй, одна мать, бедная мать. Пожалей ее. Ведь ты не вернешься, будешь убит. Понимаешь?

— Ну не обязательно должны убить, — ответил я.

— Нет, обязательно. Ты сам себя убьешь.

Такая постановка вопроса, прямо скажу, меня очень озадачила, и я задумался: «Как же так — я себя должен убить? С какой стати? Зачем?» Мне это непонятно было. Камо, видимо, понял ход моих мыслей и продолжал:

— Понимаешь, нужно взорвать штаб. Привяжу тебе вот сюда, — он показал рукой на мой живот. — бомбу, пойдешь в штаб врага и взорвешься с ней. Страшно? А?

— Нет, — не подумав, сразу ответил я.

— Э-э-э, зачем неправду говоришь? Почему не страшно? Нет таких людей, которые смерти не боятся. Всем страшно, до последней секунды смерти страшно. Подумай лучше и мать пожалей.

Он выговорил это быстро, с ярко выраженным кавказским акцентом и усиленно жестикулировал обеими руками. Его протяжные «э-э-э!..», «понимаешь», «почему» и неправильное произношение многих русских слов едва удерживало меня от улыбки. Но когда я ему сказал, что я уже сутки думал, и что мне теперь все ясно, и я не остановлюсь ни перед какой опасностью в тылу врага, он сказал:

— А все-таки мать надо жалеть, подумай!»

Отбор закончен. В тихом флигеле весь отряд. Первый день на то, чтобы оглядеться, познакомиться. На второй — вовсе непредусмотренное Камо. Бунт. Возмущение против господских, почти что контрреволюционных замашек командира. «Вся страна на голодном пайке, а мы, как буржуи, объедаемся!» На завтрак — икра, сыр, каша с маслом, чай с сахаром. На обед два мясных блюда, кисель, хлеба сколько угодно. На ужин тушеное мясо, картофель, чай и белый хлеб. Возмутительно!

Камо сначала принял отправленную к нему делегацию, затем скомандовал общий сбор.

— Вы уже знаете, где предстоит нам бывать, — в офицерской среде, в гостях у купцов, священников. Так кто же поверит в ваше «благородное происхождение», если на вас одна кожа да кости? Разведчик обязан быть сильным, ловким, выносливым и сытым. Понимаете, да?

Приказ разучивать модные танцы, правила хорошего тона (девушкам дополнительно занятия по косметике и подбору туалетов — в качестве учебника с трудом добытая книжка «Элегантная женщина») принят без ропота. Хотя и с некоторой долей тоски...

Военная обстановка требовала быстроты действий. Начатое было контрнаступление войск Южного фронта на армии Деникина желанных успехов не приносило. Конный корпус Мамонтова прорвался в тыл советских частей.

Третьего сентября после новой встречи с Камо Ленин на бланке Председателя Совета Рабочей и Крестьянской обороны пишет:

«Удостоверение

Предъявитель сего, тов. *К. Петров*^[53], имеющий билет № 483 (по 1. X 1919) на пропуск в здание ЦИК и работающий в одном отделе ЦИК.

Лично мне известен.

Прошу все советские учреждения, военные и прочие власти оказывать тов. К. Петрову *полное* доверие и всяческое содействие.

Предс. Сов. Обор.

В. Ульянов (Ленин)»^[54].

На заре следующего дня Камо подымает отряд. Долго едут на грузовиках. Потом, оставив машины на опушке, шагают по просекам, по тропинкам — изрядно углубляются в старый лес. Здесь последние перед выступлением на фронт стрельбы. Каждый стремится показать себя с лучшей стороны, не уступить в меткости командиру, запросто всадившему в одну точку все пули из своего маузера. Камо не препятствует. Напротив, подбадривает, подстрекает: «Правой рукой всякий сумеет. Ты левой, левой!»

Незаметно истрачены полностью патроны. Волей-неволей занятиям конец. Девушки стелют чистую холстину. Парни открывают консервы, нарезают хлеб. На аппетит никто не жалуется. За едой, как всегда, завязывается шумный разговор. Подтрунивают друг над другом. Вносит свой вклад Камо, мастер веселых розыгрышей...

Если бы кто предвидел заранее, позаботился выставить часовых!

Спохватываются безнадежно поздно. Когда возникают из-за деревьев, быстро набегают какие-то разъяренные люди в военной форме, кажется — царской России. Винтовки наперевес. Брань, крики: «Руки вверх!.. Ни с места, красные гады!.. Не шевелись, красная сволочь!»

Еще можно успеть рывком достать револьверы. Бесполезные. Пустые, без патронов. Нет даже того последнего, что привычно, годами Камо берег для себя... Он неузнаваем. Сник. Замер на пеньке, понутив голову.

Этаким фертотом, поигрывая плеткой, на передний план выходит смуглый полковник. Ухмыляется.

— Ну-ка, голубчики, представьте своего комиссара!

Никто не отзывается. Полковник внимательно оглядывает всех. Взгляд задерживается на Камо. Он выглядит более старшим годами. На нем кожаная куртка, галифе, отлично начищенные сапоги.

— Начинайте с этого типа! — полковник тычет плеткой в грудь Камо.

Солдаты поднимают Камо. Бьют в спину прикладами. Уводят. Трещат ружейные выстрелы.

Конвоиры возвращаются. Делят сорванную с Камо одежду. Никаких сомнений: отряд — легкая добыча белой банды, вероятно мамонтовцев. По своей прихоти полковник одних приказывает расстрелять, других повесить.

Очередь Разина-Аксенова. Его отводят, ставят у дерева. Чуть в стороне распростертый у сосны Камо. Изорванная рубашка залита кровью. Никого другого из ранее уведенных не видно. «Побросали в овраг», — мелькает мысль. Солдаты подымают винтовки, целятся. Команда полковника: «Отставить!»

Голосом самым ласковым:

— Дорогой, видишь, что тебя ждет? Надеюсь, будешь благоразумнее. Расскажи, что это за отряд, есть ли здесь поблизости красные войска? Ну!

Исчерпывающий ответ коммуниста:

— Ничего не скажу!

— Не скажешь?! — удар плетью. — Расстрелять!

Снова подняты винтовки.

— По изменнику веры, царя... Отставить!.. Повесить его!

Накинута на шею петля. Один солдат держит, двое тянут веревку... Нечем дышать... Уходят остатки сознания...

В нос ударяет острый запах нашатырного спирта. Парень открывает глаза. Над ним склоняется невредимый, веселый Камо. Целует.

— Понимаешь, испытание было!

Протягивает руку свирепый полковник.

— Молодец, отлично держался!.. Рад познакомиться — Георгий

Атарбеков, чекист...

Идея, продиктованная наилучшими побуждениями, от того не менее жестокая. Никогда Камо не покидавшая.

В двенадцатом году Мартыну Лядову: «Придем к тебе, арестуем, пытать будем, на кол посадим. Начнешь болтать: ясно будет, чего ты стоишь. Выловим так всех провокаторов, всех трусов».

И несколько недель назад перед отъездом из Баку Анастасу Микояну: «Хочешь, я останусь здесь, не поеду с Серго. Буду проверять наших работников в Ленкорани. Они далеко, кругом белогвардейцы, могут изменить, оказаться предателями. Как, доверяете? Я поеду с бакинскими коммунистами, переоденемся в деникинскую форму. Ночью неожиданно захватим ленкоранских руководителей, поведем их как будто бы на расстрел. Кто струсит, попросит пощады или начнет выдавать, тех в самом деле уьем. Перед верными товарищами извинимся. Поймут: проверка страхом, потом абсолютное доверие».

Сейчас ко всем прошлым мотивам прибавляется крайняя тревога за успех отряда, за жизнь молодых коммунистов. Сам достаточно пострадавший от донесений провокаторов, от «чистосердечных признаний» отступников, он готов на крайние меры. Лишь бы уберечь своих бойцов — в его мыслях воспитанников, продолжателей — от ударов в спину. Ударов смертельных в условиях, в которых отряду придется действовать.

Во благо или во вред в эти дни в Москву приезжает смелый, порой излишне решительный, категоричный в оценках чекист Георгий Атарбеков. Давно знакомые по нелегальной партийной работе, оба весьма симпатизируют друг другу. Сейчас Атарбеков охотно берется сыграть роль отпетого злодея — белогвардейского полковника.

Результатами экстраординарной проверки оба более чем довольны. В отряде, за исключением одного-двух, превосходные парни и девушки. Твердые в своих убеждениях, волевые, бескомпромиссные. Пополнение, с которым ветеранам надежно идти в разведку, в атаку, в решительный бой. Не обходится также без разоблачения подлинного вражеского лазутчика — ловко засланного иностранного разведчика.

Назавтра или на третий день разговор о происшедшем с Владимиром Ильичем. Отнюдь не по инициативе Камо. Не на радость ему. По строгому требованию Ленина.

— Отчитал меня как следует, — не скрывает Камо. — Я ему говорю — понимаете, Владимир Ильич, шпиона поймал. Он задумался, потоки говорит: все равно нехорошо, нельзя так делать. Другое нужно было

придумать, есть нормальные способы проверки людей.

В немногие дни сентября. Сразу после выгрузки отряда из теплушек. Прорыв фронта превосходящими силами Деникина. Неудачные оборонительные бои. Падение Курска. Предопределенное нераспорядительностью военного командования, бестолковщиной, дезорганизованностью. Обо всем этом Камо докладывает на заседании Оргбюро ЦК двадцать четвертого числа. Вскользь упоминает, что оставался с отрядом в Курске, вел уличные бои уже после ухода всех других частей. Нельзя лишать людей возможности защищать свое родное!

После Курска к отряду примыкают отбившиеся от полков пехотинцы, пушкари с исправным трехдюймовым оружием и запасом снарядов, конники. Вместе со своими набирается до пятисот бойцов. Раздобывают тачанки для пулеметных расчетов. Налаживают обоз. В наилучшем виде выступают в сторону Малоархангельска, небольшого городка Орловской губернии.

Отправленная вперед разведка доносит: «Советские учреждения эвакуированы... Белых еще нет». Подходяще. Помощник Камо Сандро Махарадзе раздает припасенные впрок погоны и кокарды. На рысях в городок влетает кавалерия. Подтягиваются стрелки. Священник и владелец хлебного лабаза приветствуют дорогих освободителей. Попозже, когда стемнеет, объявятся доносчики. В трясущихся руках списки скрывающихся советских работников, местных коммунистов. Велено будет доставить всех обязательно живыми, непокалеченными. Для строгого, конечно, допроса.

Ночь проходит без особых событий. Всего небольшие перестрелки со слишком оторвавшимися от своих белогвардейскими разъездами. Утром пораньше драгуны — так бойцы Камо именуют себя — снимаются на село Александровку. Восемь верст на север. Дома, постройки на взгорье. Внизу мощная дорога на Орел. Ее не миновать деникинским подкреплениям. По обе стороны в засаде пулеметы. За кладбищенской оградой пушка. Позади в укрытии кавалеристы, тачанки с запряженными конями. На ветряной мельнице Сандро с наблюдателями. Теперь только побольше выдержки...

Приближается, нарастает цокот копыт. «Едут!» Пальцы впиваются в гашетки пулеметов. Скоро, скоро... Сейчас!

«Ого-о-онь!!»

Разом хлещут пулеметы. Ударяет пушка. Вступают в дело стрелки...

«Одни стреляли прямо в лоб, другие прицельным огнем били по

середине и по хвосту колонны, — описывает Разин-Аксенов. — Лошади становились на дыбы. Всадники, выброшенные из седла, с распростертыми руками летели на землю в самых разнообразных причудливых позах. Началась безумная паника. Мы вперебежку продвинулись вперед метров на 150, залегли и снова открыли огонь».

Перехваченная на станции Сорочьи Кусты телеграмма белых: «Алексеевский полк разбит наголову. Нужна немедленная помощь».

Пока еще недолгий проблеск солнца на небе, густо затянутом тучами. «Добровольческая армия» взламывает весь центральный участок фронта, прикрывающий подступы к Москве. Вслед за Курском оставлены Воронеж, Орел. Бои на подступах к Туле. Буря, по оценке Ленина, достигает бешеной силы. Опасность есть величайшая, никогда не было такой.

Центральный Комитет партии изыскивает добавочные возможности. Среди всего другого переброска боевиков Камо в глубокий тыл Деникина. Для действий особых.

Камо отбирает шестнадцать человек. Тех, кто ему особенно дорог. Весьма-весьма несхожих: Абол Иван, 24 лет, коммунист с 1917 года, рабочий, латыш; Александр — псевдоним Высокий, — коммунист, грузин; Благовещенский Дмитрий, 19 лет, коммунист с 1918-го, русский; Казаринов Андрей, 20 лет, коммунист с 1919-го, из крестьян, русский; Куталадзе Павел, 18 лет, беспартийный, из крестьян, грузин; Литвейко Анна, 20 лет, коммунистка с 1917-го, работница, русская; Манучаров Михаил, из ветеранов партии, рабочий, армянин; Махарадзе Сандро, 23 лет, военный, коммунист с 1916-го, грузин; Новикова Анна — псевдоним «Иван Иванович», — 19 лет, коммунистка с 1918-го, из крестьян, русская; Новиков Иван, 25 лет, беспартийный, матрос, чуваш; Папьян Ася — псевдоним Сатана, — 19 лет, коммунистка с 1918-го, учащаяся, армянка; Разин-Аксенов Роман, 21 года, коммунист с 1917-го, рабочий, белорус; Страдзин Петр, 19 лет, коммунист с 1918-го, рабочий, латыш; Фролан Николай (Донской), 20 лет, коммунист с 1918-го, шахтер, украинец; Хутулашвили Владимир, большевик-подпольщик, грузин; Щетинников Михаил, 19 лет, коммунист с 1917-го, рабочий, белорус.

В срок весьма короткий по этим временам — за восемь неполных суток — добираются до Астрахани. Сразу к Кирову. После взаимных беспорядочных расспросов о Москве, Кавказе, фронте, общих друзьях Сергей Миронович протягивает письмо, только что доставленное из Баку. От Кавказского подпольного крайкома.

«Ради всего, шлите, если есть какие-либо возможности, оружие, патроны в большом количестве... От этого зависит дальнейшее развитие

начавшегося движения. Это пишут не увлекающиеся юноши, а люди, которые прекрасно понимают, какое движение начинается сейчас на Кавказе. Надо использовать со всей энергией месяц, оставшийся до закрытия навигации, чтобы снабдить нас деньгами и оружием. Англичане хорошо учли, какая угроза Деникину движение на Кавказе, и они возвращаются назад...»

У Камо один-единственный вопрос:

— Сколько груза сумеет взять рыбацкая?

Выбор падает на рыбацкий парусник «Гурьевка». Вместительный, легок в ходу, имеет двойные борта — тайник относительно надежный. Команда из моряков, побывавших во многих переделках.

Снимается «Гурьевка» праздничным вечером седьмого ноября. С двенадцатифутового рейда в устье Волги. На случай встречи с английскими или деникинскими сторожевиками версия не слишком сомнительная: наследники богатых астраханских купцов, рыбопромышленников, подкупили команду, бегут из красного ада... Втайне Камо больше рассчитывает на то, что в минуту неодолимой опасности, когда ни одного шанса выпутаться, он успеет взорвать судно. Заряды припасены в подходящих местах — у ящиков с динамитом.

Каспий также верен себе. Сразу встречает полным силы осенним штормом, ураганным ветром. Волны шутя накрывают палубу, запросто взбегают на мачту. Порой парусник, будто вздыбленный конь, становится почти вертикально. Только для того, чтобы в следующие секунды зарыться носом в пучину... При невольном сравнении та июньская экспедиция с Серго, с уже покойным Роговым не более как морская прогулка!

На пятые сутки не выдерживает, переламывается у основания мачта. Ее тут же смывает за борт. Веревки крепления не дают ей уйти на дно, она тянется за рыбацкой. Когда притомится шторм, все мало-мальски способные справиться с морской болезнью впрягутся, возвратят мачту на место. Еще плыть и плыть.

Киров в ЦК Стасовой: «...С грузом тов. Камо рискованно до крайности, и мы до сих пор не имеем точных сведений — прибыл Камо или нет. Как только эти сведения получим, сообщим Вам телеграфом: «Камо прибыл».

В ночь на двадцать второе ноября рыбацкая у острова Жилого. Причаливать рискованно. По словам моряков, на острове заставы, поблизости курсируют сторожевики. Надежнее идти к необитаемому островку Булло — миль на тридцать южнее Баку. Людей на пяточке среди моря действительно не оказывается. Зато великое множество змей. На

берегу, особенно в пещере, облюбованной для укрытия оружия, цинков с патронами, ящиков со взрывчаткой. Приходится сначала охотиться на змей, потом запихивать их в мешки, вывозить в море. Иначе остается слишком наглядный след — дорожка из убитых змей от моря к пещере.

Еще сутки на то, чтобы Камо пересел в море на попутную шлюпку, доплыл до Баку. Остальное возьмут на себя заждавшиеся бакинцы. Доставят боевиков в гавань, развезут по конспиративным квартирам. На Молоканской улице, в доме номер три, покажут мастерскую Сергея Мартикяна — слесарные, лудильные, паяльные работы. В качестве фирменной эмблемы в витрине никелированные самовары. Если число нечетное, открывай дверь с колокольчиком — в задних полутемных комнатах ожидает Камо. С ним члены Кавказского крайкома Мирза Давуд Гусейнов, Виктор Нанейшвили, Гамид Султанов.

Камо в своей родной стихии. Его боевые группы проникают в Дагестан, Чечню, Грузию. Доставляют партизанам оружие, деньги, литературу. Ведут разведывательную работу. Выполняют особые поручения по взрывам штабов белых. Многих разных штабов. Не добираются лишь до главного, где сам Деникин. Отступить от давно выношенного плана выше сил Камо. В равной степени не берется во внимание ни огромная польза уже сделанного, ни то, что обстановка коренным образом изменилась и на фронтах, и в тылу белых. Враг смертельно ранен, близок конец.

Толчком самым непосредственным к новому броску служит известие об освобождении Ростова. Ничто дольше удержать Камо не может. Быстрее в Новороссийск. Там, по добытым сведениям, ставка Деникина.

Об исходе можно строить различные предположения, гадать так и этак. План взрыва ставки и реален и фантастичен в равных дозах. В прошлом Камо удаются вещи более невозможные. А сейчас все кончается, собственно, не начавшись. Не в Новороссийске, всего на тифлисском вокзале. Наглухо замыкается круг из тайных и явных сотрудников особого отдела правительства меньшевиков. Можно только усмехнуться, бросить презрительно:

— Ладно, хватит! Не бойтесь, нет у меня бомб, нечего в вас бросить, пойдемте!

С пятнадцатого января девятьсот двадцатого года Камо в Метехах. Тюрьма, совсем как в былые времена, переполнена большевиками. Самыми уважаемыми. Здесь Миха Цхакая, Филипп Махарадзе, Георгий Стуруа, Миха Чодришвили, Сергей Кавтарадзе. Более двухсот партийных работников.

«Вне всякой очереди Москва Предсовнаркома ЛЕНИНУ, копия ЦЕКА

Стасовой.

Краевой комитет сообщает, что в Тифлисе арестован товарищ Камо. Условия ареста неизвестны, но сообщают, что освобождение сомнительно. Полагаю, что арест находится в связи с общими массовыми арестами, происходящими в связи с последним восстанием. Арестованными переполнены все тюрьмы и участки. Правительство действует по указке англичан. Нр. 742.

Член Реввоенсовета XI *Киров*».

Достаточно откровенно об этом говорит Камо сам министр внутренних дел меньшевистского правительства Ной Рамишвили. Было время, когда оба они — Камо и Рамишвили — сообща печатали прокламации в подпольной типографии. Вместе готовили митинги... Теперь Камо через сестру Сундухту отправляет министру Рамишвили лаконичное послание: «Отпустите меня и моих товарищей, иначе я сам уйду, убегу. Но тогда вам всем не поздоровится, я буду жестоко мстить».

Перепуганный министр является без промедления. Спешит к Камо в угловую камеру номер двадцать четыре. Просит сочувствия. Никак нельзя ему пойти против англичан. От них строжайший приказ, чтобы ни один большевик не оставался на свободе. Тем более Камо!

Столь бедственное положение министра сочувствия у Камо почему-то не вызывает. Он неумолимо повторяет свое: или он будет немедленно освобожден (с ним вместе и три девушки из его группы), или беспощадная месть: «Ты, Рамишвили, мое слово знаешь!»

И министр Рамишвили, и глава правительства Джордания хорошо знают: слово Камо не пустая угроза. К тому же сохранить его арест в тайне не удалось. В Главных мастерских железной дороги, в Арсенале, почти на всех тифлисских фабриках рабочие шумно выражают возмущение. В Надзаладеви дважды пришлось силами «народной гвардии» разгонять митинги протеста. Не безопаснее ли будет...

Второй визит Рамишвили к Камо заканчивается приемлемо для обоих. Министр предлагает: «Куда хочешь поезжай, что хочешь делай, только в двадцать четыре часа покинь Грузию. Ты и твои люди!..»

В Баку Камо ждет масса новостей. Желанных и горестных, как всегда в жизни. Подпольный большевистский центр недавно принял решение о вооруженном восстании. Самое деятельное участие в подготовке принимают молодые воспитанники Камо. Они формируют рабочие дружины, доставляют оружие на тайные склады. Абол, Новиков и Разин-Аксенов у подъезда военного министерства забросали бомбами делегацию войскового круга Дона, Кубани и Терека, прибывшую для заключения

союза с мусаватистским правительством. Иван Новиков, прикрывая товарищей, не успел скрыться. Его несколько суток зверски пытали, требуя, чтобы он назвал «сообщников», явки. Ничего не добившись, повесили.

Камо с головой уходит в самую желанную для него работу. Он главная сила в штабе восстания. В полдень двадцать седьмого апреля делегация бакинских большевиков и рабочей конференции предъявляет ультиматум правительству: немедленно сдать власть, распустить «парламент». Камо тем временем двигает рабочие дружины с нефтепромыслов — из Черного города, Биби-Эйбата, Сабунчей, Балахан — к центру Баку. Они занимают все правительственные учреждения, ключевые позиции на случай сопротивления.

На Николаевской^[55] улице, в особняке «Исмаилии», лихорадочно заседает «парламент». Зал переполнен нефтепромышленниками, дельцами, беками, ханами. К прискорбию, пустуют лишь особо почетные места, обычно занимаемые представителями английской военной миссии. Высокие покровители уже отплыли к иным берегам...

Оглашается телеграмма, недвусмысленно напоминающая: «Ваш час пробил, господа». Телеграмма из Баладжар — ближайшей к Баку железнодорожной станции: «С бронепоезда высадился красный десант».

Связь с Баладжарами первым устанавливает Камо. Помнит Анастас Микоян: «Ночью из Баку мне позвонил Камо и сообщил, что наши товарищи предложили азербайджанскому правительству под угрозой восстания мирно сдать власть коммунистам. Те, видя боевое настроение бакинских рабочих, а также узнав о занятии Баладжар нашим бронепоездом и общем подходе частей Красной Армии, решили выполнить требование. В ночь на 28 апреля они освободили из тюрьмы всех арестованных большевиков и сдали власть. Попросту говоря, мусаватистские министры разбежались...

К шести часам утра 28 апреля наш бронепоезд благополучно прибыл на Бакинский вокзал. Встречал нас Камо. Вместе с ним поехали на автомашине к зданию азербайджанского парламента, где уже несколько часов заседали члены Военно-революционного комитета».

Подоспели и Орджоникидзе с Кировым. Встреча старых друзей не обходится без спора между Камо и Серго. Орджоникидзе просит своего бывшего наставника, того, кто посвящал его в строгие правила конспирации, учил разбрасывать листовки во время спектаклей в тифлиссских театрах:

— Пожалуйста, генацвале, сходи побрейся и сразу возвращайся. Выступи перед народом. Тебя уважают.

Камо сердито машет руками.

— Что говоришь? Какой я оратор?!

Исчезает. Не приходит ночевать в квартиру, отведенную ему, Кирову и Серго на втором этаже плоскокрышего дома № 16 по Будаговской улице.

Разыскать Камо удастся лишь утром 1 мая на площади Свободы. Кинувшемуся к нему Серго он исчерпывающе объясняет:

— Ва, ты, кацо, никуда не денешься. Сейчас интересно с людьми поговорить. С тобой — потом.

Запись Максима Горького об одном своем разговоре с Камо:

«О своем романе он говорил с тем лиризмом страсти, который доступен только здоровым, сильным и целомудренным юношам:

— Она замечательная! Доктор, понимаешь, и все знает, все науки. Она приходит с работы и говорит мне: «Что такое? Не можешь понять? Так это очень просто». И верно! Очень просто! Ах, какой человек!

...Он делал неожиданные паузы, трепал руками густые курчавые волосы на голове и смотрел на меня, молча спрашивая о чем-то.

— Ну, и что же? — поощрял я его.

— Вот видишь, как... — неопределенно сказал он, и нужно было долго допрашивать его, чтоб услышать наивнейший вопрос:

— А может быть, не надо жениться?

— Почему?

— Знаешь — революция, учиться надо, работать надо, враги кругом, — драться надо!

И по нахмуренным бровям, по суровому блеску глаз ясно было, что его очень сильно мучает вопрос: а не будет ли женитьба изменой делу революции?»

О том же — избранница Камо Софья Васильевна Медведева в набросках воспоминаний, пока не увидевших света:

«Когда мы с Камо решили оформить наши отношения, он предупредил меня, что регистрируется со мной как советский гражданин. Как член партии он жениться не может, потому что он вечный жених революции и никаких других обязательств брать на себя не может.

Такое отношение к браку со стороны всякого другого показалось бы странным. Но для Камо, этого чрезвычайно своеобразного человека, который уже однажды в расцвете своих двадцати девяти лет отказался от счастья семейной жизни со страстно любимой им девушкой-гречанкой и разлуку с которой горько оплакивал; такое отношение, говорю я, к личной жизни было для него вполне последовательным.

Это была цельная натура. Все, что было лучшего в нем, он безраздельно и навсегда отдал партии.

Зарегистрировались мы с ним 13 ноября 1920 года. Свидетелями нашими были приглашенные Камо Алексей Максимович Горький и Александр Михайлович Игнатъев, член Петербургской боевой организации

большевиков в 1904–1906 годах; с моей стороны была моя коллега — доктор Маневич.

Жили мы с Камо в той самой комнате, которую он описал в одном из своих сочинений, заключенных в зеленой тетради. Эту комнату украшал большой портрет литератора-демократа Владимира Васильевича Стасова — отца моей матери, и портрет тетки ее — Надежды Васильевны Стасовой, известной своей упорной и длительной борьбой за введение в царской России высшего женского образования. Серебряная чернильница, которой пользовался Камо, была подарком знаменитого художника И. Е. Репина моему деду.

Первую половину дня Камо занимался с преподавателями, потом работал сам. По совету Владимира Ильича Ленина он готовился к поступлению в военную академию. В свободное время мы с ним читали произведения русских и иностранных классиков. Однажды на вопрос одного товарища, как могли сойтись такие разные люди, как он и я, Камо ответил словами шекспировского Отелло: «Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье к ним».

Камо любил музыку и охотно слушал мое незатейливое исполнение пьес из произведений Баха, Шумана, Шопена и Грига. У нас несколько раз в зиму бывали музыкальные вечера, где исполнителями классической камерной музыки были солидные артисты. После одного из таких вечеров Камо высказал суждение, которое в устах человека, не искушенного в музыке, приятно поразило меня. «Ты знаешь, — сказал он мне, — траурный марш Бетховена мне кажется более значительным и глубоким, чем траурный марш Шопена».

...Обаятельная личность Камо и его общительность были причиной того, что у нас собиралось много народу. У нас бывали Леонид и Борис Красины, Александр Александрович Богданов с женой, Анатолий Васильевич Луначарский, Максим Максимович Литвинов. Очаровал всех своей прелестной улыбкой Сергей Миронович Киров. Часто появлялись кавказские товарищи Камо. Остановливалась у нас Мария Федоровна Андреева, наезжавшая по делам из Петрограда в Москву. Приходил к нам и Алексей Максимович Горький. В первый же приход он вспомнил, что в 1905 году жил в этой самой квартире у артиста В. И. Качалова и охраняли его, Горького, молодые грузины-боевики из дружины актера тифлисской драмы Васо Арабидзе.

Как сейчас вижу взгляд больших, выразительных глаз Камо, обращенных с любовью и восхищением на великого русского писателя. Со своей стороны, и Алексей Максимович как-то особенно чутко и бережно

относился к нему. Они вели длинные беседы о прошлом и настоящем.

В годы моей совместной жизни с Камо он неоднократно посещал Владимира Ильича, Надежду Константиновну и Марию Ильиничну, относившихся к нему с неизменной симпатией. Однажды Владимир Ильич и самолично побывал у нас...»

Около девяти часов вечера в среду, двадцать седьмого октября 1920 года, Камо из Кремля звонит Софье Васильевне:

— У нас сейчас будет гость. Фамилии назвать не могу. Понимаешь, да?

Вскоре к дому номер четыре на Воздвиженке^[56] подходят Ленин, Горький, Камо, Андреева, Богданов, Ладыжников, Буренин, Игнатъев^[57]. Все они смотрели в Свердловском зале Кремля кинофильм о гидроторфе Шатуры, новшестве, изобретенном инженером Классоном.

Алексей Максимович уверенно протягивает руку в сторону третьего подъезда:

— Сюда! На второй этаж.

У всех отличное настроение, потребность вспомнить пережитое, бывшее, посмеяться. Без успеха взывает хозяйка: самовар заждался! А Владимир Ильич в ответ: дайте Алексею Максимовичу выговориться, а то не напишет, пока не проверит на нас!

— Вот здесь обитали у нас синицы, — поясняет Горький. — Преотличнейший хор! Московка, хохлатка, лазоревка, красноголовый королек, усатая...

— А теперь я здесь живу — в «птицевой», — с напускной печалью констатирует Камо.

Разговор снова возвращается к увиденному на экране Свердловского зала. К изобретению Классона.

— Каков Классов! — с восхищением говорит Ленин. — Решил победить топливный голод.

Владимир Ильич сетует на отсутствие Классона, душевно рассказывает о первой встрече с ним четверть века назад. Вскользь упоминает, что в 1894 году на масленицу ради конспирации на квартире Классона была устроена вечеринка с блинами. На ней Владимир Ильич познакомился с Надеждой Константиновной.

— А мы, — виновато замечает Камо, — и без конспирации не сумели приготовить блинов...

Свое «упущение» Камо исправляет в декабре. «В эти трудные, холодные и голодные дни, — рассказывает Анастас Микоян, — Камо решил порадовать старых друзей и повкуснее угостить их. С давних пор

Камо знал, какие вкусные кавказские блюда умела готовить вдова Степана Шаумяна — Екатерина Сергеевна. Он пришел к ней и сказал: «Если я достану все, что нужно, вы приготовите хороший плов и ваши тающие во рту слоеные пирожки?» Екатерина Сергеевна, конечно, сразу согласилась, но с недоумением спросила: «Камо, где же Ты достанешь продукты?»

Не знаю, где и как, но Камо раздобыл рис, мясо, масло, муку. У друзей, только что приехавших из-за границы, он достал две бутылки французского коньяка. И вот в назначенный день, взяв машину у Авеля Енукидзе, Камо стал свозить гостей к Екатерине Сергеевне. Сначала он привез Горького и Луначарского, потом Миха Цхакая, Филиппа Махарадзе и Сергея Аллилуева. Затем приехал и Енукидзе. Пока Камо собирал гостей, Алексей Максимович и Анатолий Васильевич оживленно беседовали. Горький неторопливо, обстоятельно, со своим глуховатым, характерным волжским оканьем говорил о молодых писателях и внимательно прислушивался к рассказам Луначарского о литературных делах...

Я в разговоре не участвовал, пока ко мне не обратился Горький с вопросом:

— Вы, кажется, недавно с Кавказа? Что там делается в литературной жизни?

Откровенно говоря, я смутился, так как ничего не мог ему ответить — мне тогда не приходилось сталкиваться с литераторами. Выручил Лев Шаумян, который рассказал о Василии Каменском, Сергее Городецком, Рюरिकе Ивнине — с ними он недавно встречался в Тифлисе, где еще господствовали меньшевики. Шаумян говорил, что эти поэты выступают с лекциями, читают свои произведения, настроены просоветски, ведут себя мужественно.

Екатерина Сергеевна пригласила всех к столу. Аккуратно была разложена на нем разномастная посуда: тарелки, кружки, чашки, стаканы разных цветов и размеров — все, что удалось собрать у соседей. За стол уселись молча, но бурное оживление наступило, когда был подан мастерски приготовленный Екатериной Сергеевной плов, а за ним появились и слоеные пирожки. АVELЬ Енукидзе был виночерпием и разливал коньяк с учетом возможностей и потребностей каждого: кому немного — на доньшке, кому побольше...

Алексей Максимович задумался, как бы что-то вспоминая, и рассказал историю, которая произошла с ним в одиночной камере Метехского замка. Он тогда не назвал года и месяца, но было это, как удалось уточнить, в 1898 году.

Какой-то праздник. Возможно, троицын день. Всем арестованным

принесли с воли передачи — вкусную еду и даже вино. Из камер неслись громкие голоса пирующих, песни. Алексей Максимович хмуро ходил в своей одиночке из угла в угол. Не было у него близких, никто ему ничего не принес. Надзиратель, добродушный человек, шагал по тюремному коридору, время от времени заглядывал в «волчок», сокрушенно, сочувственно покачивая головой. Потом на некоторое время надзиратель исчез. Оказывается, он бегал домой — жил он во дворе тюрьмы. Зазвенели ключи, заскрипели дверные засовы, и на пороге камеры появился надзиратель. В одной руке у него был глиняный горшок с горячей долмой^[58], в другой — большая кружка с красным вином. Как бы стесняясь, не глядя в глаза, надзиратель буркнул, ставя на стол свои приношения: «На, ты тоже гуляй» — и быстро вышел.

Алексей Максимович сказал, что он часто вспоминает этот случай. И не мог не вспомнить его сейчас, поедая вкусный плов Екатерины Сергеевны.

Вечер был очень интересным. Миха Цхакая рассказал забавный случай, связанный с одним из его путешествий. Камо по своему обыкновению шутил и оживлял разговор бесконечными историями, которых он знал великое множество...»

Если вернуться к первым страницам воспоминаний Софьи Васильевны — к тому месту, где мельком обронено: «...в одном из своих сочинений, заключенных в зеленой тетради». Что за тетрадь, уцелела ли, если да, то у кого, в каком городе хранится?

Начинаю поиски.

В Москве — ничего. В Ереване — ничего. Взываю к своему фронтовому товарищу, доктору исторических наук, директору Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС Геворку Гарибджаняну. Он полон сочувствия, смущается, будто за ним несуществующая вина: «Все, что есть на русском и армянском о Камо, все показали. Ручаюсь, никакой тетради Камо в Армении нет!»

Еду в Тбилиси. Пути-то всего-навсего полчаса на самолете.

— У нас одна-единственная тетрадь Камо — для домашних занятий по русскому языку. В ней диктанты, изложения. Заполнена простым и синим карандашами.

Тетрадь считалась переданной ереванскому Историческому музею вместе с другими личными вещами Камо. Почему-то не взяли.

Твердый зеленый переплет. Не то чтобы тетрадь... Типолитография преуспевающей в свое время торговой фирмы «Мюр и Мерилиз» придавала

этому своему творению несколько иное назначение. Сугубо бухгалтерское. Каждый лист пронумерован, начинается словами: «дня 191... г.» и состоит из трех отрывных частей: корешка, накладной, квитанции.

Все листки до пятьдесят четвертого отсутствуют. И бог с ними. Камо или его педагог (по воспоминаниям Софьи Васильевны дольше и энергичнее всех с Камо занимался Владимир Александрович Попов) порядковый номер поставил чернилами в правом верхнем углу 54-й накладной. В центре большими буквами карандашом:

«Свыше вдохновленный раздался звучный глас Петра: за дело с Богом...»

Диктанты с обязательным выписыванием ошибок. Иные слова, вероятно, особенно трудно дававшиеся, повторены по десять-пятнадцать раз. Жесткая, неумолимая требовательность к себе. После всего пережитого, перенесенного за два десятилетия немыслимой борьбы... Диктанты, изложения, пересказы. «Вольная тема» — описание своей комнаты, вида из окна:

«Комната, в которой я живу и занимаюсь, представляет собой правильный четырехугольник длиной две с половиной сажени, а шириной около четырех аршин, вышиной пять аршин. Белый оштукатуренный потолок оканчивается карнизом. Паркетный дубовый пол. Стены оклеены до двух третей своей вышины пестрыми обоями, а одна треть белой бумагой. Благодаря этой оклейке комната залита светом и имеет веселый вид.

В комнате одно окно. Глядя в него, я вижу сад с большими деревьями. Одни деревья стройно тянутся ветвями кверху, другие, те, что по краям ограды, раскидывают свои гибкие ветви по разным сторонам. Стволы деревьев осыпаны снегом.

Справа виднеется прекрасное по своей архитектуре белое здание архива Комиссариата иностранных дел. К левому крылу этого здания прилепилась маленькая домашняя старинная церковь с зеленым куполом, оканчивающимся золотой головкой. Все это: сад и строения — окружено красивой каменной оградой. Впереди виднеются разноцветные крыши домов и высокая башня Румянцевского музея. Еще вдалеке виден огромный золотой купол Храма Христа Спасителя. В солнечный день купол ярко сверкает в голубом небе. Всю эту прекрасную картину дополняет изящная, стройная и легкая башня Боровицких ворот. Насколько вся эта картина прекрасна и приятна для глаз при ясной погоде, настолько она тускла и печальна во время пасмурной погоды...

Перед окном стоит небольшой дубовый, крытый малиновым сукном

письменный стол. У стола этажерка с пятью полками. Эти полки завалены всевозможными книгами, газетами, картами.

В нише висит портрет Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина. Напротив портрет Марии Федоровны Андреевой, революционерки, финансового агента ЦК, известной актрисы, светской дамы. Владимир Ильич окрестил ее кличкой «Феномен». На других стенах фамильные портреты Стасовых в ореховых рамах...»

Снова диктанты, изложения, краткое содержание прочитанного. И его, Камо, видение, его толкование пословиц, басен, русской классики и, конечно же, с детства любимой истории. Его оценка бояр, царя Ивана Грозного, беглеца-перебежчика в стан врагов России князя Курбского: «Сравнивать прямо нельзя, по-моему, подлец, как наш кавказский меньшевик. Нельзя против своей родины призывать заграничные штыки».

Мысли о Мцыри:

«Мцыри — человек кавказской души. Он являлся натурой, не способной к ограниченной монастырской жизни. Он стремился к свободной, боевой жизни, и если ему не изменили бы его слабые силы, то он добровольно никогда не вернулся бы в монастырь. Основной мыслью Мцыри было стремление очутиться в родном краю и быть среди своего народа».

Об одной из басен Крылова:

«Баснописец хотел показать людям, насколько бесполезно обращать внимание на ложь и клевету завистников правого дела, как в личном предприятии, так и в общественном.

Историческим фактом, иллюстрирующим сказанное, можно считать отношение большевиков к своим мелкобуржуазным и буржуазным завистникам...»

Дальше у Камо о приезде Ленина в Россию в семнадцатом году и о гнуснейшей клевете на большевиков в связи с известным «пломбированным вагоном». И косвенное указание времени, когда тетрадь заполнялась: «...после разгрома Врангеля... В 1920 году, издающаяся в Берлине газета «Руль»...»

Взгляд на Петра Великого:

«Петр I, как великий преобразователь России, прекрасно понимал мудрую, старую истину, что новое вино не наливают в старые мехи».

Между планом домашней работы — «Отражение личности Лермонтова в «Демоне» — и очередным упражнением по грамматике просто черновик записки:

«Не может ли Пф. прислать мне еще чего-нибудь хорошего. Может

быть, чего-нибудь Т. Манна. Я еще ничего не знаю из его произведений».

Так медленно на исходе недели подбираюсь к листу двадцать девятому. Один из самых неразборчивых — видимо, мысли обгоняли карандаш, — он таит нечто совершенно неожиданное. То ли привычка конспиратора, то ли чистая случайность, но сразу не очень веришь глазам. Среди грамматики и синтаксиса «Личные впечатления о 8-м Всероссийском съезде Советов:

...Ровно в одиннадцать часов утра на трибуне появился Калинин — председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Поздравил делегатов, съехавшихся от великой и необъятной трудовой России... Порядок дня принят, и слово предоставлено товарищу Ленину для доклада о внутренней и внешней политике Советской Республики.

До появления Ленина на трибуне в зале, на всех ярусах Большого театра царили полная тишина и спокойствие, но, как только показался Ильич, весь театр превратился сразу в бушующее море. Овации по адресу тов. Ленина не смолкали долго. Сам Ленин, как наш старший товарищ, как учитель поработанных, на эти приветствия отвечал доброй улыбкой. Когда зал после усиленных стараний председателя наконец стих, то Владимир Ильич начал свой доклад.

Главная идея его речи — призыв к мирному строительству разоренной семилетней империалистической и гражданской войной страны и предостережение тем, кто мог бы подумать, что задача защиты социалистической Родины уже окончательно решена. Красная Армия должна по-прежнему защищать рабочих и крестьян всей Советской Республики. Вместе с тем Ленин указал съезду на необходимость частичной демобилизации армии. Призвал к мирному строительству под руководством специалистов как в области техники, так и сельского хозяйства, к трудовой дисциплине.

В конце своего доклада Ильич предложил выслушать с огромным вниманием выступление товарища Кржижановского об электрификации страны. Электрификация должна вывести Социалистическую Республику из промышленного и сельскохозяйственного кризиса и поставить ее в ряд с другими культурными странами, а затем обогнать их. Ленин заявил, что Коммунизм включает в себе Советскую власть плюс электрификацию... Зал снова превратился в бушующее море, как Каспий осенью. Председателю почти невозможно было справиться. Он сам радостно аплодировал...»

Сознаешь, что уже прочитанного в тетради для домашних занятий по русскому языку вполне достаточно, а все-таки ждешь чего-то еще. Ждешь и не обманываешься.

Страницы 75–79: «Выводы из речи Ленина на съезде транспортных рабочих^[59].

Владимир Ильич, прибыв на съезд для приветствия делегатов и для доклада о положении страны, увидел плакат с надписью: «Царству рабочих и крестьян не будет конца». Ленин и начал свою речь с разбора этого лозунга. Он раскрыл глубокую неверность мысли. Ежели бы царству рабочих и крестьян не было конца, то это означало бы, что никогда не будут уничтожены классы, никогда не будет социализма.

Неверный лозунг навел Ленина на предположение, что есть, наверно, еще более распространенные, общеупотребительные призывы, смысл которых большинству не ясен. В пример он привел, что все мы радостно поем: «Это есть наш последний и решительный бой», — но немногие ясно представляют, против кого мы ведем борьбу отнюдь не последнюю. В нашей стране существуют три основные силы. Взаимоотношение этих сил и определяет настоящий момент».

Страницы 80–82: «Значение и состав Красной Армии»... Страница 83: «Организация распределения предметов потребления в социалистическом государстве»... Страницы 84–87: «Советская власть, беспартийные и коммунисты»... Страницы 90–95: «Нравы и обычаи в России во время царствования Ивана Грозного»... Страницы 102–105: «Образы «Мертвых душ» Гоголя»... Страницы 107–111: «Слесарь и Канцлер» Анатолия Васильевича Луначарского, как наша агитационная пьеса».

Если память не изменила Софье Васильевне, то эту пьесу Луначарского Камо смотрел в один вечер с Лениным. Известно доподлинно, что Владимир Ильич был на представлении «Канцлера и слесаря» в театре Корша (ныне филиал МХАТа) во второй половине мая 1921 года.

Вот такая тетрадь Камо для домашних занятий. Эта «зеленая тетрадь», помянутая Софьей Васильевной.

Записка без даты на небольшом листке бумаги. Судя по содержанию, относится к первым числам июня двадцать первого года.

«Многоуважаемый и дорогой Владимир Ильич, во время партийной конференции РКП^[60] я сообщил вам о моем желании побеседовать с Вами о моих новых, сногшибательных планах. Разговор этот может происходить во время Вашей прогулки или отдыха и ничуть не утомит Вас. Может быть, Вы найдете, что мои соображения окажутся очень ценными и осуществление их очень важным для настоящего момента, или же Вы найдете их очень забавными и от души, как Вы это умеете, посмеетесь.

Мне бы хотелось, чтобы Вы выслушали меня до начала, или в начале конгресса Коминтерна^[61].

Преданный Вам Камо».

Внизу карандашом рукою Ленина:

«Камо

Напомнить мне!»

Беседа длится намного дольше, чем предполагал Камо. Владимир Ильич отказывается уважить просьбу — отпустить за границу для подпольной работы. Категорически отклоняет идею доставить — «живым засуну в мешок» — обосновавшегося в Польше эсера Бориса Савинкова, злейшего врага. Приходится бережно, терпеливо, почти совсем как осенью одиннадцатого года в Париже, объяснить Камо, что планы его слишком нереальны, не по времени, не по обстановке.

Для того чтобы подбодрить Камо, вновь вернуть ему уверенность в своих силах, Ленин приглашает его на работу в Совнарком. О дальнейшем немногие с трудом добытые, отрывочные сведения.

Софья Медведева: «Камо не раз предлагали ответственные, высокие посты, но он всегда отказывался. Отчасти потому, что в сфере «начальства и подчиненных» чувствовал себя совершенно не на месте, а отчасти по необычайной скромности, считал себя недостаточно подготовленным. Хотя благодаря своему ясному уму он превосходно разбирался в разных политических вопросах, и, когда перед партией встала проблема Брестского мира и некоторые из товарищей, обладавших более солидным теоретическим багажом, смутились, заколебались, для Камо дело было ясно. Так же обстояло и с поворотом к новой экономической политике, при том, что поворот этот принес ему немало душевных переживаний.

Безмерно выводили его из себя то там, то сям дававшие себя знать комиссародержавие и бюрократизм. Крайне требовательный и суровый к самому себе, он открыто в глаза порицал многих власть имущих за их образ жизни».

В прямое продолжение. Камо: «Троцкий? Что о нем сказать? Здорово говорить умеет... Но, знаешь, какой-то не свой он. Как был чужим, таким и остался... Зиновьев? Каменев? Это, знаешь, адвокаты какие-то, не революционеры... Понимаешь, им бы надо в буржуазной республике жить: сказать «левую» речь в парламенте, потом прийти домой, удобно устроиться у камина, кофеек попить, роман почитать...»

Никакого спуска, послабления даже самому почитаемому человеку. «Несмотря на свое большое уважение к Горькому, — продолжает Медведева, — Камо не преминул однажды со свойственной ему прямоотой выразить ему порицание. В те годы в Москве находилось еще много меньшевиков, они откровенно фрондировали против Ленина и Советов. Как-то меньшевики устроили банкет, на котором были допущены выступления против внешней и внутренней политики нашего правительства. К сожалению, Алексей Максимович нашел возможным украсить своим присутствием это сборище врагов Советской власти. Камо смело указал Горькому на совершенную им ошибку, и тот с виноватым видом, молча, выслушал эту отповедь...»

Осенью двадцать первого года Камо отправляется в Персию. В мандате сказано: «Для проверки и налаживания работы советских внешнеторговых учреждений». Судя по обширному докладу, адресованному Серго Орджоникидзе — в эту пору руководителю Кавказского бюро ЦК РКП, — деятельность Камо выходит далеко за рамки первоначального поручения. Он колесит из конца в конец по всей Персии, устанавливает связи с ее общественными деятелями, обследует советские консульства в Гиляне и Хоросане, исправляет промахи военного атташе. Помимо всего другого, организует помощь голодающему населению Поволжья. На собранные деньги закупает продукты, семена.

По возвращении — это уже начало двадцать второго года — Камо получает назначение, не всем понятное. Начальником Закавказского таможенного округа. По служебной лестнице над ним народный комиссар финансов Барон Бибинейшвили. Отзыв наркома впоследствии самый блестящий:

«Он за несколько месяцев коренным образом ликвидировал безобразия, творившиеся в таможнях: контрабанду, рвачество, взяточничество».

А за этим признание: «Камо не удовлетворяла работа на хозяйственном фронте».

Более четко о том же — первый председатель ревкома Грузии Филипп Махарадзе 18 июля 1922 года в «Заре Востока»:

«Все наши товарищи, которые близко знали Камо, удивлялись назначению его на пост начальника таможенного округа. Я думаю, и со мной согласятся другие товарищи, что в условиях советского строительства Камо еще не успел найти применения для своих сил, для своих творческих способностей».

Так или иначе Камо занимается своим таможенным управлением. Сотрудников он размещает в доме на Трамвайной улице, около сада Муштаид. У него отдельный кабинет, большой письменный стол.

Во второй половине марта Камо вместе с Серго Орджоникидзе выезжает в Москву. Там собирается XI съезд партии. На съезде с политическим отчетом ЦК выступает Ленин. Но вскоре здоровье Владимира Ильича ухудшается. Камо обращается к нему с заботливым письмом:

«Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Ильич, я знаю от Л. Б. Красина и от Марии Ильиничны, что доктора настоятельно советовали Вам продолжительный отдых и горный воздух. По мнению Красина, лучше Кавказа для этой цели ничего нельзя придумать.

...Если вы возьмете меня, я буду не только рад, но и спокоен относительно вашей безопасности, и у меня есть какая-то самоуверенность, что никто не пригодится в этой поездке, как я.

Если вы согласны, дорогой Владимир Ильич, то можно поговорить о маршруте и времени отъезда. Я еду в Батум 12 апреля...

Преданный вам *Камо*».

Ленину предложение Камо по душе. Он сообщает Орджоникидзе:

«т. Серго!

...Камо просит меня взять его с собой. Я не возражал бы. Но хочу знать Ваше мнение. Если Вы не против, скажите ему от меня, что я согласен (и что все в тайне)». [\[62\]](#)

Складывается будто счастливо, скорее бы только наступило лето! Камо нетерпеливо считает дни, последние свои дни...

Пятница, четырнадцатое июля 1922 года.

С утра жизнерадостный, веселый Камо в Тифлисском городском комитете партии. Заполняет анкету:

«Название организации, выдавшей билет: Московская организация. Краснопресненский районный комитет; фамилия: Петров (Камо); имя: Семен; отчество: Иванович; год рождения: 1882; родной язык: грузинский; социальное положение: революционер... Какие специальности знаете: революционер... Были ли за границей и где: в 19 государствах Европы... Время вступления в партию: в 1901 году... Подвергались ли репрессиям за партийную работу, когда, каким: арестован шесть раз, бежал три раза, приговорен четыре раза к смертной казни с заменой двадцатью годами каторжных работ...»

Покончив с анкетой, Камо заходит к секретарю горкома Михаилу Кахиани:

— Пошлите меня работать среди молодежи, я их воспитаю по-революционному, я подготовлю молодых, стальных коммунаров.

Потом две деловые встречи: со своим наркомом Бибинейшвили и в ЦК Компартии Грузии с Сергеем Кавтарадзе. К Кавтарадзе, другу многих лет, еще секретная просьба:

«Камо стал убеждать, чтоб отпустили его одного против кахетинской банды. «Я переоденусь в крестьянскую одежду, возьму косу и пойду бродить по Кахетии. Я убежден, что мне удастся уничтожить главарей». У него горели глаза и грудь высоко подымалась. Несказанная радость засветилась на его широком лице, когда я ему ответил: «Поговорим и обдумаем».

Ближе к вечеру отправляется проведать «маму Сергеевну» — так Камо много лет зовет вдову Степана Шаумяна Екатерину Сергеевну. В эти июльские дни она с дочерью и младшими сыновьями гостит в Тифлисе.

Теперь остается последнее. Ничего другого уже не успеть. Счет на часы. Немногие часы...

С восьми до одиннадцати Камо у Георгия Атарбекова. У обоих масса планов. Самых удивительных... Камо спохватывается, что слишком задержался. Торопливо прощается. Садится на свой старый, изрядно потрепанный велосипед. Несчетные предложения пользоваться одним из служебных автомобилей Совнаркома или ЦК всякий раз отвергает: «Не

люблю!»

К себе на Великокняжескую улицу Камо ехать по Головинскому проспекту, Верийскому спуску, мосту через Куру. В конце спуска, у цирка, показывается, быстро приближается встречный автомобиль. Камо замечает зажженные фары, поворачивает руль в правую сторону. Неотвратно на надвигающуюся машину. По роковой ошибке...

Удар.

Камо отброшен в сторону. Головой падает на каменную плиту тротуара. Теряет сознание.

Шофер налетевшей машины Двали доставляет Камо в Михайловскую больницу. Врачи бессильны.

В три часа утра пятнадцатого июля все кончено. Камо мертв...

Три долгих летних дня Революция прощается со своим Камо. Со своим Работником и Солдатом. Делегации России, Грузии, Армении, Азербайджана, Дагестана, Чечни, Кабарды, Ингушетии. Всего Кавказа и Причерноморья. Воинских частей. Тысячи и тысячи телеграмм. Митинги. Пленум Тифлисского Совета...

Настает день похорон — восемнадцатое июля.

В час дня прекращают работу все заводы и фабрики Тифлиса. От Надзаладеви, Навтлуга, Сабуртало, от Арсенальной горы бурлящие потоки неудержимо стремятся к Рабочему дворцу, где покоится тело Камо. У гроба венки:

«Незабвенному Камо — от Ленина и Крупской».

«Бессменному часовому пролетарской революции — от ЦК РКП».

Венки... венки...

Все новые оркестры, хоры, знамена, плакаты со словами прощания на многих языках. Вдоль всего Головинского проспекта до самой Эриванской площади почетный воинский караул. На крышах и карнизах домов, на балконах, на деревьях — всюду люди.

Прощальное слово говорит рабочий-железнодорожник Аракел Окуашвили. В час первой демонстрации тифлиссских рабочих — 22 апреля 1901 года — тридцатилетний Окуашвили был знаменосцем, его главным помощником — девятнадцатилетний Камо. Сообща они подняли над головами мастеровых, ремесленников, учащихся красное полотнище с кличем: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Окуашвили говорит и плачет, плачет и говорит:

— Здравствуй, Камо, здравствуй! Здравствуй, вечно голодный борьбой, но вечно бодрый брат мой, здравствуй... Где твои сподвижники, Камо, где они — Элисо Ломинадзе, Степко Инцкирвели, Вано Каландадзе? Скажи

им, Камо, — не твоя вина в том, что ты, герой, умер негеройской смертью. Скажи им, Камо, что...

Плачет Окуашвили... Слезы не дают говорить ветеранам. После нескольких слов прерывается голос Сергея Кавтарадзе. Отходя в сторону, бросает: «Не могу!..»

На Зриванской площади у открытой могилы пытается совладать с собой Серго Орджоникидзе:

— Дорогой Камо! Встретился я с тобой восемнадцать лет назад. Я был молод. Ты считал своим долгом разъяснить мне, как стать большевиком, как бороться за интересы пролетариата. Сегодня приходится расстаться с тобой. За эти восемнадцать лет мы не раз встречались. И не раз ты излагал свои планы о борьбе с капитализмом. Порой эти планы казались несбыточной фантазией. Я помню, как говорил ты об этих планах с вождем революции товарищем Лениным, который любил тебя безумно.

Слезы мешают. Речь прерывиста.

— Когда я встречу с Лениным — я не знаю, что я буду говорить... Прибывшие из Москвы товарищи говорят нам: «Как вы не сумели сберечь Камо?!»

Недосказанные речи в какой-то мере дополняют с трудом написанные — перо так же непослушно, как и голос — статьи. Еще много дней газеты их будут печатать.

Две особо запомнившиеся статьи.

Мамия Орахелашвили:

«Вчера, при участии огромных масс решительно всех слоев народа, мы предали земле то, что было тленного в Камо. Там, где 20 лет назад молодой революционер выкинул знамя борьбы, ныне свежая могила, принявшая останки прошедшего школу революции борца.

Не удалось сохранить предусмотренный порядок похоронного шествия: напор стихии масс опрокинул все расчеты, все расписанные детали. Но в беспорядке оказался порядок: все были охвачены порывом приблизиться к гробу, взглянуть в последний раз в застывшее лицо тому, кто всю жизнь был подвижен, буен, неугомнен, кто не признавал внешнего благочиния, показного порядка.

Эта бурливость характера Камо была наиболее отличительным свойством его цельной натуры. Это свойство лежало в основе его «фантазерства», которое иные из нас расценивали ложно. Мы порой шли по линии наименьшего сопротивления и лениво отмахивались от его широких, все новых и новых планов как фантазерских, противоречащих практическому разуму. Мы не замечали, что без известной дозы

фантазерства нет успешной борьбы, нет победы. Мы забывали, что алгебра революции с ее формулами, с ее учетом соотношения сил и т. п. лишь тогда и постольку ведет к верной победе, когда и поскольку дополняется фантазией, дерзанием, той смелостью, смелостью и еще раз смелостью, которая так прельщала Маркса в Дантоне.

Без фантазии и дерзости можно ли было в отсталом России объявлять войну империализму и октябрьским громом возвестить всему человечеству о разрыве буржуазных цепей на территории одной шестой земного шара.

Нет и нет! И не потому ли действительность западных стран долго представляла собой картину стоячего болота, не колыхаемого живительной грозой фантазии и дерзания, вырастающих из действительности же?

В Камо этой здоровой фантазии и этого дерзания было много. И не этим ли, между прочим, объясняется, что великий идеолог мирового пролетариата, великий провидец боев и побед, Ленин, буквально был влюблен в Камо, и эта любовь, эта заинтересованность не остывала и не снижалась ни на момент в течение всех двадцати лет революционной работы Камо? То была любовь и взаимное понимание между мастером революции и подмастерьем его, при одинаковом фантазерстве и дерзостном уклоне обоих. Ленин знал и знает, что без такого фермента, без такой изюминки фантазии и дерзания то великое дело, какое взвалил на свои плечи пролетариат, не будет доведено до конца. Потому он ценил эти качества Камо, потому он подбадривал его на соответствующие подвиги, ставя, разумеется, известные рамки полету фантазии и размаху смелости нашего Камо».

Вторая статья, или скорее зарисовка с натуры, принадлежит грузинскому литератору Л. Кипиани.

«В одном маленьком кружке зашла речь о Камо. И, как это бывает у нас на Кавказе, к человеку подошли узко, не как борцу за революцию, не как большевику, для которого не существует делений на ту или иную национальность, а как к *армянину*.

Старые, больные, еще не погашенные счета пограничных рогаток, не разъясненных междунациональных недоразумений и споров, раздуваемых в националистических лабораториях до размеров крупных кровавых вспышек.

Спор в день похорон разгорался. Произносилось много ненужного, много такого, без чего человеческие взаимоотношения могли быть светлее, чище, человечнее. Глаза, эти чудесные зеркала человеческих душ, наливались кровью; слово, это чудесное отражение дум и мыслей, начинало звучать нотами злобы.

Один из присутствующих, грузинский журналист, лично и хорошо знавший Камо, взял слово и, обрисовав покойного как человека, одинаково относившегося ко всем национальностям, одинаково любившего всех, кто стремился к освобождению, спросил с грустью: «Скажите же, при чем тут принадлежность по метрике к той или иной национальности? Друзья, будем же и мы просто людьми, достойными памяти Камо!»

Этот призыв был тем освежающим летним дождем, который в знойный день падает на опаленные солнцем и готовые уже погибнуть хлебные колосья.

Выражение глаз смягчилось, голоса утратили недостойные тона, и беседа приняла мягкие, душевные формы.

Мне кажется, в этом великая заслуга Камо.

Поздняя ночь.

Какое-то недоразумение между двумя встретившимися группами. Кто-то кого-то задел. Запальчивые возгласы, крики. В воздухе повисает опасность крупного скандала.

И тут кто-то спокойным голосом говорит:

— Товарищи! Не будем ссориться в день похорон Камо. Не дадим разрастаться слишком мелочным, слишком личным чувствам — во имя человека, который всегда *это личное* отодвигал в сторону перед тем большим, что зовется общим благом! Не будем, товарищи, позориться перед его памятью!

Возгласы в ответ:

— Вы правы, товарищ!

Готовый разразиться скандал был потушен.

И мне кажется, что и в этом тоже великая заслуга Камо».

Много лет хранится у меня вырезка из грузинской республиканской газеты «Комунисти». Письмо в редакцию.

«Я вижу слезы народа, и это еще больше наполняет мое сердце горечью и страданием. В этой общей скорби я нахожусь в самом тяжелом и невыносимом положении, так как именно я оказался невольным виновником смерти такого человека...

Как неожиданно и горестно мне было узнать в Михайловской больнице, куда я отвез пострадавшего, что жертвой ужасного случая оказался Камо. Я не был лично знаком с ним, но часто слышал рассказы о его героических и революционных делах.

Дорогие товарищи! Что же мне, несчастному, сделать, ведь не в силах я искупить свою невольную вину и вернуть жизнь человеку, который так

дорог и необходим родному народу.

Прости меня, славный революционер, за мою большую и неисправимую вину перед тобой!

Шофер *Коля Двали*».

Все. В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое июля на Верийском спуске в Тифлисе произошла чудовищно нелепая и трагическая смерть...

Тбилиси — Москва.

1972–1973

ОТ АВТОРА

В ПИСЬМЕ СОЛДАТА ВЕГЕРЫ К ЛЬВУ ШАУМЯНУ БЫЛИ ЕЩЕ СТРОКИ:

«ТЕПЕРЬ Я УКАЖУ НА МОМЕНТЫ, ПО КОТОРЫМ Я МОГ БЫ СКАЗАТЬ АВТОРАМ ПРОЧИТАННЫХ МНОЮ КНИГ О КАМО: ВЫДУМКА НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ХАРАКТЕРУ ГЕРОЯ, НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

У автора Георгия Шилина:

Камо запросто уходит из батумской тюрьмы, где режим был особенно строг. Позавтракал, пообедал, а во время прогулки, играючи, перебрасывает ноги через стену... По простой арифметике, как в наше время говорили — по Малинину и Буренину, Камо свой дерзкий побег совершает на исходе десятого месяца заключения. Был арестован на Батумском вокзале 27 ноября 1903 года, бежал 17 сентября 1904-го!..

После последнего суда над Камо (1913 год) к нему в камеру является прокурор. Тот самый, с которым Камо по воле Г. Шилина ехал в одном купе от Батуми до Тбилиси и которому на прощание Камо якобы вручил визитную карточку с трогательной надписью на грузинском языке: «Хоть ты и Иван, но порядочный болван». Теперь в камере смертников Камо встречает прокурора вопросом: «Что вас привело ко мне?» — «Хочу вас спасти от смерти». — «Смертный приговор давно подписан, и вы его не можете отменить». — «Приговор я не подаю на исполнение. Через десять дней будет амнистия. Тогда и вам смертная казнь будет заменена двадцатью годами каторги». — «Спасибо!»

Автор Г. Шилин удовлетворенно заключает: «И так было!» Ей-богу, не рисковал прокурор своей дальнейшей карьерой, не проявлял такой отеческой заботы о революционере, да еще о Камо!..

У Вас, Лев Степанович, Камо делится со старым товарищем: «Земля радуется^[63], когда я по ней хожу...» (стр. 273).

У ереванского историка А. Арутюняна: «Земля жалуется, когда я ступаю по ней», — шутил Камо (стр. 169).

Непонятно. Пусть бы земля жаловалась, когда по ней Гитлер ходил.

Сколько авторов, столько и версий.

После разгрома вооруженного восстания 1905 года в Тбилиси Камо схвачен казаками. Он в Метехской тюрьме, но еще не опознан. Сосед по камере молодой парень Шаншиашвили (не то ученик провизора, не то

крестьянин на заработках — пишут и так и этак) готов сыграть роль, предложенную ему Камо. Когда надзиратель вызывает: «Шаншиашвили на выход, с вещами!» — к двери уверенно направляется Камо. Дальше: полицейский чин должен доставить его в участок, и если там убедятся, что это действительно Шаншиашвили, без вины схваченный в ночную облаву, то его отпустят на все четыре стороны. Подобная экспертиза в планы Камо не входит, ему надо успеть исчезнуть где-то между Метехами и полицейским участком.

У Шилина: Камо дает 5 рублей жандарму, и тот соглашается покинуть фаэтон, потихоньку шагать...

У Арутюняна: Городовой заснул...

У Вас: Городовой согласился сойти с фаэтона и поехать трамваем (здесь, конечно, тоже без взятки не обошлось)...

Еще. Как школярам объяснить, какую пичужку Камо приручил в одиночной камере и предстал с ней перед военным судом — воробья Ваську или щегла Петьку? Более щедрые авторы для скрашивания жизни Камо поселяют в его камере сразу двух пичуг... Может, не имеет особого значения. Но все же!».

Давно — более четырех десятилетий назад — сестры Камо Джаваира и Арусяк обратились к Максиму Горькому: дорогой друг, взываем о поддержке! Не под силу нам самим преградить, обуздать поток бездумных, даже злых измышлений, переполняющих сочинения о нашем брате. Бессердечные люди пользуются тем, что голос Камо умолк навсегда. При его жизни кто бы решился написать такое: «Прав автор биографии Камо тов. Черноморский, когда называет его факиром. В нем, действительно, было что-то от индусских факиров, от персидских мистиков-дервишей...»

Публичную отповедь недобросовестным авторам Алексей Максимович дал позднее. Видимо, убедившись, что просто уговоров, увещаний безнадежно мало. Девятнадцатого апреля 1931 года в «Правде» статья Горького:

«...Например, книга Алексея Окулова «Камо»... Это пошлое сочинение компрометирует фигуру Камо, революционера, который обладал почти легендарным бесстрашием, был изумительно ловок, удачлив и в то же время детски наивен. «Историческая точность» Окулова — неправда.

Во всяком случае, редактор должен был знать, кто такой Камо, и не должен был выпускать книжку, в которой революционеру придан характер молодца из пошлого бульварного романа».

Написать о Камо взялся человек ему весьма близкий — известный грузинский большевик и литератор Барон (в данном случае это и

партийный псевдоним, и собственное имя) Бибинейшвили. Его предисловие к книге, ставшей давным-давно уникальной редкостью:

«Камо был не просто товарищем моим по нелегальной революционной работе. В течение двух десятков лет он был одним из ближайших моих друзей. Он держал меня в курсе большинства своих дел, не скрывал их от меня, вопреки своим строгим навыкам подпольщика и конспиратора... В последний год его жизни мне пришлось работать в одном деле с Камо, и здесь он остался таким же близким мне другом, каким был и прежде.

И тем не менее я долго не решался писать о нем... Статья М. Горького разрешила мои колебания, и я взялся за собирание и изучение документальных данных о Камо. К сожалению, мне пришлось воспользоваться только тем, что уцелело от хищнического разгрома, произведенного неким «литератором» Мартыновым. Сей гражданин, снабженный мандатами от высоких учреждений (как выяснилось впоследствии, выданными по недоразумению), появился в 1930 году в архивных учреждениях Тифлиса, перепечатал и забрал много документов о Камо, обошел всех его родственников и близких, собрал много личных писем и документов и... бесследно исчез.

Я использовал в своей работе уцелевшие после Мартынова документы и письма. Привлек к ней товарищей по подполью. Многие из них по просьбе моей набросали отрывки своих воспоминаний...»

Первым отзывается Максим Горький. Его записка к Бибинейшвили на исходе января тридцать второго года:

«Уважаемый товарищ!

Посылаю маленький этюд о Камо, написать больше — не могу, нет времени.

Сердечный привет!

М. Горький 29.1.32».

Есть еще одна записка Горького о книге Барона Бибинейшвили. Ее я нашел в бумагах Серго Орджоникидзе, ранее хранившихся в его домашнем кабинете. Листок бумаги в клеточку. Черные чернила.

«Дорогой т. Орджоникидзе!

Очень сожалею, что приходится беспокоить Вас, но должен.

Недавно я получил русский перевод рукописи «Камо», опыт документальной биографии.

...Эта рукопись нуждается в серьезной редакторской — партийной работе.

Укажите, кому направить ее, очень прошу.

Крепко жму руку.

А. Пешков.
20. VI.32».

Резкий внезапный крен в другую сторону. Книги о Камо перестают выходить. Как редкая удача воспринимается, если что удастся раздобыть у букинистов.

Лишь в 1957 году в Ереване выходит биография Камо, написанная историком А. Арутюняном, в пятьдесят девятом в Москве — «Камо» Л. Шаумяна. И еще, как сомнительный дар, в Ставрополе в 1966 году двести тысяч экземпляров переизданной книги Г. Шилина...

Читателю еще нужно знать: вечером двадцать четвертого мая 1971 года в телестудии во время записи рассказа о Бакинской коммуне скончался Лев Степанович Шаумян. Остались материалы — документы, свидетельства очевидцев, письма, подготовленные для второго издания книги о Камо. Обозначен замысел задуманной им работы: «Автор пытается создать научную биографию Камо. То, что предлагается вниманию читателя, документально достоверно».

Перед всеми, кто пишет о Камо или возьмется за это в будущем, у Льва Степановича огромное преимущество. Он хорошо знал Камо, тесно общался с ним, месяцами жил под одной крышей. Камо был старше более чем на двадцать лет. Но относился к своему младшему годами товарищу как к равному участнику борьбы. Не по чрезмерной душевной щедрости, по праву.

В четырнадцать неполных лет Левон Шаумян умудряется сквозь кольцо окружения, фронты, кордоны доставить в Москву — Ленину — секретнейшее послание своего отца — главы Бакинской коммуны Степана Шаумяна.

Все доставленное Левоном настолько важно, что управляющий делами Совнаркома В. Бонч-Бруевич порывается немедленно отвести его к Владимиру Ильичу. Левон сопротивляется: «Нет, не в таком виде!» Показывает на свои рваные сапоги: подошвы отвалились, подвязаны веревочками, проволокой. За сутки удается произвести необходимый ремонт сапог и одежды. Бонч-Бруевич представляет четырнадцатилетнего чрезвычайного курьера Коммуны Ленину.

Среди всех других вопросов, немедля подвергнутых, обсуждению, у Владимира Ильича и сугубо личный — не этот ли юный бакинский гражданин год назад наградил его красным значком с миниатюрным портретом Карла Маркса? Догадка подтверждается. Да, он, Левон, воспользовался поездкой отца на Первый Всероссийский съезд Советов для того, чтобы послать товарищу Ленину свой любимый значок и поклон.

Выполняя ответственное поручение, Степан Георгиевич заметил: «Владимир Ильич, еще одно разъяснение отношения масс... Возьмите, пожалуйста!» Ленин носил значок на груди...

Тем же путем, в буквальном смысле сквозь огонь и воду, Левон возвращается на Каспий, чтобы быть до конца с отцом. В Баку, на пароходе, в красноводском застенке.

В пятнадцать лет Левон член Коммунистической партии. Нелегальный работник в оккупированном англичанами Баку. Камо его кумир, предмет подражания...

Годами неумолимо собирал Лев Шаумян материалы о Камо. Частично они использованы в этой моей книге. Для меня книга о Камо в какой-то мере продолжение, развитие того, что писал в своих предыдущих работах о Серго Орджоникидзе и Степане Шаумяне. И там читатель нередко встречался с Камо.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАМО (С. А. ТЕР-ПЕТРОСЯНА)

1882, 6 мая — в городе Гори Тифлисской губернии родился Симон Аршакович ТерПетросян.

1889 — поступает в Горийское городское армянское училище.

1898 — исключается из училища «за дурное поведение».

1901, начало года — после смерти матери Симон переезжает в Тифлис к своей тетке Елизавете Андреевне Бахчиевой. Начинает готовиться к экзаменам для поступления в юнкерское училище.

Весна — вступает в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Примыкает к единомышленникам Ленина. Выбор на всю жизнь. Участвует в подготовке знаменитой первомайской демонстрации тифлисских рабочих. В день демонстрации (22 апреля по старому стилю) — помощник знаменосца. С этого времени в партийных кругах, среди рабочих и учащихся известен под именем Камо.

1903, первые месяцы — Камо организует в Тифлисе нелегальную типографию.

Март — разбрасывает прокламации в театре Тифлисского артистического общества во время спектакля «Гамлет». Участвует в подготовке Первого съезда кавказских социал-демократических организаций. Возглавляет охрану съезда от полиции.

Вторая половина года — участвует в создании большой нелегальной Авлабарской типографии Кавказского союзного комитета РСДРП.

Воябрь — впервые арестован. Заключен в батумскую тюрьму. Обвиняется в распространении нелегальной литературы.

1904, сентябрь — совершает побег из тюрьмы. Переходит на нелегальное положение.

1905, февраль — Камо с помощью Серго Орджоникидзе на массовом митинге трудящихся разных национальностей в ограде Ванкского собора распространяет большевистскую прокламацию «Да здравствует международное братство». Возглавляет демонстрацию из десяти тысяч тифлисцев разных наций и слоев общества. Поднимает красное знамя. Произносит речь. Указывает, что духовенство и либералы — такие же эксплуататоры народа, как правительство. Об этом делегат Кавказа М.

Цхакая рассказывает на Третьем съезде РСДРП.

Лето и осень — создает нелегальные типографии в Тифлисе, Кутаисе, Чиатурах. Обучает рабочие дружины самообороне. Налаживает в своей «лаборатории» производство бомб.

Декабрь — руководит обороной восставшего рабочего района Тифлиса — Надзаладеви. В боях получает пять ранений. Его захватывают казаки и жестоко истязают. Затем заключают в Метехский тюремный замок.

1906, февраль — Камо бежит из Метех под именем Шаншиашвили.

Март — боевая группа под началом Камо совершает экспроприацию в Кутаисе. Отнятые деньги Камо доставляет в Петербург Военно-техническому центру большевиков. В поселке Куоккала первая встреча Камо с В. И. Лениным.

Апрель — Камо снова приезжает в Петербург. На этот раз под видом князя Дадиани. Работает в нелегальной лаборатории военного центра большевиков. Изучает технологию изготовления бомб большой разрушительной силы, так называемых «Столыпной», чтобы открыть свои филиалы в Тифлисе, Баку, Батуме, Кутаисе.

Середина года — Камо отправляется за границу для помощи М. М. Литвинову в закупке и транспортировке оружия. *Ноябрь* — Камо по вызову Литвинова приезжает в Варну (Болгария), с тем чтобы на яхте «Зора» доставить оружие на Кавказ.

Декабрь — гибель «Зоры» у румынских берегов. Рыбаки доставляют Камо в порт Констанцу, где его арестовывают. Через короткое время высылают.

1907, май — осколками случайно взорвавшегося капсюля Камо ранен в глаз и руку.

Июнь — под руководством Камо совершена беспрецедентная экспроприация на центральной Эриванской площади в Тифлисе. Взято 250 тысяч казенных рублей. Виновников ищут по всей России. Камо тем временем невозмутимо везет деньги в скором поезде Тифлис — Петербург в коробке для шляп. В полной сохранности передает большевистскому центру.

Июль — август — Камо живет в Куоккале. Часто встречается с В. И. Лениным.

Сентябрь — по конспиративным делам Камо в Париже, Льеже, Берлине, Вене.

Октябрь — арест Камо в Берлине. Он выдает себя за страхового агента Димитриуса Мирского. В чемодане мнимого Мирского двести капсюлей бомб огромной разрушительной силы.

1908, январь — после свидания в берлинской тюрьме с Красиным Камо начинает симуляцию сумасшествия. Это единственная возможность избежать многолетней каторги в Германии или выдачи России и виселицы по приговору военного суда.

Февраль — суд над Камо в Берлине. Слушание дела откладывается на неопределенный срок — до окончания медицинского обследования.

Май — медицинские эксперты — судебные врачи Гоффманн и Леппман подтверждают психическое заболевание Камо.

Июнь — Камо из тюрьмы переводят в лечебницу для душевнобольных в Герцберге. Оттуда «по соображениям охранительного порядка» — в специальный укрепленный павильон психиатрической больницы в Бухе.

1909, апрель — «выздоровевшего» Камо под усиленной охраной доставляют в подследственную тюрьму Берлина. Внезапный припадок «буйного помешательства». Назначенное на третье мая судебное заседание отменяется. Возвращение в Бух.

Июнь — главный врач больницы в Бухе составил медицинское заключение, подтверждающее, что Камо психически неизлечим, не сможет участвовать в судебном разбирательстве и неспособен отбывать наказание.

Сентябрь — Камо на Ленженском переходном пункте Калишской губернии передан германскими властями русской полиции.

23 сентября — заключен в калишскую тюрьму.

Октябрь — закованный в ручные и ножные кандалы Камо особой командой доставлен в Метехи. Продолжает симуляцию.

1910, апрель — состоялось заседание военного суда в Тифлисе.

Решено подвергнуть Камо новой медицинской экспертизе. «Экспертиза» всякий раз более похожа на жестокие пытки.

Сентябрь — судебно-медицинское освидетельствование подтверждает диагноз немецких психиатров: «Ненормален».

Ноябрь — еще одно судебное заседание. По требованию военного прокурора серия испытаний должна быть проведена в Михайловской больнице.

Декабрь — закованный в кандалы Камо помещен в изолятор для буйнопомешанных при Михайловской больнице.

1911, май — особое присутствие тифлисского окружного суда снова признает Камо невменяемым.

Август — Камо бежит из Михайловской больницы. Несколько дней скрывается в подвальном этаже здания управления полицеймейстера.

Осень — Камо под видом преуспевающего турецкого купца садится на пароход в Батуме. Благополучно добирается до Льежа. Оттуда направляется

в Париж к В. И. Ленину.

1912, первая половина — Камо в Дании, Швейцарии, Турции, Болгарии. В Софии арестован как «турецкий шпион».

Стараниями лидера болгарских левых социалистов Д. Н. Благоева освобожден. Возвращается в Константинополь. Оттуда едет в Афины. Цель всех поездок — транспорты большевистских нелегальных изданий, надежная сеть явочных квартир, приобретение оружия для кавказского революционного подполья.

Лето — Камо возвращается на Кавказ. Встречается в Баку с М. Н. Лядовым. Затем в Москве — с Л. Б. Красиным.

Сентябрь — вместе с Гиге» Матиашвили пытается совершить экспроприацию на Коджорском шоссе близ Тифлиса.

Декабрь — по поручению Кавказского партийного центра Камо едет в Петербург и Москву.

1913, январь — Камо арестован в Тифлисе.

Март — Военным судом приговорен к смертной казни через повешение. По манифесту в связи с 300-летием царствования дома Романовых казнь заменена 20 годами каторжных работ.

Два первых года отбывает в Метехах.

1915, март — Камо переводят в Харьковскую каторжную тюрьму. По дороге (в Баку) пытается бежать.

1917, март — выходит на свободу.

Апрель — возвращается в Тифлис.

Май — июнь — Камо в Петрограде. Встречается с В. И. Лениным. *Ноябрь — декабрь* — по поручению Кавказского краевого комитета партии отправляется через линии фронтов, через территории, занятые белыми и немецкими дивизиями, в Петроград. В. И. Ленин несколько раз беседует с Камо о положении на Кавказе.

1918, январь — февраль — на короткое время Камо возвращается в Тифлис, привозит Степану Шаумяну мандат о назначении его временным чрезвычайным комиссаром Кавказа. Торопится на Север, в Россию, считает для себя обязательным вступить в Красную гвардию. Участвует в боях под Нарвой и Псковом.

Март — октябрь — Камо в Тифлисе занят учебой.

Ноябрь — возвращается к практической деятельности.

1919, первые месяцы — по горным, мало кому известным тропам доставляет в Кабарду, Ингушетию, Чечню для партизанских формирований Орджоникидзе оружие, патроны, взрывчатку. Ведет боевую разведывательную работу в тылах белых на Северном Кавказе.

Июнь — вместе с Орджоникидзе тринадцать суток добирается на рыбацьем баркасе из Баку в Астрахань.

Июль — по поручению В. И. Ленина организует особый отряд из молодых коммунистов для боевых действий в тылу противника.

Сентябрь — В. И. Ленин выдает Камо удостоверение, в котором просит все советские учреждения, военные и прочие власти оказывать ему полное доверие и всяческое содействие.

Отряд Камо участвует в обороне Курска и Орла.

На заседании Оргбюро ЦК РКП (б) Камо делает доклад об обстоятельствах сдачи Курска.

Ноябрь — декабрь — в бушующие осенние штормы отряд Камо на рыбнице совершает переход из Астрахани в оккупированный англичанами Баку. Боевые группы проникают в Дагестан, Чечню, Грузию. Выполняют особые поручения по взрыву штабов белых.

1920, январь — по пути в Новороссийск для взрыва ставки Деникина Камо арестован на Тифлисском вокзале. Заключен в Метехи.

Апрель — меньшевики, уступая требованиям тифлисских рабочих, освобождают Камо. Высылают его в Азербайджан. В Баку Камо участвует в подготовке вооруженного восстания.

27–28 апреля — победа восставших — в Баку, во всем Азербайджане провозглашена Советская власть.

Май — Камо в Москве. По совету В. И. Ленина он начинает готовиться к экзаменам для поступления в военную академию.

1921, июнь — Камо пишет письмо Владимиру Ильичу и вскоре встречается с ним. Ленин разрешает Камо прервать учебу, перейти на практическую работу.

Осень — Камо едет в Персию для ревизии советских внешнеторговых учреждений.

1922 — Камо назначается начальником Закавказского таможенного округа, переезжает из Москвы в Тифлис.

Июль — трагическая смерть Камо — четырнадцатого июля в 11 часов вечера велосипед, на котором ехал Камо, налетел на Верийском спуске в Тифлисе на автомобиль...

18 июля — похороны Камо в Пушкинском сквере на Зриванской площади в Тифлисе.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Камо. 1906–1907 годы.

Тифлисский кинто.

Камо в костюме грузинского князя.

Мамия Орахелашвили.

Миха Цхакая.

Метехский тюремный замок в Тифлисе

Степан Шаумян.

Миха Бочоридзе.

Максим Литвинов.

Леонид Красин.

Берлин в конце XIX века. Станция Берлинской городской железной дороги.

На Штуттгартерплатцъ 5
ПРОТИВЪ ВОКЗАЛА
„CHARLOTTENBURG“
открывается съ 1-го апрѣля 1908 г. первый въ Берлинѣ
общественный

РУССКІЙ КЛУБЪ
« ДЛѢ ВСѢХЪ. »

При немъ
библіотека и читальня.
Всѣ русскіе, толстые журналы и главнѣйшія газеты
на русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ и др. языкахъ.

БЕЗПЛАТНЫЕ КУРСЫ ЯЗЫКОВЪ
Справочн. бюро и бюро труда.
Проводники и переводчики
ПОСТОЯННЫЙ БУФЕТЪ

Электрическое снабженіе и отопленіе

Члены учредители.

Извещеніе об открытіи Русскаго клуба въ Берлинѣ. Апрель 1908 года.

Из переписки департамента полиции с полицей-президентом Берлина о Камо. (В Советском Союзе публикуется впервые.)

Камо в Берлине.

УЧЕТНЫЙ ОТДЕЛ
№ 2
ВХОД № 24072 19

Разбор шифрованной телеграммы из Берлина
на имя директора Департамента Полиции
№ 57325

Копия
Директору
Департамента
Полиции

Президиум Берлин считает,
что сам при обыске у Мирского
будут найдены документы, но они
подвернутся тщательному
исследованию и выяснению в
лице Рие и германского
je demander ses droits. Жиды
отца Central Vambler m'observer
телеграммы посылать.
Harting.

С. Грин
И. Грин
РАУ

№ 2.P.O.

1181

Разбор шифрованной телеграммы Гартинга директору департамента полиции накануне ареста Камо в Берлине.

«Дела», заведенные на Камо следователями тифлисского суда.

175

Der Kgl. Preuss. Polizei-Präsident
C. A.

Befehl C. 27, November 28. an 19. Dezember 1891 an F.

№ 1 P. O. 11. 1746, 7.

Es wird ersucht, in der Angelegenheit des
verwandten Angelegenheit mit der
Befehl zu erlassen.

ОДЕЖДА СТАТЬ
№ 1 P. O. 11. 1746, 7.
№ 2 P. O. 11. 1746, 7.

C. B. Calunghin
Königsberg

Unter Bezugnahme auf die gefällige Schreiben vom 20. November 1891
an. 14298- bezugslos für mich ersuchen, dass ich wegen
des Terroristen Wladimir nachmals auf der höchsten Gerichtsbehörde
von der der Name zur Erklärung gebracht worden ist, angefragt
wird. Ich darf die weitere dienstliche Mitteilung vorbehalten.
Daher das Ergebnis der in Wien wegen des y. Pollock angestell-
ten Untersuchungen gibt die abschließend bestätigende Mitteilung der
K.K. Polizeidirektion daselbst Auskunft.
Die höchsten Behörden, die Identität des angeblichen Wladimir
festzustellen, sind bisher ohne jeden Erfolg geblieben. Dem Gericht
hat er erklärt, er sei nicht die Verantwortliche, für welche der
auf Wladimir lautende Pass ausgestellt ist. Er kenne auch nicht
Wladimir, sei aber bereit und verweigere die Nennung seines Namens
mit Rücksicht auf seine in Russland lebenden Eltern. Nach Urteil
der zu den Verhandlungen herbeigeführten Dolmetscherin, einer
geborenen Russin, sei er Inhabhaber der gefälschten Pässe.
Es wird von großem Werte sein, wenn es dort gelingen möchte,
die Identität festzustellen.

Monsieur
le Directeur du Département de
la Police Minister de l'Intérieur

Mit verbindlicher Hochachtung.
Im Auftrage
Balow

№ 2 P. O.

№ 1 P. O. St. Petersburg

Из переписки о Камо берлинского полицей-президента с департаментом полиции в России.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ
 № 24 АПР 1907
 Вид 2046
 Разбор шифрованных телеграмм № 53

Имя *Марица*
 от *Губернского Губернского Жанд. Упр.*
 на имя *Г. Валера Васильевича*

№ 1284

отправлено 22. сент. 1907 г. в 11 ч. 15 м. № 207488
 получено 22. сент. 1907 г. в 11 ч. 15 м. № 207488

653. Показание Куряков
 изобразивший картонку
 Юлии сестры жены Борис
 Федор-Петровича и сына
 на ханской Кермисе произве-
 дения. Врученному делу в
 № 505.

Полковник Еремеев
Марица
Валера
Куряков
Борис
Савинский

№ 2 П.О.
 Копия посылки и Куряков 11/1
 № 1 П.О.
 УЕМ

Телеграмма тифлисского губернского жандармского управления.

BERLIN
Polizei-Präsidenten .

Ergebenste Bitte mittheilen Details über 9 Noember atgefundenen Mauerbruch bei dem sich Demitrius Mirsky nennenden Unbekannten, sowie Muster oder Photographien von den bei Mirsky vorgefundenen Gerätschaften hierher schicken zu wollen.

Director des Polizei-Departments *Fräulein-Jak*

Из переписки берлинского полицей-президента о Камо.

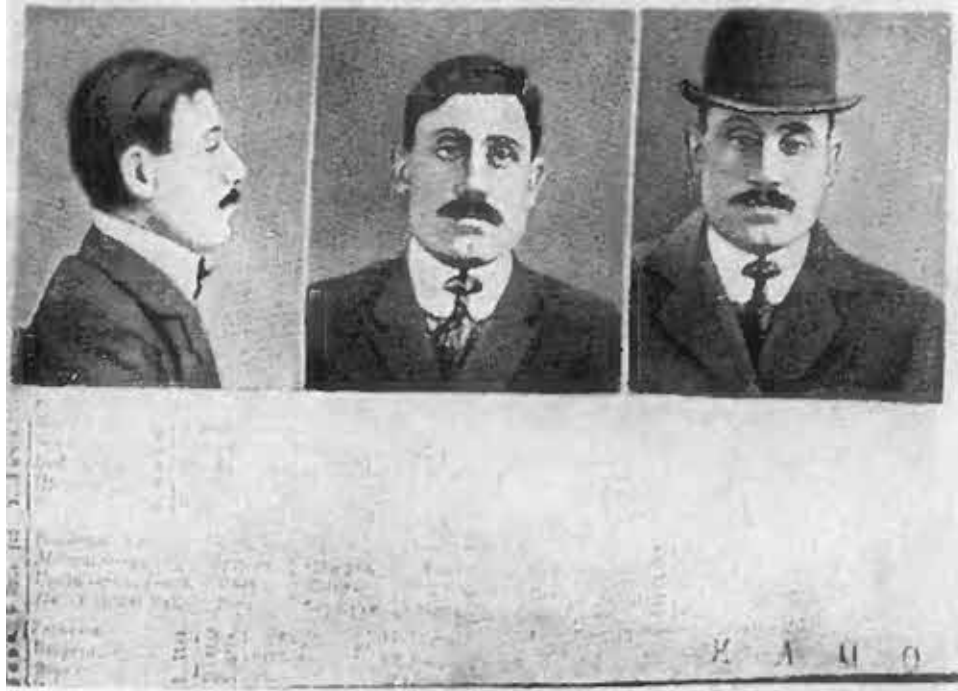
Вр.И.Д. Спѣшно. *144*
Сокретно. *69*

5748
9. Октября 1909 г.

По встрѣтившейся надобности, прошу Ваше
Высокоблагородіе выдать унтеръ-офицеру
Донского Областного Жандармскаго Управле-
нія БУНИНУ одну пару ручныхъ кандаловъ, ка-
ковыя въ непродолжительномъ времени бу-
дутъ возвращены.

Адъютантъ Управленія,
Поручикъ *Сидорукъ*

Записка с просьбой выдать ручные кандалы для Камо.

Камо после выдачи германскими властями царскому правительству.

134
68

ВЛАДКАВКАЗЪ
НАЧАЛЬНИКУ ОБЛАСТНОГО ЖАНДАРМСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Деятаго поѣздомъ номеръ четыре изъ Ростова усиленнымъ конвоемъ четырехъ человекъ слѣдуетъ арестованный прошу принять Бесланъ дальнѣйшаго слѣдованія Тифлисъ приготовивъ наручники Номеръ 5907.

П.П.Роткистръ Эляцковичъ

Вѣрно:

Поручикъ *В. Роткистръ*

Октября 1909 года

Сообщение в жандармское управление о следовании арестованного Камо.

Камо в тюрьме. 1909 год.

108 122
Ober Kgl. Preuss. Polizei-Präsident C.A.
13. DEZ 1911
Berl. C. 25, Humboldt-Str. 11, am 13. Dezember 1911.

Reg.-Okt. C.A. II. 2467, 11.
Es wird ersucht, in der Antwort die
organische Abteilung und die Topographische
Kommission in Kenntnis zu setzen.

Geheim! 18

Zeitungsneuigkeiten zufolge soll der Anarchoist, Ver-
sicherungsagent Simeon Arsenakoff Ter-Petrosian, Pseud.
Dimitrius Hirszy, aus dem Tifliser Gefängnis-Krankenhaus,
in dem er sich zum Zweck der Beobachtung seines Geisteszu-
standes befand, kürzlich entwichen sein.

Unter Bezugnahme auf die bisherige Korrespondenz in
Sachen Petrosianes, letztes dortiges gefälliges Schreiben
vom 15. April 1909-No. 128082 - und meine Antwort vom 11.
1. Mai
Mai 1909 -C.A. II 1178, 09 - beehre ich mich ergebenst um
gefällige Mitteilung zu ersuchen, ob diese Nachricht zu-
trifft und -bejahendenfalls -ob Anzeichen dafür vorhanden
sind, dass Petrosianes nach Deutschland geflüchtet ist.

Mit vorzüglicher Hochachtung
Ja Auftrage.

Monsieur
le Directeur du Département de la
Police
Ministère de l'Intérieur /

St. Petersburg.

Eingeschrieben .

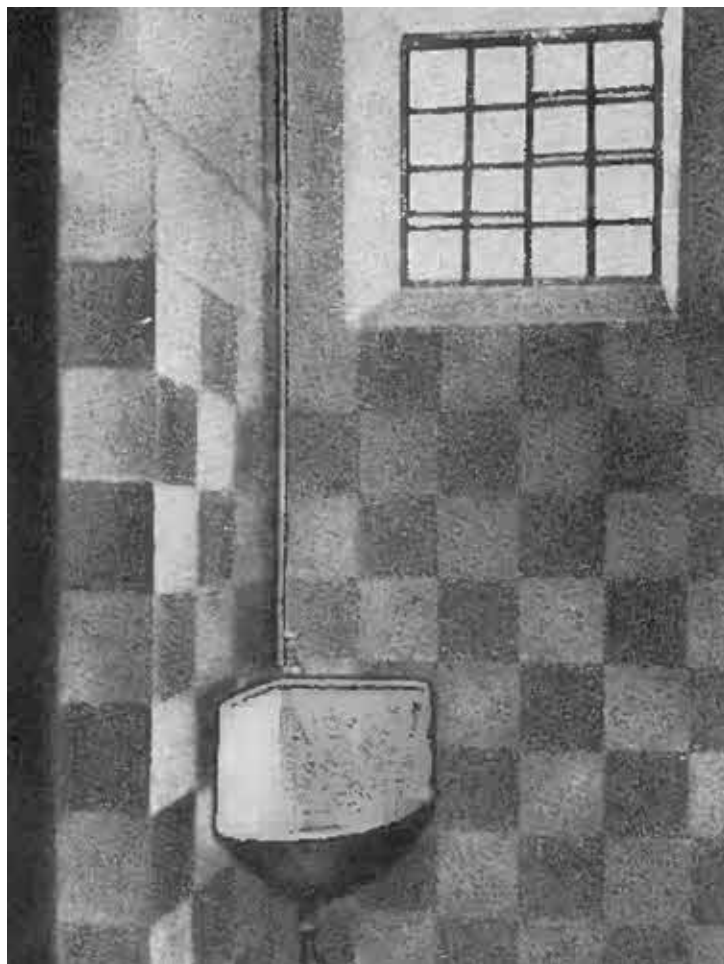
Письмо берлинского полицей-президента в департамент полиции.

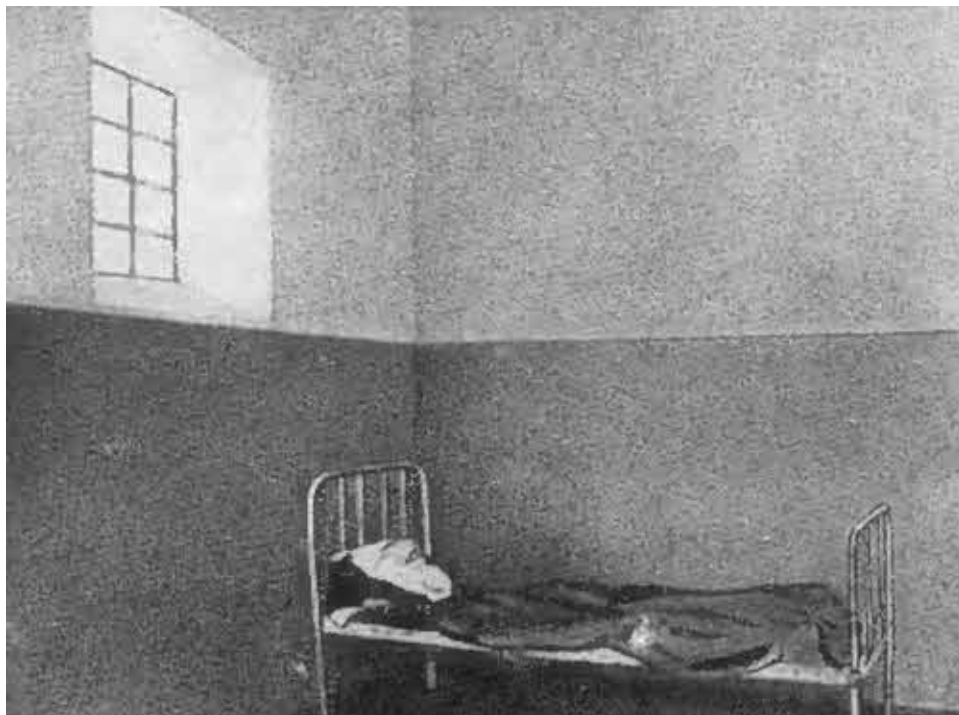
Камо. 1909 год.

Михайловская больница в Тифлисе. Из крайнего слева окна на втором этаже бежал Камо.

Окно в изоляторе Михайловской больницы, через которое, перепилив решетку, 15 августа 1911 года бежал Камо.

Комната психиатрического отделения больницы.

Вид улицы Мари-Роз в Париже, где в доме № 4 жил В. И. Ленин.

Петроград. Смольный. 1917 год.

Кремль. 17 октября 1918 года. Ленин председательствует на заседании Совета Народных Комиссаров.

РОССИЙСКАЯ
ИМПЕРАТОРСКАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
Председатель Совета
РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКОЙ
ОБОРОНЫ.
— 0 —
ПЕТРОГРАД, КРОКОВЫЙ
3-й этаж
№ 2968

Удостоверяется
Председателем Совета, тов.
К. Петров именной
Закон № 483 (на 1.8.1914) не
применяется в отношении член и уполномоченный в одном издании 483,
Можно было указать.
Прочие все совершенные чуждыми
лицами, военными и прочими лицами
относительно тов. К. Петрова подлежат
доверию и всеобщее содействие.
Пред. Сов. от. В. И. Ленин

Удостоверение, выданное В. И. Лениным Камо.

С. М. Киров и Г. К. Орджоникидзе.

А. И. Микоян.

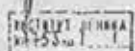
Г. А. Атарбеков.

Многоуважаемый и дорогой
Владимир Ильич, во время
партийной конференции Р.К.П.
сообщил вам о моем желании
побеседовать с вами о новых
новых, спонсируемых планах
Договор этот может прохо-
дить во время вашей прогулки
или отъезда и т.д. не упо-
миная вас. Может быть
вы найдете, что мои сообра-
жения, конечно, очень цен-
ными и осуществление их
очень важное. Для насод-
ного момента, или же вы
найдете их очень забавными.

и от души, как вы это чувствуете, пишете.

Мне бы хотелось, чтобы вы выслушали меня, до конца, или вначале конференции Коминтерна.

Преданный вам

Камо.

телефон 3-77-55.

4² дом Советов кв. 20.

8 Камо.

20 Камо-Ильичу
мне!

Письмо Камо В. И. Ленину с пометкой Владимира Ильича.

Алеша Джанаридзе.

Максим Горький.

подружески. Затем брат
призывал к мирному сотрудни-
честву под руководством специали-
стов, как в области техники,
так и сельского хозяйства, и трудо-
вой дисциплины. В конце
своей речи он предложил вы-
ступить со следующим до-
кладом тов. Крыженицкого
о электрификации страны,
какой раз ~~ввод~~ должна
вывести Социалистическую
республику из прошлого сельского
и сельского хозяйства и перейти
и поставить ее на путь социали-
стического строительства.
Принимая он добавил, что ком-
мунизм ~~зависит~~ ^{зависит} ~~от~~ ^{от} ~~качества~~ ^{качества} советского
властного электрификации,
Речь брата была подтверждена
несколькими аплодисментами.

Камо с начальником бронепоезда Ефремовым и политруком бронепоезда Бокаевым накануне освобождения Баку. 27 апреля 1920 года.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- К. Маркс, Ф. Энгельс*, Собрание сочинений, тт. 19, 21, 35.
- В. И. Ленин*, Полное собрание сочинений, тт. 4, 9, 11, 39, 43, 47, 51, 54.
- Акоп Акопян*, Сочинения в одном томе. М., «Художественная литература», 1956.
- А. Арутюнян*, Камо. Издательство Ереванского университета, 1958.
- Н. Бадриашвили*, 1905 год в Тифлисе. Тифлис, Госиздат, 1926.
- Б. Бибинейшвили*, Камо. М., «Старый большевик», 1934.
- В. Бонч-Бруевич*, Большевистские издательские дела в 1905–1907 гг. Л., 1933.
- М. Горький*, Камо. 30-томное собр. соч., т. 17. М., 1952.
- Р. Имиашвили*, Камо (биографический очерк на грузинском языке). Тбилиси, Госиздат, 1955.
- Н. К. Крупская*, Воспоминания о Ленине. М., Издательство политической литературы, 1957.
- С. Медведева-Тер-Петросян*. Герой революции «товарищ Камо». М. — Л., 1925.
- В. Орджоникидзе*, Тифлисский рассвет. М., «Молодая гвардия», 1959.
- «Очерки истории Коммунистической партии Грузии». Тбилиси, Издательство ЦК КП Грузии, 1971.
- Сборник «1905 год. Материалы и документы. Боевая группа при ЦК РСДРП». М., 1927.
- «Товарищ Камо». По документам Центрархива Грузии. Тифлис, 1924.
- Л. Шаумян*, Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С. А. Тер-Петросяна. М., Госполитиздат, 1959.

INFO

Д79

Дубинский-Мухадзе И. М.

Камо. М., «Молодая гвардия», 1974.

240 с., с фотограф. («Жизнь замечательных людей»). Серия биографий. Вып. 3(537). 100 000 экз.

ЗКП1 (092)

Д 70302-024/078(02)-74/343-73

notes

Примечания

В последние свои годы Камо по настоянию А. М. Горького начал писать автобиографию. Он успел бегло рассказать о детстве и о нескольких эпизодах первоначальной революционной своей деятельности. (Здесь и далее примечания автора.)

Даты до марта 1918 года даются по старому стилю.

Пять фельетонов Максима Горького под общим заглавием «Разбойники на Кавказе» опубликованы в ноябрьских номерах «Нижегородского листка» за 1896 год. Позднее не перепечатывались.

Гуго (Гола) Читадзе — популярный общественный деятель Грузии конца XIX века, видный руководитель революционно настроенной молодежи. Один из первых знакомых Горького в Тифлисе.

Головинский проспект — аристократический центр старого Тифлиса. Ныне — вместе с Дворцовой улицей — это проспект Руставели.

Сергей Яковлевич Аллиуев — из первых социал-демократов на Кавказе. Неоднократно руководил политическими забастовками в Тифлисе и Баку.

Иван (Вано) Федорович Стуруа — рабочий, в революционном движении с 1894 года. Активный деятель большевистских подпольных центров в Закавказье.

Майрик — мамочка (арм.).

А. Зурабов — после II съезда РСДРП большевик, в 1906 году примкнул к меньшевикам.

Выделение *р а з р я д к о й*, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами заменено курсивом. (не считая стихотворений).
— Примечание оцифровщика.

Статья «Насущный вопрос» написана поздней осенью, предположительно в октябре, 1899 года. Впервые напечатана в 1925 году в «Ленинском сборнике» III. Вошла в четвертый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина (стр. 194, 195).

Татарами в дореволюционные годы на Кавказе называли азербайджанцев, всех других мусульман.

Ефрем — В. С. Бобровский. В Тифлис приехал по поручению Ленина.
Был членом Кавказского союзного комитета.

Речь о бакинской трагедии 6–9 февраля девятьсот пятого года.

После небывало долгой стачки бакинские рабочие вынудили нефтепромышленников подписать первый во всей Российской империи коллективный договор. В отместку губернатор Накашидзе провоцирует в Баку, Елизаветполе и нескольких других городах дикую армяно-татарскую резню. Такой же кровавый и бессмысленный погром готовится в Тифлисе.

Несколько суток кряду, начиная с двенадцатого февраля, Камо и Серго Орджоникидзе ночами печатают, днем распространяют «Воззвание» тифлисских большевиков к населению:

«Теперь эти жалкие рабы жалкого царя... требуют вашей крови, они хотят разделить вас и властвовать над вами.

Вы — армяне, татары, грузины, русские! Протяните друг другу руки, смыкайтесь теснее и на попытки разделить вас единодушно отвечайте: «Долой царское правительство! Да здравствует братство народов!»

Сололаки — привилегированный район старого Тифлиса, вблизи дворца наместника Кавказа.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 334.

Имя настолько популярно, что его заимствуют тифлисские гимназисты. Свой бесцензурный журнал «Школьная жизнь» они многозначительно подписывают: «Редактор — издатель «Камо». «Камо» выступает в журнале и как публицист. Большую, любопытно аргументированную статью «Возможна ли в буржуазно-капиталистическом государстве идеальная школа?» он заключает: «Надо уничтожить существующий строй, и тогда на его развалинах свободный народ воздвигнет свободную школу». И как художник-сатирик. На одной его карикатуре священник в пустом классе преподает закон божий. На второй — солдаты хватают выходящих из гимназии мальчишек.

Нет ни свидетелей, ни стенограмм бесед Камо с Шаншиашвили в Метехах. И объяснений Камо со следователи и городовым. Только то, что в свое время Барон Бибинейшвили слышал от Камо. И в конце двадцатых — начале тридцатых годов восстановил по памяти для своей книги. Все последующие «вариации», расцветки, как говорится, от лукавого.

Куоккала — ныне Репино.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 342.

Никак не в январе 1907 года, как утверждает в своей диссертации кандидат исторических наук Р. С. Имнаишвили.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 269.

Нелишне напомнить: сейчас, в Льеже, Камо 24 года, Шаповалову —
35.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 158.

Там же, т. 21, стр. 197.

Там же, т. 35, стр. 148.

Президент — начальник полиции Берлина — полицей-президент.

Гартинг разоблачен весной 1909 года, после появления во французских газетах статей о том, что глава русской политической полиции в Европе, статский генерал, кавалер высших орденов многих стран не кто иной, как провокатор Абрам Гекельман-Ландезен.

Каждый, кто решает вернуться из эмиграции в Россию, снова взяться за нелегальную работу, приходит в Берлине в Заграничное Центральное бюро к Отцову, стало быть, к Житомирскому. Изредка просят денег на дорогу. Всегда добиваются явок — святая святых революционера. Предупредительный, заботливый Отцов не отказывает. Извольте, в Питере, Киеве, Одессе, Москве, Иркутске, Чите, Ярославле, Екатеринославе — почти во всех краях. Снабжает явками, заблаговременно проданными Гартингу, фон Ягову... Полицей-президент из виду своего Якоба не упускает, время от времени дает ему поручения особо доверительные и капитальные. Оплата сдельная.

Недвусмысленное напоминание о Куоккале, о даче «Ваза», все еще остающейся штаб-квартирой большевистского центра.

Инженер-химик — тот самый Наум Тюфенчиев, лидер македонских революционеров.

«Форвертс» — центральная газета немецких социал-демократов.

Тут бы и добавить: «Я уже позаботился, донес Гартингу. Департамент полиции предупрежден: «Доктор Сегал, служащий в Баку, в больнице Совета Съезда нефтепромышленников, во время приезда в Берлин посещал Камо, и в записной книжке последнего записан адрес Сегала. Сегал является крайне серьезным социал-демократом большевиком, пользуется известной репутацией и хорошо знает личность Камо».

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, стр. 129–130.

О письме Аксельрода Плеханову стало известно лишь в 1926 году Н. К. Крупской.

Даты во всех «скорбных листах» указаны немецкими врачами по новому стилю.

Камо лишь в исключительных случаях, чтобы не обижать друзей, выпивал один-два стакана сухого вина. Версия о раннем, чуть ли не с детских лет, пристрастии к алкоголю, дабы натолкнуть врачей на мнимую причину своей «болезни».

Город Калиш ныне находится на территории Польской Народной Республики.

Столыпин не знает или нарочито умалчивает о том, что несколько раньше Сазонов, шеф русской дипломатической службы, сам обращался к наместнику. По сему поводу прокурор тифлисской судебной палаты — министру юстиции:

«По полученным лично от председателя Кавказского военноокружного суда генерал-лейтенанта Игнатьева сведениям, за несколько дней до разбора дела в военном суде, имевшем место 26 апреля 1910 года, он, будучи по делам у наместника его императорского величества на Кавказе, слышал от последнего, что им получена телеграмма от министра иностранных дел, в которой высказывались серьезные опасения некоторых международных осложнений в случае суровой репрессии суда по отношению к Тер-Петросянцу. Игнатьев об этом, однако, не сообщил судьям: генерал-майору Долганскому (председательствовавшему) и членам суда — подполковникам Вачнадзе и Пентко».

В «Автобиографии» поэта Грузии и Армении Акопа Акопяна: «Я отправился за границу...

Две копии протоколов о мучениях и пытках, много месяцев проделываемых над Камо под видом медицинского обследования, были переданы мною А. Луначарскому в Париже и К. Либкнехту в Берлине. Они были опубликованы в «Юманите» и «Форвертс».

Убежденность не одного только Брагина. Когда это ничем не будет угрожать Камо, большинство служителей покажут на допросах:

Нестеренко: «Тер-Петросов иногда разговаривал с нами. Он говорил понятно, толково, мы его совсем не считали за сумасшедшего».

Григорьев: «С Петросяном мне приходилось разговаривать; он говорил вполне разумно и ерунды не говорил. Вначале только он некоторое время говорил бог знает что, а затем перестал».

Красных: «При мне ТерПетросян вел себя спокойно, часто читал книги, газеты».

Кахетеладзе, надзиратель: «ТерПетросян знал грузинский язык, и я с ним иногда говорил. Мне приказано было вообще вызывать его на разговор; я давал ему газеты, затем расспрашивал о прочитанном, и он толково передавал их содержание».

Свидетельство Котэ Цинцадзе:

«Посланный в Кутаис накануне побега Камо Брагин там был арестован. В результате долгих пыток и мучений он назвал лиц, принявших участие в освобождении Камо... Несчастный Брагин очень переживал. При встрече со мной на прогулках в тюрьме страшно стеснялся. Я почувствовал, что все случилось с ним по неопытности, в результате молодости и страха после стольких пыток и терзаний. Я простил его и помог перевестись в мою камеру. Впоследствии он стал очень хорошим товарищем и революционером».

Так в жандармском документе.

Письмо Димитрова и записка Трайчева найдены мною в бумагах Миха Цхакая в Центральном партийном архиве. Переезд Трайчева благополучно совершится. До последних своих дней он будет директором банка в Тбилиси.

Вещи — оружие, бомбы.

Ухищрения напрасные. Министр внутренних дел России Маклаков обратит внимание своего коллеги по иностранным делам Сазонова:

«Имею честь препроводить Вашему превосходительству копию документа, каковой в своем содержании заключает, между прочим, материал, рисующий отношение турецкой полиции к членам русских противоправительственных партий и оказываемое турецкими властями содействие к приезду революционеров в пределы империи.

К сему имею честь присовокупить, что в лице автора присланного документа возможно предположить Семена Аршакова Петросянца (он же Тер-Петросов, Дмитрий Мирский и КАМО)...»

Царьград — старинное русское название Константинополя.

Письмо на маленьком, узком листке симпатическими чернилами. Не все слова сейчас возможно разобрать.

14 ноября девятьсот восемнадцатого года националистические и контрреволюционные партии Закавказья образовали «независимое правительство», так называемый Закавказский комиссариат, во главе с меньшевиком Евгением Гегечкори. Первые внешнеполитические шаги комиссариата направлены на то, чтобы по указке стран Антанты создать против Советской России единый фронт с белыми армиями, орудовавшими на Северном Кавказе. На совместной конференции, белогвардейцев и кавказских националистов Гегечкори покорнейше заверяет генерала Деникина:

«По вопросу об отношении к большевикам могу заявить, что борьба с большевиками в пределах нашей республики беспощадна. Мы всеми имеющимися у нас средствами подавляем большевизм, и я думаю, что в этом отношении мы дали ряд доказательств, которые говорят сами за себя...»

Великокняжеская — ныне улица Камо.

Обязательно, в жару и в мороз, дома и в пути. В десятых числах марта 1918 года Камо с группой кавказских большевиков ехал из Петрограда в Москву. «В день два раза, — писал Леван Ананов, — Камо выскакивал на станциях, обливался ледяной водой, а затем делал гимнастику обнаженным по пояс. Авель Енукидзе подтрунивал над ним, говоря: «Ты хоть перед нами не притворяйся сумасшедшим. Простудишься, захвораешь воспалением легких...» А Камо, посмеиваясь, отвечал: «Если бы я не закалялся, меня сейчас с вами не было бы».

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 51, стр. 42.

После революции Камо все чаще подписывается фамилией Петров («К. Петров»). Заполняя последнюю в своей жизни анкету 14 июля 1922 года, также написал: «Фамилия: Петров (Камо), имя: Семен, отчество: Иванович».

Удостоверение, написанное рукой Ленина и выданное им Камо 3 сентября 1919 года, хранится в ЦПА ИМЛ. Фотокопия — в книге Л. С. Шаумяна, стр. 233.

Николаевская — ныне Коммунистическая улица.

Воздвиженка — ныне проспект Калинина.

Иван Павлович Ладыжников руководил издательством, созданным в дореволюционные годы по заданию ЦК большевиков.

Николай Евгеньевич Буренин — в годы подполья организатор перевозки нелегальной большевистской литературы из-за границы в Россию.

Александр Михайлович Игнатъев — инженер-изобретатель, участник революции 1905 года, неоднократно выполнял поручения ЦК, главным образом военно-технического порядка.

Долма — кавказское блюдо вроде голубцов.

Первый Всероссийский съезд транспортных рабочих происходил в Москве с 22 по 31 марта 1921 года. В нем участвовало 1079 делегатов. Двадцать седьмого на вечернем заседании Ленин выступил с речью.

X конференция РКП (б) состоялась в Москве 26–28 мая 1921 года.

III конгресс Коминтерна работал в Москве 22 июня — 12 июля 1921 года.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 54, стр. 230.

Назавтра после гибели Камо — пятнадцатого июля 1922 года — в тбилисской газете «Заря Востока» Малакий Торошелидзе привел слова Камо: «Это земля смеется, когда я по ней хожу, она радуется моей жизни».